Журнал современной фантастики

ФАНТиК° 4

Июль-Август 2012

Фантастический детектив

Фантастический детектив

Что может быть увлекательнее детектива? Только детектив фантастическй!

Какие тут возможны сюжетные изыски! Шерлок Холмс и “зеленые человечки”, Эркюль Пуаро и “Нечто”. Миссис Марпл и “Чужие”, пилот Пиркс и сумасшедший Космос.

Изыски, изысками, но и классический детектив с фантастическим антуражем всегда интересен прежде всего приключениями человеческого духа в невозможных, экремальных обстоятельствах. Дело талантливого автора создать эти обстоятельства, а уж герой проявит себя во всей красе. И доблестный сыщик, вооруженный сверхспособностями и необычный преступник, колдующий преступление. Читайте, удивляйтесь.

СОДЕРЖАНИЕ:

Леонид Шифман, Ольга Бэйс
РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ НА СТОЛЕ …….4

АЛЕКС ЯР
ПРОЕЗДНОЙ БИЛЕТ ……..81

Александр Свистунов
ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА В ПЕРУ
И ЛЬУЛЬАЛАКО……..88

Александр Змушко
ПЕРНАТЫЙ КОТ ……92

Леонид Шифман, Ольга Бэйс (ИЗРАИЛЬ)

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ НА СТОЛЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В качестве пролога рассказ Николь о том, как все началось.

Макс с укоризною наблюдал за моими суетными сборами. Наконец, пригвоздив чемодан коленкой к полу, мне удалось свести молнии. Я слезла с чемодана и глубоко вздохнула.

– С тобой обязательно что-нибудь произойдет! – Макс повторил слово в слово козырной аргумент моего босса, Генри Тамона, только вложил в него иной смысл. – Ведь я не могу с тобой поехать.

Я знала, что не может, но отменить из-за этого встречу с Мэриэл? Да никогда!

– Дорогой, – мягко сказала я, памятуя, во что влетает клиентам час трудодеятельности моего мужа, – я понимаю, что работа превыше всего, и ты можешь заработать больше меня, лишь тогда, когда я праздную лентяя.

Чистой воды правда: даже средней руки программист зарабатывает лучше хорошего адвоката, только зря я это сказала. Теперь Макс надуется и всю неделю, что я проведу в Сент-Ривере, не проронит ни слова, ни разу не позвонит…

– Обещают дожди на всю неделю! – Муж уже сдался, но адвокат блефует, продолжая цепляться за последнюю соломинку. Ведь знает сам, что летом в Сент-Ривере дождей не больше, чем нотариусов в Антарктиде.

– У Мэриэл наверняка найдется запасной зонтик! – примирительно проговорила я и обняла Макса. Помогло.

Супружеской жизни небольшие перерывы идут лишь на пользу. Только что-то я больно быстро усвоила эту истину.

Сент-Ривер

– Ты превосходно выглядишь, – сказала я, трижды чмокнув Мэриэл. – Нет, правда!

– И ты, Николь, ничуть не изменилась!

– Ладно, сочту за комплимент.

Мой чемодан не влез в багажник такси, и мы втиснули его на заднее сидение, а сами устроились рядом.

– Наряды? – спросила Мэриэл, и мы покатились со смеху.

По дороге в гостиницу мы щебетали, как две школьницы, сбежавшие с последнего урока. Это было рискованно: водитель без конца пялился на нас в зеркальце, отвлекаясь от извилин дороги.

– Дэвид просил извинить его, – сказала Мэриэл. – Он не смог приехать в аэропорт. Работа.

– Все мужчины одинаковы! – Мы снова расхохотались. – Нет! Максимилиан не просил передать извинения!

– За что?

– Как за что? За то, что не смог приехать в аэропорт!

Дорога пролетела незаметно. Лишь когда машина затормозила у подъезда гостиницы, моя подруга посерьезнела.

– Завтра в девять. Мы, как договаривались, отправимся ко мне.

– Один день из жизни несравненной Мэриэл Адамс! – сказала я.

– Надеюсь, он выдастся таким же интересным, как и солнечным, и нам не придется скучать.

– Не беспокойся, с тобой не соскучишься! Только надеюсь, что преступление, которое нас ожидает, не будет уж слишком…

– Да, и я надеюсь, что им не станет убийство.

Нашим надеждам не суждено было сбыться, но не стоит забегать вперед.

Мэриэл вышла из машины и помогла вытащить чемодан.

– До завтра, – сказала она и обняла меня.

Разглядывать гостиничный номер не осталось сил, да и бог с ним… Прежде чем рухнуть в постель, я позвонила Максу и, кажется, разбудила его. Мог бы для приличия немного поволноваться. Спит как сурок.

* * *

– А где же Ари? – спросила я, когда Мэриэл отворила дверь и впустила меня в офис.

– Он будет чуть позже. Ему надо с утра заскочить в банк. Садись в мое кресло, а я приготовлю кофе.

Мэриэл запустила кондиционер и отправилась на кухню.

Я нашла еще одно кресло и подкатила его к столу рядом с креслом подруги. Пусть Мэриэл останется на своем месте. По себе знаю, что такое привычка. Я уселась и завертела головой. Уютненько и ничего лишнего. Интересно, чья это заслуга? Мэриэл или Ари? И на столе почти идеальный порядок. Идеальный порядок – это когда ничего нет! Но на столе одиноко покоилась небрежно брошенная картонная папка с тесемками, невольно притягивающая взгляд. Диссонанс!

– Это твоя папка? – спросила Мэриэл, опуская на стол поднос с двумя чашечками кофе и тарелочкой с бисквитами. – Будь добра, отодвинь ее, чтобы не залить кофе.

– Нет, не моя, – сказала я, отодвигая папку.

– Наверное, Ари оставил. Впрочем, на него это совсем не похоже. Устал бедняга. Пора отправить его в отпуск.

Не успела я сделать глоток кофе, как в кабинет вошел Ари. Короткая сцена представления сопровождалась поцелуем руки.

– Ари, что это за папка? – спросила Мэриэл, – она лежала на столе, когда мы с Николь зашли в кабинет.

Ари взял папку со стола, его лицо выражало крайнюю степень изумления.

– Можете не сомневаться, когда я вчера закрывал кабинет, ее здесь не было.

– У меня есть лишь одно основание усомниться в этом – папка! Дай-ка мне этот артефакт.

Ари послушно положил папку на стол рядом с чашкой Мэриэл и вышел.

– Впрочем, – сказала Мэриэл, – давай сначала разберемся с кофе.

Я тут же приговорила свой кофе тремя глотками: уж больно мне не терпелось заняться папкой. Я предвкушала приключение – день начался как надо! Но тут одна мысль… Конечно же, черт возьми! Мэриэл и Ари просто сговорились заранее! Такое уже случалось. Этого следовало ожидать. Я догадалась, и это дало мне определенные преимущества. Без малейших сомнений я решила им подыграть.

– Ну что там, Ари? – спросила Мэриэл, когда ее секретарь вернулся и принялся осматривать оконные запоры в кабинете.

– Все окна закрыты на задвижки, форточки тоже, – ответил Ари, искренне недоумевая. – Сигнализация не срабатывала. Никаких следов проникновения.

– Тайна запертой комнаты! – как можно более зловеще произнесла я и отметила, что Мэриэл хмыкнула – еще один аргумент в пользу моей догадки.

– Спасибо, Ари. Это становится интересным. – Мэриэл поставила чашку на стол. – Что ж, займемся папкой.

Она открыла верхний ящик стола и достала две пары резиновых перчаток и увеличительное стекло. Они явно неплохо подготовились к розыгрышу.

– Ты первая, – сказала Мэриэл, протягивая мне пару перчаток.

Я надела их и развязала тесемки. Внутри папки находилась сотня листов писчей бумаги с каким-то текстом. Отпечатан он был на принтере. Голову на отсечение не дам, но полагаю – на лазерном. Бумага хорошего качества, не успевшая пожелтеть.

– Мэриэл, какой у вас тут принтер? – Я постаралась, чтобы вопрос прозвучал невинно.

– В смысле?

– Лазерный?

– Ты всерьез полагаешь, что некто проник сюда, чтобы распечатать на моем принтере какой-то текст и оставить его мне на память? – Мэриэл взглянула на рукопись. – Нет, у меня качество лучше.

Сделав вид, что ее ответ меня удовлетворил, я откашлялась и приступила к чтению вслух.

Глава первая
Жизнь и увлечения пана Райновски

Кто не мечтает получить наследство от богатого дядюшки? Согласитесь, здорово, когда на твою долю выпадает такая удача! Особенно здорово, если родство дальнее, и ты без зазрения совести предаешься радости. Правда, в случае Бруно Райновски все выглядело не так идеально. Вместо денег дядюшка оставил ему магазин и небольшую квартирку в том же доме, но этажом выше. А в завещании указал, что Бруно в течение пяти лет не имеет права ничего продать из полученного наследства. Бруно и не собирался.

Почему все свое имущество Маркус Райновски оставил именно Бруно? Детей у старого бобыля не было, вот и достался налаженный и прибыльный бизнес троюродному племяннику. Повезло молодому человеку. Другой бы обрадовался и зажил припеваючи, но только не Бруно Райновски.

Будь это какой-нибудь супермаркет, магазин одежды или там аптека, наш герой трижды бы подумал прежде, чем принять нежданное наследство, несмотря на финансовые затруднения, донимавшие его в те времена. Но от компьютерного магазина он отказаться не мог: он как раз собирался засесть за учебу и поближе познакомиться с передовой техникой, а при случае даже заняться программированием.

Господин Райновски – физик-недоучка, из-за какой-то не слишком красивой, но весьма романтичной истории, вылетевший из Стэнфорда. Работая ради хлеба насущного, он сторожил ресторан, обрабатывал надгробия в мраморной мастерской, перевозил мебель и даже пытался изучать психологию, – перепробовал многое, но ни на чем подолгу не задерживался, а остающиеся иногда в кошельке деньги просаживал в казино или транжирил на не слишком щепетильных подружек. Кто знает, сколько еще он искал бы себя, если б не дядюшка. Редкий и поучительный пример того, как усопший дальний родственник наставляет на путь истинный беспутного племянника!

Менеджером Бруно оказался толковым. Природная сметливость позволила ему сообразить, что успех приходит к тем, кто шагает в ногу со временем. Не ахти какой свежести истина, но Бруно дошел до нее сам. Он разобрался с устройством компьютерных сетей и теперь не просто продавал компьютеры оптом, но вдобавок соединял их в сеть, не взимая за это дополнительной платы. Это позволило ему за четыре года превратиться во владельца крупнейшего в Сент-Ривере компьютерного магазина и главного поставщика муниципалитета.

Но не успешный бизнес сделал пана Райновски известным. Действительно, эка невидаль! Продает человек компьютеры и ремонтирует их, снабжает запчастями и оснащает программами. И что?

Другое дело хобби. А оно у Бруно было. Он любил разгадывать загадки и раскрывать тайны, но не те, которыми изобилуют конспирологические романы. Ни исторической

наукой, ни политикой господин Райновски никогда особо не интересовался. Тайны и загадки приходили к нему сами. Впрочем, приходят они и по сей день.

Допустим, в жизни человека приключается нечто таинственное, вызывающее страх, сомнения или, на худой конец, любопытство, и сам он не в состоянии в этом разобраться, тогда он идет к Бруно Райновски. А тот всегда готов заняться расследованием, если, по его мнению, предложенная загадка того стоит.

Став владельцем вполне доходного дела, молодой пан Райновски мог, безбедно существуя, заниматься тем, к чему у него лежала душа. Денег он за это не брал, на то оно и хобби.

Рекламу ему сделала госпожа Френсис, пожилая леди, вдова сенатора, проживавшая со своим сенбернаром в просторном старом доме в северном районе столицы. При таинственных обстоятельствах у нее пропало дорогое ожерелье – свадебный подарок покойного мужа. Ни полиция, ни частный детектив не смогли ей помочь, и тогда, вконец отчаявшись, она обратилась за помощью к Бруно Райновски. Слушая рассказ госпожи Френсис, Бруно наблюдал, как в углу гостиной сенбернар, запрокидывая голову, делал глотательные движения и облизывался, с увлечением поглощая шарики собачьего корма. А когда его хозяйка закончила рассказ, Райновски только поинтересовался, не страдает ли ее сенбернар последнее время запорами, после чего откланялся. А уже через день госпожа Френсис безуспешно пыталась всучить Бруно чек на крупную сумму.

Страсть ко всякого рода расследованиям зародилась у Бруно с детства. Родители часто оставляли своего младшего сына на попечение деда, большого любителя детективных романов. Их обоих увлекла игра, возникшая как-то стихийно при обсуждении книги, которую читал Райновски старший.

Эта забава стала для них необходимой частью общения. Дед читал мальчику отрывки из детективов, содержащие загадки, затем они пытались вдвоем найти ответы на вопросы, поставленные очередным сюжетом, и только выстроив свою версию событий, снова обращались к тексту.

Но вот теперь чисто литературное развлечение перекочевало в повседневную жизнь Бруно и даже сделало его по-своему знаменитым.

Николь. Если не думать о том, как попала к тебе эта папка, то, наверное, рукопись оказалась здесь не случайно, похоже, главный герой – твой коллега.

Мэриэл. Почему мой? Наш! А что ты можешь сказать об авторе?

Николь. По-моему, этот вопрос преждевременен. Но ясно, что это художественный текст. Роман?

Мэриэл. Посмотрим. Для романа текст маловат. А как тебе про тайны и загадки, которые приходят сами?

Николь. Не более чем метафора. И дело не в том, что для этого нужны ноги…

Мэриэл. А мне кажется, что автор готовит нас к некой загадке. Пойдем дальше? Теперь моя очередь читать.

Я вручила рукопись Мэриэл и приготовилась внимательно слушать.

Глава вторая
Трагические события в Тотридже

Было сразу понятно, что это не покупатель. Молодой человек огляделся, но не сделал ни шага к витрине. Черная кожаная куртка не соответствовала погоде, что могло означать лишь одно: ее владелец спустился с высоты Тотриджа.

– Добрый день, – приветливо обратился к нему Бруно, – чем могу быть полезен?

– Вы ведь господин Райновски?

– Да. А вы Лотар Шмид.

– Позвольте… – Голос молодого человека дрожал.

– Я внимательно читаю газеты. В том числе тотриджские. – Бруно улыбнулся. – В одной из них было ваше фото.

– Мне посоветовали… Мне сказали, что вы это можете.

– Что именно? Найти убийцу вашего отца, Вольфганга Шмида?

– Да.

– Не думаю, но, возможно, смогу подсказать, где его искать, если ваше дело меня заинтересует. Поправьте меня, если я что-либо перепутаю. Ваш отец исчез дней десять назад. А спустя пять дней его нашли, но он был мертв, убийство – основная версия.

– Все верно. Это было в газетах.

– Я глубоко сочувствую вам, но, очевидно, расследованием занимается полиция?

– Да, полиция ищет убийцу, но это не все. В этой истории есть нечто такое, чего никакой полицейский инспектор не сможет объяснить, да и не станет стараться.

– Звучит круто! Пожалуй, нам стоит поговорить в более спокойной обстановке. У вас есть еще дела в Сент-Ривере?

– Да, жена просила навестить ее родственников.

– Вот и отлично, а ближе к вечеру я жду вас. Мы поднимемся ко мне, и вы все подробно расскажете.

– Значит, вы поможете…

– Прежде чем давать вам обещание, я должен понять, чего вы от меня ожидаете, и что я могу. До вечера.

Молодой человек вернулся через пару часов. В магазине еще вертелись посетители. Но Бруно безошибочно определил, что до покупателей они пока не доросли. Поэтому с удовольствием передал их на попечение Лоры, одной из своих продавщиц. Ему не терпелось выслушать Лотара Шмида, предвкушение тайны волновало его, хотелось побыстрее окунуться в нее. Он чувствовал, что его ожидания не будут обмануты, он всегда узнавал своих клиентов, хотя вряд ли мог бы объяснить, по каким приметам.

– Расскажите все по порядку, – попросил Райновски, как только они с молодым Шмидом расположились в небольшой гостиной его квартиры.

– Мы с отцом не были особо близки, виделись нечасто, хотя Тотридж – небольшой город, да и живем мы в одном районе, – начал свой рассказ Лотар.

– Тому были причины? – решился прервать своего гостя Бруно, поскольку ему показалось, что вопрос этот может оказаться важным.

– Если это можно считать причиной. Когда умерла моя мать, а отец через год женился на Салли, я был подростком с неуравновешенной психикой, история стара как мир, вы же понимаете.

– Да, – важно подтвердил Бруно, хотя собеседник выглядел постарше него.

– Это все давно забыто, но осадок от подобных переживаний бывает удивительно стойким. Впрочем, мое отношение к мачехе, хотя оно и осталось непростым, не мешало нам с отцом поддерживать отношения. Мы звонили друг другу, общались в сети.

– Когда вы поняли, что с отцом что-то случилось?

– В прошлый понедельник, поздно вечером позвонила Салли и спросила, не у нас ли задержался отец. Я сказал, что он к нам не приходил. Я чувствовал, что она очень взволнована, и было от чего. Отец отправился на свою вечернюю прогулку и не предупредил, что собирается куда-то еще. Обычно это занимало часа три.

– Вы хотите сказать, что он каждый день гулял по три часа?

– Нет, не каждый день, но достаточно часто. Салли забила тревогу, когда отец не вернулся через четыре часа. Он не был домоседом, порой оставался на ночь у друзей, но всегда держал жену в курсе своих дел. А тут… На него это было не похоже, без особых причин он никогда не выходил за рамки привычного. Характер.

– Салли не пыталась ему позвонить?

– Он никогда не брал мобильник с собой, когда отправлялся гулять. Говорил, что это ему мешает.

– Он не работал?

– Два года, как вышел на пенсию. А до пенсии много лет проработал в «Электросервисе».

– Тело обнаружили в парке?

– Его нашли в парке Независимости, в кустах… Вероятно, маршрут его прогулок проходил именно там.

– У него был постоянный маршрут для прогулок?

– Мы с Салли тоже подумали об этом, но он никогда не рассказывал, где гуляет. Он скончался от удара тяжелым предметом по голове. Не исключено, что это была бутылка.

– Ее нашли? Я имею в виду бутылку.

– В кустах нашли несколько бутылок. Их исследуют. Но дело не в этом.

– А в чем же? – неподобающе быстро спросил Бруно.

– Он был одет не в свою одежду, а в кармане пиджака оказались документы другого человека.

Бруно присвистнул.

– Но почему…

– Меня пригласили на опознание, потому что в брючном кармане обнаружили квитанцию из химчистки на имя Шмида.

– Скажите, он был в костюме или… – Бруно от волнения не мог подобрать нужных слов.

– В костюме, – уверенно сказал Лотар. – Но это не его костюм. По крайней мере, я никогда отца в нем не видел. И Салли тоже. Кстати, Салли утверждает, что он ушел из дома в джинсах и легкой куртке.

– А размер костюма? Его?

Лотар немного пожевал губы.

– Мне показалось, что да. Но вы же понимаете… Надо видеть человека во весь рост… То есть, я хочу сказать, что он должен стоять или идти… Вы хотите сказать, что ему подложили чужие документы?

– Это возможно, – сказал Бруно. – А в документах фотография его?

– В том-то и дело, что его.

– Х-м-м… Какие мотивы предполагает полиция? Ограбление?

– Разве что случайное. У отца никогда не было больших денег, да и наличными он не любил пользоваться. А его кредитная карточка осталась дома. Ее обнаружила Салли.

– Знаете, как бывает… Хорошо бы иметь в кармане мелочь для подобных случаев… – Бруно встал и начал мерить шагами гостиную. Молча и забыв про своего гостя. Он делал это довольно долго. Затем энергично закивал и вернулся на прежнее место. – Чем занимался ваш отец в «Электросервисе»?

– Бухгалтер, сначала рядовой, затем старший бухгалтер. Зарплата достаточно скромная, правда, и мама, и Салли имели возможность не работать… Да и не работали. Ну и пенсия, сами понимаете…

– Скажите, господин Шмид, у вас есть братья, сестры, сводные?

– Нет. У Салли была дочь, но она погибла вместе с отцом в автокатастрофе.

– Понятно. На чье имя были документы?

– Гюнтер Пфлегер.

– Простите, Лотар, ваш отец… немец?

– Да. Он эмигрировал с родителями из Германии еще ребенком. Но я бабушку с дедушкой почти не помню. Они умерли, когда я был маленьким.

Бруно решил измерить гостиную еще раз. Через минуту, удовлетворившись ее шириной, он нарушил паузу:

– Что же я?! Вы хотите что-нибудь выпить? Коньяку?

– Нет, спасибо. Вот от стакана чая не откажусь.

Разговор продолжили за столом.

– Гюнтер Пфлегер… Что известно о нем? – спросил Бруно, помешивая ложечкой чай.

– Полиция выяснила, что такой человек существует… существовал… Владел виллой. Исправно платил за коммунальные услуги и, похоже, жил один, если не считать служанки, занимавшей комнату возле кухни.

– Служанка опознала… тело?

– Да, насколько мне известно, – сказал Лотар, ставя с грохотом чашку на блюдце. – Извините… Как же я про нее забыл? Конечно, мы должны поговорить с ней!

Бруно обратил внимание на «мы». Пожалуй, Лотар прав. Дело выглядело, по меньшей мере, любопытным, и Бруно был достаточно заинтригован.

– Да, надо встретиться с единственной пока свидетельницей Лаурой Криспи.

– Да-да, ее зовут Лаура Криспи. У вас исключительная память! Адреса ее я не знаю, но, возможно, она продолжает жить на вилле?

– Возможно. И даже, пожалуй, очень вероятно. Известно ли где находится вилла?

– Да, но туда нельзя прийти без разрешения полиции.

– Вы уже пробовали?

– Я проверил эту возможность, но побоялся привлечь к себе внимание.

– Чего же вы боялись? Разве у полиции есть сомнения на ваш счет?

– Не знаю, но не удивился бы, если бы попал в число подозреваемых.

– Вы считаете, что вас могут заподозрить, но на каком основании?

– У меня есть мотив и нет алиби.

– Мотив? – изумился Райновски.

– Кто поверит, что я ничего не знал о вилле?

– А что с алиби? Вы же где-то были в предполагаемое время убийства?

– Где-то был, но мне не хотелось бы привлекать к этому… – Лотар замялся.

– Ладно-ладно, в молодости такое бывает, – нравоучительно произнес Бруно. – Если бы полиция руководствовалась такими соображениями, то было бы логичнее подозревать вашу мачеху, а ваш интерес к обстоятельствам смерти отца понятен и вряд ли вызовет подозрение, скорее уж, наоборот.

– Наверное, вы правы, но так уж я подумал.

– Хорошо, попробую встретиться с этой дамой.

– С какой?

– Со служанкой, разумеется.

– Вы собираетесь…

– Нет, – не дал договорить Лотару Бруно, – попробую воспользоваться телефонной книгой. В газетах было имя Гюнтера Пфлегера?

– Наверное, но не могу утверждать.

– Значит, имя, если и упоминалось, то не навязчиво. Хорошо, оставьте мне свои координаты, меня заинтересовала эта ситуация. Ничего не обещаю, но попробую разобраться.

– Спасибо, господин Райновски.

– Пока уж точно не за что.

Николь. Похоже, пришла тайна.

Мэриэл. Ну, не такое уж это таинственное дело. Ужасно, конечно, что человека убили вот так средь бела дня, но что в этом таинственного?

Николь. Но человек-то был не прост.

Мэриэл. Жил двойной жизнью? А что мы знаем о нем? Пока очень мало сказано, чтобы делать выводы. Все может объясниться вполне банально.

Николь. Дорогая вилла у простого бухгалтера? Пусть даже старшего. А зачем он утаил ее от семьи?

Мэриэл. Сорвал куш в лотерее или его дядюшка оказался побогаче дядюшки Райновски. А от семьи мужчинам такого типа порой хочется отдохнуть.

Мы рассмеялись, и Мэриэл хлопнула по подставленной мною ладошке. Я забрала у нее рукопись, сделала глубокий вдох и приступила к чтению.

Глава третья
Лаура Криспи

После ухода Лотара Шмида Бруно сделал себе большую чашку кофе с сахаром и сливками. Пил он медленно, с наслаждением, и могло показаться, что он забыл о своем недавнем собеседнике и его проблеме. Но именно так Бруно начинал работать с очередной загадкой, так он погружался в обстоятельства нового дела.

Номер телефона, установленного на вилле Пфлегера, найти было несложно. Бруно надеялся, что телефонную линию не отключили, наверняка об этом позаботился полицейский детектив. Он понимал, что его звонок будет взят на заметку, его участие в расследовании станет известно полиции, но какое это имело значение?

К счастью, госпожа Криспи действительно продолжала жить в доме своего бывшего работодателя. Трубку сняла именно она, что избавило Райновски от лишних вопросов и объяснений.

– Моя фамилия Райновски, – представился Бруно. – Я говорю с госпожой Криспи?

– Да, а вы тот самый Бруно Райновски?

– Видимо, мы знакомы?

– Я читала о ваших расследованиях.

– В таком случае, возможно, вы согласитесь ответить на несколько вопросов?

– С удовольствием. Но вы ведь в Сент-Ривере?

– Я приеду в Тотридж. Удобно будет вам встретиться в ресторанчике возле мэрии, забыл, как он называется?..

– Да, вполне удобно, а называется этот ресторан «Эдем», странно, что вы забыли, если бывали там.

– Почему? Название не назовешь оригинальным.

– Если не вспомнить, что его хозяйку зовут Евой. В какое время?

– Евой, говорите? Я этого не знал, теперь не забуду. Завтра примерно в три пополудни у Евы, вас устроит?

– Договорились.

Госпожа Криспи чуть опоздала, но Бруно понял, что она сделала это вполне осознанно. Ей было удобнее искать человека, назначившего встречу, в ситуации, когда он сидел за столиком и дожидался ее. Она придирчиво рассмотрела золотую серьгу в левом ухе Бруно и пучок волос, собранных в короткую косичку чуть ниже затылка, и осталась не слишком довольна увиденным.

Сама же Лаура выглядела лет на пятьдесят с лишним, хотя по голосу ей можно было дать меньше. Впрочем, Бруно промахнулся не только с возрастом. В его представления о том, как выглядят женщины, прислуживающие немолодым хозяевам дорогих вилл, Лаура никак не укладывалась. Даже внешне она больше напоминала опытную секретаршу или школьную учительницу. Благодаря прекрасно сшитому темно-синему платью, которое дополнял и оживлял жемчужно-серый кардиган, она казалась довольно стройной, и Бруно обратил внимание на высокий каблук ее туфель, на легкую походку, на элегантную, но уместную прическу, умелый едва заметный макияж. Руки этой женщины тоже выглядели безупречно. Райновски решил, что может позволить себе вполне откровенный разговор, но сначала заказал два бизнес-ланча: для леди и себя.

– Долго ли вы работали у господина Пфлегера? – спросил Бруно, сразу, минуя формальную часть беседы.

– Одиннадцать лет, – ответила Лаура Криспи, сопроводив слова тяжелым вздохом. – Это было хорошее место.

– Вы сразу получили возможность жить на вилле?

– Да. Что меня и привлекло, у меня не было опыта подобной работы, но господина Пфлегера это не смутило. Понимаете, мне трудно было найти приличное жилье на те

деньги, которые я получала в виде пособия. Найти работу по специальности – я учитель испанского языка – было сложно, вы ведь понимаете?

– Вы приехали на тот момент из?..

– Это важно?

– Нет, конечно.

– Тогда давайте перейдем к другим вопросам.

– Вы правы. Какого рода работу вы выполняли?

– Я вела хозяйство. То есть, освобождала своего хозяина от бытовых проблем. Сначала я многое делала сама, но со временем господин Пфлегер предложил мне нанять двух женщин: одна готовила еду, другая убирала. Иногда им в помощь я приглашала девушек из деревни, но, в основном, в этом не было необходимости. Хозяин все оплачивал без вопросов. Кроме женщин был еще садовник, он приходил два дня в неделю, ну и по необходимости… В доме много всяких ситуаций бывает.

– Да, понятно. Судя по всему, за эти годы хозяин привык полностью полагаться на вас. Ваши отношения никогда не выходили за рамки деловых?

– Нет, что вы, – Лаура усмехнулась, видимо, что-то вспомнив, – ему нравились молодые женщины, да и мне он никогда не был интересен ни в каком ином качестве. Но хозяином он был хорошим и щедрым.

– У Гюнтера были друзья? Кто-нибудь навещал его?

Лаура немного призадумалась, но ее ответ прозвучал уверенно:

– Нет.

– Он получал какую-то корреспонденцию? Письма?

– Реклама и счета на коммунальные услуги. Ничего более.

– В день, когда это случилось… Вы видели его?

– Конечно. Он появился вечером в начале восьмого и попросил приготовить омлет с грибами. Ему очень нравилось, как я его готовлю. Хотя секрет прост: я кладу в него кашкавал. Этот болгарский сыр обладает великолепным…

– Я обязательно воспользуюсь вашим рецептом, но не будем…

– Ах, простите… Конечно. Такие детали не очень важны.

– Господин Пфлегер… Вы не заметили ничего необычного в его поведении в тот день?

– Все было обыденным. Нет. Впрочем, иногда это бывало. Думаю, что у него было назначено свидание. Покончив с омлетом, господин Пфлегер надел твидовый костюм в мелкий рубчик. Я предложила вызвать такси, но он отказался.

– То есть машины у него не было? – удивился Райновски.

– Нет. Он предпочитал пользоваться такси. Но он нечасто покидал дом так быстро после прихода.

– А если покидал, то часто не брал такси?

– Такое случалось не раз.

– Чем обычно господин Пфлегер занимался дома, ну… когда его не навещали дамы?

– Смотрел телевизор. Знаете, такая игра, как футбол, только несколько мячей…

– Квадробол?

– Возможно. Я не очень в этом разбираюсь.

– Вы не могли бы дать мне адреса женщин, работавших в доме? Но больше всего меня интересуют те молодые особы, которых, как вы только что сказали, предпочитал ваш хозяин. – Бестактность своего вопроса Бруно смягчил улыбкой.

Но это не помогло. Лаура презрительно поджала нижнюю губу и сделалась похожей на только что снятую с крючка рыбу. Ее взгляд не сулил ничего хорошего.

– Надеюсь, вы не предполагаете, что я шпионила за своим хозяином? – с обидой в голосе сказала она. – Я почти никого из них не видела, а то, что их было много, я знаю точно: ведь моя комната имела общую стену с гостиной, и я хорошо слышала их голоса.

– Сколько же их было? – Бруно решил не отступать.

– Очень много, – сказала Лаура, почему-то понизив голос, – три, а может, четыре.

Бруно не смог сдержаться и хмыкнул. Чтобы сгладить впечатление, он достал носовой платок и принялся в него откашливаться.

– Извините, – сказал он, но его глаза продолжали веселиться. – А что вы можете сказать о работницах?

– У меня есть только номера их телефонов, но уверяю вас, что им нечего сказать. Ведь они приходили лишь на несколько часов по утрам.

– Гюнтер где-то работал?

Лаура еще раз посмотрела на Бруно так, что у него зачесалась спина.

– Я не вмешивалась в его личные дела, но должна сказать, что он обычно появлялся вечером, не каждый день, и почти никогда не оставался на ночь.

– И вам не казалось это странным? – упорствовал Бруно.

– Странным? – искренне удивилась Лаура. – Разве вам не известна поговорка «Никогда не спрашивай у мужчин, где они ночевали»?

– Спасибо, Лаура, вы мне очень помогли, – сказал Бруно фразу, почерпнутую из какого-то детектива, поняв, что ничего больше не узнает от домоправительницы, хранящей верность своему хозяину даже после его кончины. Но тут его осенило. – Возможно, мне понадобится ваша помощь.

– Можете на нее рассчитывать.

– Именно это я и хотел от вас услышать.

– Надеюсь, что вы сможете разыскать убийцу господина Пфлегера.

Попрощавшись с Лаурой, Бруно позвонил Лотару Шмиду. Раз уж он в Тотридже, то имело смысл переговорить и с ним. Бруно нравилось в «Эдеме». Спокойная обстановка, тихая ненавязчивая музыка – все это располагало к откровенной беседе. Правда, Лаура не оправдала всех его ожиданий, тут уж даже Вивальди оказался бессилен.

Оказалось, что страховая компания, где служил Лотар, находится неподалеку, так что лучшего места, чем у Евы, найти было невозможно. Бруно заказал себе кофе, но не успел его допить, как в ресторан влетел Лотар Шмид.

– У вас есть для меня новости? – спросил Лотар, устраиваясь напротив Бруно.

– Как сказать, ничего неожиданного. Несложно было догадаться, что ваш отец устроил себе возможность жить так, как хотел. Пусть и не постоянно. Но вы говорили, что семья хоть и не бедствовала, однако вряд ли он мог себе позволить купить виллу, да и содержать ее тоже было недешево, я уже не говорю о других затратах.

– Да, я вас понимаю. Вопрос один – откуда деньги?

– Именно так.

– Вы говорили с этой женщиной, которая живет сейчас на вилле?

– Да, она работала на вашего отца довольно долго, но происхождение его денег ее никогда не интересовало, ее устраивали условия работы, она хорошо справлялась со своими обязанностями, нет, это были только обязанности домоправительницы, поверьте мне, пока просто поверьте. Я в таких делах разбираюсь, – прихвастнул Райновски, хотя Лотар не выказывал сомнения.

– Допустим, но я уверен, что она задумывалась над некоторыми вопросами, пусть не тогда, а потом, когда она осталась без работы…

– Конечно, я уверен, что ей есть еще, что сказать, но пока она не была со мной достаточно откровенна, а давить на нее бессмысленно, это может дать противоположный результат.

Разговор прервался на минуту, поскольку к столику подошел официант, и Лотар заказал кофе и фруктовый десерт.

– Но вы ведь будете еще с ней говорить? – спросил Шмид.

– Безусловно. Однако мне нужно хорошенько обдумать свои дальнейшие действия.

– Надеюсь, вы будете держать меня в курсе?

– Постараюсь, – осторожно пообещал Бруно.

Бруно решил выпить еще чашку кофе. У Евы ему хорошо думалось.

Полиция сосредоточилась на поисках убийцы. Инспектор Андриани, конечно, понимал, что многое в этом преступлении странно, но у него была своя задача, и морочить себе голову дополнительными загадками ему не слишком хотелось. Что касалось детектива Блумберга, то он выполнял распоряжения начальства, опрашивая людей, знавших убитого. Разумеется, он допросил и Лауру Криспи.

Бруно понимал, что, скорее всего, Лаура была так же осторожна в разговоре с полицейским детективом, как и в короткой беседе с ним, она говорила только то, чего не могла не сказать. Впрочем, не мешало бы сделать вторую попытку, повод был легко найден. Расплатившись, Бруно направился в сторону района, где располагалась вилла Пфлегера.

На сей раз он позвонил ей на сотовый, номер которого она не скрыла при их первой беседе.

– Вы о чем-то забыли спросить? – поинтересовалась Лаура Криспи, как только Бруно назвал себя.

– Нет, у меня появилась одна идея, но я не могу сделать то, что задумал, без вашего участия.

– Вы меня заинтриговали, хотите это обсудить по телефону?

– Нежелательно. Я звоню, чтобы попросить вас о еще одной встрече. Я тут недалеко от вашего дома, вижу небольшое уличное кафе рядом с почтой.

– Я понимаю.

– Давайте выпьем по чашечке кофе, вы любите сладкое?

– Кофе черный без сахара и миндальное пирожное.

– Договорились.

– Так что у вас за идея? – спросила Лаура, после того как официант принес кофе и пирожные.

– Гюнтер был ведь католиком?

– Да, но я не думаю, что он придерживался традиций или был очень набожным человеком, ну вы меня понимаете...

– У вас были основания так считать?

– Я уже говорила вам о своем нежелании…

– Погодите, я не задаю вам никаких лишних вопросов, я хочу разгадать тайну его смерти, после того как я это сделаю, все, что я о нем узнал, уйдет из моей памяти. Я не журналист и не писатель.

– Хорошо, я вас поняла. Но этот вопрос уж точно был ни к чему, ведь понятно, какой образ жизни вел покойный. Вы всерьез полагаете, что он не пропускал ни одной службы в церкви?

– Но хоронили его по христианским обычаям?

– Да, но это делали другие люди.

– Так вот, как вы думаете, удивит ли кого-то тот факт, что на сороковой день, после его смерти кто-то устроит поминальный прием?

– Его жена, сын, видимо, сделают это.

– Нет, они будут поминать Вольфганга Шмида, а я с вами говорю о Гюнтере Пфлегере.

– Вы хотите, чтобы я организовала такой прием? – вдруг догадалась Лаура.

– Да, это сложно?

– Ну, не слишком, просто я не понимаю, зачем?

– Мы дадим объявление в газетах, в сети. Пригласим всех, кто знал этого человека.

– И что, вы надеетесь, что придет убийца?

– Этот вариант тоже не исключен, но я не так оптимистично настроен. Я надеюсь привлечь женщин Гюнтера. В объявлении мы укажем, что подробности можно получить по телефону, номер будет моего сотового. Таким образом, у нас будет больше возможностей заполучить свидетелей или, точнее, людей, которые вполне вероятно обладают нужной нам информацией.

Бруно сознательно употребил местоимения, включающие его собеседницу в процесс расследования, что называется, на равных. Это сработало.

– Хорошо, – согласилась госпожа Криспи, глаза ее блестели, а мысль, несомненно, активно работала, – я организую и объявления, и прием. Номер вашего телефона у меня есть. Но я бы хотела, чтобы вы держали меня в курсе событий и дальше, это мое условие, если хотите.

– Идет, – согласился Бруно.

Лаура выполнила обещание. Объявления появились не только в местных газетах, но и в «Интерньюс». Бруно был доволен. Он вернулся в Сент-Ривер с чувством, что скоро раскроется, как минимум, часть тайны, но его ждала неожиданность, впрочем, она была не первая в этом деле и далеко не последняя.

Николь. Ничего себе домоправительница!

Мэриэл. А что тебя удивляет?

Николь. Одиннадцать лет в доме! Да она должна знать этого Пфлегера, как свои пять пальцев!

Мэриэл. Скорее всего. Собственно, наверняка она многое попросту умолчала.

Николь. Но почему? Судя по всему, она знает, с кем говорит, понимает, что каждый факт важен.

Мэриэл. Осторожность. Думаю, дама еще разговорится. Давай читать дальше.

Николь. Секунду. Мне кажется, что этот молодой человек кое-что упустил.

Мэриэл. Бруно?

Николь. Да. Ты помнишь, квитанция из химчистки на имя Шмида? Как она попала в карман Пфлегеру?

Мэриэл. Тут можно сделать массу предположений. Например, по дороге на виллу Шмид собирался сдать одежду в химчистку, но она оказалась закрытой на обед. Он прихватил ее на виллу, а потом сдал ее, будучи одетым в костюм Пфлегера.

Николь. Разумеется, но дело не в этом. Райновски следовало бы заинтересоваться этим, расспросить Лауру Криспи например.

Мэриэл. Подожди, Николь, может, все еще впереди. Ты же, надеюсь, не разделяешь его ощущений, что вот сейчас он все выяснит?

Николь. Конечно, иначе бы мы не читали эту повесть. Кстати, если хочешь, могу высказать гипотезу. Правда, она не подкреплена никакими фактами, а основывается исключительно на законах построения произведений детективного жанра. Тот, кого автор рисует хорошим мальчиком, в результате оказывается бандитом и наоборот.

Мэриэл. Лотар Шмид?

Николь. Нет. Мне показалось, что автор слишком подробно остановился на внешности Лауры Криспи. Я бы сказала, неоправданно подробно… Не удивлюсь, если она окажется плохим мальчиком.

Мэриэл. Давай дальше.

На лице Мэриэл заиграла улыбка. Неужели я угадала? Ткнула пальцем в небо и… Нет, она пытается меня запутать…Что ж, посмотрим. Я вручила рукопись Мэриэл.

Глава четвертая
Тотридж проснулся

Полицейский участок Тотриджа сродни пожарной команде этого сонного и несгораемого городка. Идея объединения двух служб давно витала в его горном воздухе и не давала спокойно спать налогоплательщикам. Но убийство Вольфганга Шмида, можно сказать, двойное убийство, ведь, как выяснилось, тем же тяжелым предметом был убит и Гюнтер Пфлегер, легко переубедило крохоборов. Правда, отдельные несознательные элементы нашептывали, что полиция сама организовала это убийство, чтобы сохранить финансирование, а может и приумножить его. А некоторые хитроумные

любители конспирологических романов зашли еще дальше: они указывали на мирно дремлющую пожарную команду. Но все эти нелепые подозрения были лишены логики напрочь. К примеру, куда проще было бы организовать небольшой пожар, быстро затушить его и обойтись без сокращения численности налогоплательщиков.

Но случилось то, что случилось. И тут оказалось, что специалистов для расследования такого серьезного преступления как убийство в Тотридже нет. Ведь последнее убийство в городе, если верить его старожилам, произошло лет пятнадцать назад, да и тело не нашли, зато нашли свидетелей, утверждавших, что видели «жертву» разгуливавшей по пляжу острова Астра с банкой пива в руке. Так что вообще непонятно, почему эта загадка была отнесена к преступлениям, тем более, столь солидным. Или для отчетности надо было показать наличие нераскрытых преступлений?

Инспектор Андриани быстро зашел в тупик. Все что он смог выяснить, это способ убийства: одна из обнаруженных вблизи трупа бутылок, как показало исследование, и оказалась тем самым злополучным тяжелым предметом. Инспектор Андриани, будучи большим поклонником «Туборга», даже испытал нечто сродни личному оскорблению, узнав, что именно эта марка пива причастна к преступлению. А когда детектив Блумберг с самым серьезным видом предложил подать в международный суд на Голландию за поставки орудий убийства, инспектор так зыркнул на него, что Блумберг прикусил язык и ретировался с глаз долой.

Следы крови, крови именно Вольфганга Шмида, несколько седых волос, обнаруженные на бутылке, и форма раны однозначно свидетельствовали не в пользу королевства Нидерландов. Но вот каких-либо отпечатков пальцев на горлышке, а удар был произведен основанием бутылки, найти не удалось. Отпечатки же на других частях бутылки были явно оставлены задолго до совершения убийства. Из всего этого можно было сделать лишь один вывод: хотя убийца и воспользовался случайно подвернувшимся предметом, к самому преступлению он оказался хорошо подготовлен. К тому же ему повезло с погодой – сильный ливень, почти невероятный в середине мая, прошедший вскорости после предполагаемого времени убийства, уничтожил все следы, которые мог оставить преступник. Даже нечего было сдать на анализ ДНК…

Пожалуй, единственной странностью этого преступления (если не считать, что само преступление уже странность) была «двойная» жизнь жертвы. Хотя в кармане пиджака и были обнаружены документы на имя Гюнтера Пфлегера, Лотар Шмид опознал в нем своего отца. Запрос в городской архив позволил быстро определить, что в 1959 году в отделение МВД Тотриджа обратился восемнадцатилетний Гюнтер Пфлегер с просьбой поменять имя на Вольфганг Шмид. Просьба была рассмотрена и удовлетворена, о чем свидетельствовали соответствующие подписи и печати. Поэтому надпись на рабочей папке была заменена «Делом Вольфганга Шмида», и именно под этим именем он был предан земле.

Оставалось неясным, каким образом в компьютере МВД Гюнтер Пфлегер уживался с Вольфгангом Шмидом. Но и тут не было ничего криминального. По-видимому, произошла техническая ошибка: при компьютеризации чиновник не обратил внимания на факт смены фамилии и занес Гюнтера Пфлегера в базу данных. Обычная безалаберность зажравшихся бюрократов.

Инспектор Андриани побеседовал с близкими Гюнтера Пфлегера и Вольфганга Шмида. Но ни Лаура Криспи, ни Лотар и Салли Шмид ничего не могли сказать о врагах убитого, точнее, категорически отрицали их наличие. Ничего не добавили и Билл Уайт с Брайаном Адамсом – постоянные партнеры Вольфганга Шмида по покеру.

Старший инспектор Брайтвелл уже подумывал обратиться за помощью в столицу, хотя его воротило от мысли, что эти столичные выскочки усядутся у него в кабинете и начнут командовать как у себя дома. Все это он уже несколько раз проходил. Большое спасибо!

Но тут дело приняло иной оборот. Сначала в участок заявилась миссис Голдсмит и сообщила, что ее муж Генри Голдсмит, стилист, а по-простому, парикмахер, исчез. Утром, как всегда, выпил чашку зеленого чаю с традиционным омлетом и отправился на работу,

но так до нее и не дошел. И домой не вернулся. Нет-нет, жили они дружно, и не было повода… Все предписываемые случаю усилия были предприняты, но поиски ничего не дали. Генри Голдсмит не покидал страну воздушным путем, а учитывая, что вместе с ним исчезла и его старенькая «субару», то он вполне мог «сделать колеса».

Не успела полиция как-то успокоить миссис Голдсмит, как приключилась новая напасть. Не прошло и трех дней, как исчез Тед Густавсон, о чем заявила его старшая дочь Сандра. Тед Густавсон возглавлял филиал туристической фирмы «Сент-Ривер тревелз». Сценарий исчезновения был схожим, правда, Густавсон исчез по дороге с работы домой. Но существовало и два принципиальных отличия: во-первых, при нем имелась довольно крупная сумма денег. По дороге домой он должен был зайти в банк и сдать недельную выручку, но до банка, как и до дома, он не добрался. А во-вторых, его машина была найдена брошенной вблизи мексиканской границы. Так что опасения домочадцев за судьбу Теда Густавсона выглядели вполне обоснованными.

Теперь обращение за помощью в столицу выглядело неизбежным: своих сил у старшего инспектора Брайтвелла на поиски убийцы и двух пропавших явно не доставало. Но Брайтвелл не спешил. Он решил дождаться, пока столица сама предложит помощь, а он милостиво согласится ее принять.

Николь. Ну вот, начинает хоть что-то происходить.

Мэриэл. А ты считаешь, что до этого момента ничего особенного не случилось?

Николь. До исчезновения двух граждан спокойного провинциального городка, события вполне могли иметь весьма банальное объяснение.

Мэриэл. Если так рассуждать, то и эти исчезновения…

Николь. Ну, нет! Одно исчезновение могло, конечно, не иметь никакого отношения к предыдущим событиям, но два – это уже перебор, просто по закону жанра.

Мэриэл. Ты права только в том случае, если перед нами чисто литературное произведение.

Николь. А это не так?

Мэриэл. Не знаю. Но если здесь нет ничего, кроме авторской фантазии, почему папку подбросили сюда, а не в какое-нибудь издательство?

Я протянула руку, чтобы забрать рукопись у Мэриэл.

– Подожди-ка, – сказала она и позвала своего секретаря.

– Я вам нужен, – меланхолично сообщил Ари.

– Будь добр, загляни в подшивку газет. Нас интересует Вольфганг Шмид.

– В этом нет никакой необходимости.

– То есть?

– Вольфганг Шмид, пенсионер, ушел из дома 17 мая в Тотридже и не вернулся по сей день. Полиция его ищет, но пока безрезультатно.

– А Гюнтер Пфлегер?

– Гюнтер Пфлегер… – Ари замер, - а этот человек был убит. Его тело нашли в национальном парке в Тотридже. Кто-то ударил его по голове бутылкой из-под пива.

– Спасибо, Ари, - дружно и с чувством поблагодарили мы секретаря Мэриэл.

Он с достоинством удалился.

– Мне сразу имя показалось знакомым, – сказала Мэриэл.

– Но… Неужели имена подлинные?

– Как видишь. Надо будет потом проверить и другие. Ты все еще настаиваешь, что это чистый вымысел?

– Продолжим, – буркнула я и забрала у Мэриэл рукопись. Все-таки ей удалось сбить меня с толку. Впрочем, я, в отличие от нее, не могла положиться на Ари: ведь наверняка они в сговоре!

Глава пятая
Хельмут Пфлегер

Сообщение об исчезновении Генри Голдсмита могло бы особо не заинтересовать Бруно, случись оно в Сент-Ривере или на каком-нибудь из островов. Но речь шла о Тотридже. Не прошло и двух недель с момента убийства Вольфганга Шмида, как название города вновь замелькало на первых страницах центральных газет.

Приходило ли в голову Бруно, что эти два события как-то связаны? Вряд ли, хотя, разумеется, он этого не исключал. Почему бы и нет? Просто не было никаких оснований делать подобные умозаключения. Но вот когда пропал Тед Густавсон, Бруно задумался на эту тему серьезно. Само собой, все газеты в один голос выдвигали предположение, что исчезновения людей взаимосвязаны. Ведь между событиями прошло лишь два дня. А желтая пресса начала сеять истерику – под зловещими заголовками появились предсказания новых похищений, и, разумеется, среди потенциальных похитителей оказались инопланетяне. Все как всегда.

Но Бруно пошел еще дальше – интуиция подсказывала ему, что связать следует все три происшествия. Но как? Что общего может быть у почтенного пенсионера, цирюльника и менеджера средней руки? Ну хорошо, с цирюльником понятно, он мог стричь пенсионера и менеджера – надо будет это проверить. Впрочем, если следовать такой логике, то пенсионер, да и цирюльник тоже, могли пользоваться услугами туристской фирмы, возглавляемой Тедом Густавсоном. Если бы Густавсон исчез раньше Голдсмита, то напрашивалась версия: Голдсмит ограбил Густавсона и сбежал с деньгами. Но это скорее фантазия, чем рабочая версия. И тогда при чем тут Шмид? А это ключевой вопрос.

Когда Бруно решил, что надо бы проверить, где стригся Вольфганг Шмид и кто был его туристским агентом, раздался телефонный звонок. Лаура Криспи по каким-то делам оказалась в Сент-Ривере и хотела переговорить с ним. Райновски пригласил ее в свой магазин.

Посетителей не было, и Бруно мог уделить госпоже Криспи время для беседы. Они поднялись наверх.

Лаура сочла необходимым объяснить свой визит.

– Я все-таки решила, что должна вам кое-что рассказать. Я долго колебалась, но вам удалось произвести на меня впечатление. Благоприятное впечатление. Я все ожидала, когда же вы меня спросите, что мне известно про Вольфганга Шмида. Но у вас хватило терпения, а может быть, и такта… – Лаура вдруг умолкла, словно потеряла некое связующее звено.

Бруно мысленно поблагодарил себя за то, что воздержался от этого вопроса, хотя тот вертелся на языке. Он-то как раз рассчитывал, что Лаура начнет разговор на эту тему сама. И, кажется, дождался.

– Я не сомневался, что вам было кое-что известно об этом, – как можно спокойнее произнес Райновски.

– Да, – согласилась Лаура, стряхнув оцепенение. – Речь пойдет о семейной тайне, так что…

– Да-да, вы можете на это рассчитывать, я вам уже говорил, что не работаю на прессу, так что, все останется между нами.

– Хорошо, что вы это понимаете, господин Райновски. Лотар Шмид довольно симпатичный молодой человек, и мне совсем не хотелось бы бросать тень на его имя. Хотя, кажется, газетчики так и не докопались, что Гюнтер Пфлегер и Вольфганг Шмид – один и тот же человек. За это надо благодарить полицию… Впрочем, дети за отцов не отвечают, не говоря уже о дедах.

– О дедах? – непроизвольно вырвалось у Бруно.

– Семейная легенда гласит, что Гюнтер поссорился со своим отцом и потому сменил имя.

– Если бы все так поступали, то в мире бы воцарилась великая путаница.

– Разумеется. Это была не просто ссора, а, скорее, столкновение. Гюнтер не хотел иметь ничего общего со своим отцом.

– Я, кажется, догадываюсь, о чем речь.

– Да, господин Райновски, – энергично закивала Лаура, – вы правы. Хельмут Пфлегер служил в гестапо. Его чин был довольно низок, кажется, лейтенант, но это не меняло дела… Юношеский максимализм, знаете ли. Гюнтер не мог с этим смириться. Он порвал с отцом, как только узнал об этом. А узнал он об этом случайно: какое-то старое письмо попало ему в руки. А через год, достигнув совершеннолетия, он сменил имя и фамилию. Мать советовала ему выбрать новые из англосаксонских, но у Гюнтера был тяжелый акцент, в любом случае выдававший его немецкие корни.

– А как Хельмут оказался в Сент-Ривере?

– В сорок четвертом он попал в плен к союзникам, но ему удалось бежать. Какое-то время прятался в лесу, питался ягодами – дело было в июле – а затем добрался, кажется, до Остенде, где, воспользовавшись прекрасным знанием французского языка, устроился кочегаром на грузовое судно, идущее в Штаты. Там он прикинулся антифашистом, бежавшим из немецких застенков, а в дальнейшем уже перебрался сюда.

– А семья?

– Уже после войны он смог с помощью родственников разыскать Анну, и вскоре ей удалось вместе с пятилетним Гюнтером присоединиться к Хельмуту. Я не знаю, что числится на совести Хельмута Пфлегера, Гюнтер ничего конкретного по этому поводу рассказать не смог. Впрочем, никто не поручится, что Хельмут Пфлегер – настоящее имя его отца. Так или иначе, «Моссад» за ним, похоже, не охотился, и он умер от банального инфаркта, не дожив несколько месяцев до своего семидесятилетия.

– Скажите, госпожа Криспи, сколько может стоить вилла Гюнтера Пфлегера?

– Не знаю. Я в этом не разбираюсь. Мне столько никогда не заработать. Но думаю, вас интересует источник богатства Гюнтера?

Райновски кивнул.

– Гюнтер получил наследство от матери, – ответила Лаура. – Анна пережила мужа на полгода.

– Несмотря на их отношения?

– В смысле? – удивилась Лаура.

– Простите. Я имел в виду отношения отца и сына.

– Гюнтер рассказывал, что это далось ему нелегко. Мать взяла с него слово, что он примет наследство, и даже требовала, чтобы он простил отца. Но Гюнтер согласился лишь на первое.

Райновски потеребил кончик носа, чтобы скрыть невольную улыбку.

Закрыв в конце дня магазин и поднявшись к себе, Бруно включил телевизор, чтобы послушать вечерний выпуск новостей. Все как всегда: Иран рвется к атомной бомбе, теракт в Пакистане, Израиль отстраивает Иерусалим и обижает палестинцев… А это что? В нейтральных водах израильские коммандос захватили турецкое судно, направлявшееся с гуманитарной миссией в Газу, убив при этом около двадцати пассажиров! Но в это трудно поверить! Израиль обычно действует куда осторожней, пытаясь обойтись без лишнего шума. А тут… Какой вой поднимется теперь в мире! Не стоило израильтянам так подставляться. Цель не оправдывает этого. Ну пусть бы турки спокойно доплыли до Газы, ничего бы страшного не случилось. Впрочем… А может все наоборот? Может, Израиль как раз и рассчитывает на громкий международный скандал? Чтобы отвлечь от чего-то еще более громкого?

Райновски вздрогнул и сразу вспомнил, как пару месяцев назад он смотрел документальный фильм об убийстве палестинского террориста – замысловатая фамилия не отложилась в памяти. В далеких Объединенных Арабских Эмиратах без малого тридцать агентов «Моссада» (а кто еще мог?) сначала обезвредили электрошокером, затем впрыснули какой-то яд, не оставляющий следов, и для пущей убедительности

придушили несчастную жертву, отправив ее к заслуженным семидесяти девственницам. После фильма комментатор с ехидством заявил, что это вовсе не «Моссад», а бригада «Голани» в полном составе!

И что? Вполне возможно, что захват турецкого судна был направлен на отвлечение внимания мировой общественности от преступления в Дубае. А что если?

Допустим, рассказу Лауры Криспи можно верить. В смысле, вряд ли она что-то сочинила сама, но где гарантия того, что Гюнтер Пфлегер был откровенен с ней? Не выглядит его история убедительной. Вот если бы он не взял денег, то тогда, пожалуй. А так… Почему не допустить, что не было никакой ссоры с отцом, а был сговор, позволивший Гюнтеру обезопасить себя. А деньги… Деньги могли быть награблены у евреев. Кто-кто, а польский еврей Бруно Райновски слыхивал множество подобных историй. И тогда… Достал же «Моссад» Эйхмана в Аргентине! Предположим, он долго, слишком долго, шел по следам Хельмута Пфлегера, а когда добрался до цели, то в живых оставался лишь сын. Но такого еще не было, чтобы за отца казнили сына. Это не почерк «Моссада», это скорее пахнет вендеттой… Но… может, опять речь идет об отвлечении внимания. Стоп! Стоп, остановись! Это в рассуждения Бруно вмешался внутренний голос. И что тогда: Лаура Криспи – агент «Моссада», пытающаяся приплести сюда израильский след.

– Кажется, я окончательно запутался, – вслух сказал Бруно. – Что значит «приплести израильский след», если Гюнтера и впрямь устранили агенты «Моссада»?

Он открыл бар и плеснул в рюмку коньяку. Алкоголь подействовал быстро. Бруно завернулся в плед и задремал на диване. Его последней мыслью было, что нельзя доверять никому, а телевизору – в первую очередь!

Утром, еще до конца не проснувшись и не раскрыв глаза, Бруно осознал всю ничтожность шансов выловить хоть что-нибудь из того, что он про себя называл германским следом. Но не в его манерах было упускать возможности. «Делай, что можешь, и пусть будет, что будет», – сказал он себе.

Для начала он написал Матиасу Бахману. С ним он приятельствовал во время недолгого пребывания в Стэнфорде. Этот белобрысый прилизанный немец держался подчеркнуто дружественно со всеми, но к Бруно относился даже несколько покровительственно. Впрочем, Бруно извлекал из этого определенную пользу: если б не опека Матиаса, Бруно вылетел бы из университета уже после первых экзаменов – ему было не до учебы. Вырвавшись из-под жесткой опеки родителей, Бруно увлекся девушками и компьютерными играми. Непонятно, как можно совместить одно с другим и, тем более, с обучением на техническом факультете. Матиас же, получив степень бакалавра, перебрался в МТИ, а затем вернулся на родину, защитился в университете Штутгарта и остался там читать курс квантовой физики. У Бруно заняло лишь несколько минут разыскать в Интернете адрес электронной почты Матиаса.

Матиас ответил сразу. Конечно, он помнит Бруно и очень сожалеет о его внезапном исчезновении из Стэнфорда, о причинах которого ходило множество слухов. Помочь обещал. Не касаясь сути дела, Бруно просил выяснить в архивах существование человека по имени Хельмут Пфлегер, примерно 1917-1927 года рождения. Диапазон – на случай, если Хельмут изменил дату рождения.

Чтобы не терять времени, Райновски связался с Лотаром Шмидом и попросил выяснить все, что касается получения его отцом наследства от своих родителей.

Бруно и понимал, и чувствовал, что в вопросе происхождения денег покойного Гюнтера Пфлегера, или Вольфганга Шмида, заключен какой-то особый смысл, какая-то ниточка. Хотя вовсе не обязательно она ведет к разгадке убийства, но ведет все же туда, где есть факты. Ведь чтобы найти решение загадки, нужно выстроить их тем единственным способом, который указывает на отгадку. Собственно, ради этого и следует тщательно собирать и анализировать факты, отбрасывая все, что таковыми не является.

Откуда у человека может появиться сразу много денег? Наследство? Нужно проверить, но как можно тайно получить большое наследство? Тайно от жены и сына? Деньги можно выиграть, но для этого необходимо играть. Это нуждается в проверке. Можно получить взятку, но только в том случае, если от твоих решений что-то серьезно зависит в жизни кого-то, кого? Деньги можно, в конце концов, найти, но для этого их сначала кто-то должен был потерять, кто? Когда? Вопросов оказалось больше, чем ответов, и даже больше, чем версий. Бруно выделил те вопросы, на которые можно было бы поискать ответы в сети. Он подумал, что пара предположений может иметь отношение к месту работы покойного Шмида. Понятно, что появление Гюнтера Пфлегера как-то связано с появлением денег и, скорее всего, даже является результатом этого события. А не поискать ли информацию об «Электросервисе»? Крупная полугосударственная компания наверняка не раз упоминалась в новостях, да и не только.

Для поиска Бруно воспользовался Гуглем, задав в качестве ключевого слова «Элекстросервис». Большинство ссылок отправляли его на новостные сайты или малоинтересные публикации в электронных копиях СМИ. Его внимание привлек один из заголовков старой статьи в «Интерньюс», датированной январем 1998 года. «Крупная афера в компании “Элекстросервис”». Бруно с интересом взялся за чтение довольно объемной статьи.

Некий Томас Нордвейн, бухгалтер компании, используя доверие своего начальника, оформил липовый договор на ремонт каких-то помещений и снял под этим предлогом огромную сумму со счетов «Электросервиса».

Автор статьи обращал внимание читателей на нравственный аспект этого неприятного дела. Обнаружил сомнительные операции Вольфганг Шмид, начальник Нордвейна. Он заявил об этом, после чего была проведена ревизия, подтвердившая факт кражи. На следствии, а позднее и на суде, Нордвейн пытался переложить вину на Вольфганга Шмида и говорил, что его подбил на это преступление именно его начальник, господин Шмид. Это было смехотворное и совершенно бездоказательное заявление. Всем было ясно, что подсудимый пытался оклеветать своего начальника в отместку за разоблачение. Поэтому никто эти попытки не стал рассматривать всерьез. Кроме того, как установила проверка, у Вольфганга Шмида не было на счету никаких внезапно появившихся денег, в то время как на счету его подчиненного появилась солидная сумма, происхождение которой он так и не смог обосновать, выдвинув очередную фантастическую версию. В суде вина Нордвейна ни у кого не вызвала сомнения. Он был осужден и получил свои семь лет с конфискацией имущества.

Бруно стало ясно, что этот след никуда не ведет. Ведь деньги найдены и конфискованы, а значит, при чем тут вилла Гюнтера Пфлегера? Вот если бы… Нордвейн, наверное, уже давно на свободе и мог, конечно, ненавидеть своего бывшего начальника, но убить? Рискуя опять оказаться за решеткой? Нет, это маловероятно. Да и разве Нордвейн всерьез мог в чем-то винить Шмида? В том, что тот разоблачил его? А чего еще он мог ожидать?

Интересно, а не поискать ли в Интернете Гюнтера Пфлегера и Вольфганга Шмида? Бруно набрал имя первого и пришел в ужас: десятки тысяч упоминаний, большая часть которых на немецком языке, коим Бруно не владел, если не считать десятка слов, которые знают все. Но добавив к имени «Сент-Ривер», он установил, что интересующий его Гюнтер Пфлегер в Интернете следов не оставил. Что же касается Вольфганга Шмида, то тут улов был чуть больше: еще несколько статей об афере Нордвейна, в которых упоминался и его босс. Но никакой новой информации Бруно извлечь не смог.

От этих занятий его отвлек Лотар, справившийся с заданием быстро. Он и Салли получили приглашение в адвокатскую контору Брукса, где им была зачитана последняя воля… Гюнтера Пфлегера, завещавшего Салли виллу, а Лотару – двести тысяч долларов в основном в ценных бумагах! Неплохо, особенно с учетом того, что Вольфганг Шмид даже не затруднил себя составлением завещания – никакого серьезного имущества за ним не числилось...

Но это еще не все. Оказалось, что старый Брукс был стряпчим и у деда с бабкой Лотара. Несколько минут ожидания, и пышнотелая секретарша положила перед шефом тоненькую папку с пожелтевшей наклейкой и надписью: «Анна Пфлегер». Завещание носило формальный характер. Небольшие денежные сбережения, старенький автомобиль. Пустяки. Впрочем, ничего другого Бруно и не ожидал. Он прекрасно понимал, что будь у Хельмута какие-то неправедным путем нажитые средства, он мог их передать сыну, не впутывая в дело нотариусов. Так что признание Гюнтера Лауре не обязательно являлось выдумкой.

Через пару дней, когда Бруно еще нежился в постели, его последние сны развеял телефонный звонок. Приглушенный занавесками свет уже рисовал узоры на стене спальни, но петухи Бруно еще не пропели.

– Пан Райновски? – Тяжелый немецкий акцент и давно забытая кличка «Пан» выдали Матиаса Бахмана.

– Рад тебя слышать, Матиас, – заспанным голосом произнес Бруно. – Неужели ты уже выполнил мою просьбу?

– Ты забыл, с кем имеешь дело, Бруно! Я нашел тебе Хельмута Пфлегера, 1918-го года рождения, штурмбанфюрера СС!

Бруно вздрогнул. Сонливость сняло как рукой. Неужели его версия верна?

– Тебе удалось что-нибудь еще узнать о нем? – спросил он, справившись с волнением.

– Конечно. Ты же знаешь, я на полпути не останавливаюсь.

– И?..

– Он похоронен на военном кладбище Оффенбурга. Это недалеко от Штутгарта.

– Это… Это точная информация?

– Понимаю, дружище, что так легко мне не отделаться. Я побывал на его могиле. Дата смерти: 7 января 1944-го года. Более того, зная, что и этим ты не удовлетворишься и потребуешь вскрыть могилу…

– Неужто ты и это уже…

– Нет-нет, Пан, я же всего лишь простой профессор физики… С этим мне не справиться. Разве что самому взять в руки кирку.

– Так что же ты сделал? – От нетерпения Бруно вскочил с кровати.

– Я нашел его дочь! Она опознала тело и присутствовала на похоронах. Он погиб в Югославии при партизанском налете. Теперь ты доволен?

– Спасибо, Матиас. Ты мне очень помог, но это явно не тот Хельмут Пфлегер, которого я разыскиваю.

– Ну извини, дружище. Больше никаких нет. Международный гроссмейстер по шахматам тебя не заинтересует. Он намного моложе.

– Да-да, я понимаю. Вполне возможно, что того человека и не существовало.

Николь. Абсолютно согласна с Бруно. Происхождение денег – ключевой вопрос в этой истории.

Мэриэл. Конечно. Быстро же ему удалось разобраться с «немецким следом».

Николь. Разобраться с ним следовало, но шансов, что это прояснит дело, было мало. Собственно, так и оказалось.

Мэриэл. Да, «немецкий след» происхождения денег остался непоколебимым. Тут потребовалось бы серьезное исследование, чтобы что-то установить. Вряд ли Бруно это под силу. А что ты думаешь про аферу в «Электросервисе»?

Николь. Про аферу ничего не думаю. Но вот разыскать этого Нордвейна следовало бы.

Мэриэл. Да, я тоже об этом подумала. Надеюсь, Бруно не упустит этот шанс.

Почему она спросила меня про аферу? Все-таки я права – Мэриэл знает ответ!

– Ты не хочешь подкрепиться? – поинтересовалась Мэриэл, забирая у меня рукопись.

Я достала мобильник и взглянула на экран.

– Для меня рановато. Но если ты голодна…

– Нет-нет. Но от кофе мы с тобой не откажемся?
Я не успела ответить, как в дверях возник Ари с подносом в руках…

Глава шестая
Неожиданный поворот

Бруно Райновски окончательно проснулся. Он включил компьютер, ознакомился с новостями, а затем проверил почту. Тут его поджидал еще один сюрприз – письмо, выдержанное в нарочито официальном тоне:

«Досточтимый сэр!

У меня нет сомнений, что серия событий в Тотридже не укрылась от Вашего внимания. Так же я не сомневаюсь, что Вы не нуждаетесь в чьей-либо помощи, чтобы связать их воедино. Но если Вы до сих пор не сделали этого, то попытаюсь сберечь Ваше драгоценное время.

Все трое героев криминальной хроники Тотриджа последнего месяца являлись членами жюри на суде по делу профессора Краузе.

Ваша Хиллари Клинтон».

Дочитав до конца, Бруно усмехнулся. Ясно, что подпись означала «Доброжелатель» или заменяла собой отсутствие подписи, но, взглянув на адрес отправителя, он усмехнулся еще раз. Уж он-то знал, насколько можно доверять адресу, даже если тот не настолько вызывающ: h.clinton@gmail.com. Но, в конце-то концов, не все ли равно? Ведь главное – содержание письма, и именно им следует заняться.

И тут до него дошло…

Разве не это ему хотят «продать»? Двое исчезнувших присяжных вскоре после убийства третьего?! А не их ли рук это дело? Может, не совсем рук. Наняли киллера. Впрочем, бутылка в качестве орудия труда киллера? А почему бы и нет? Если Шмид не ожидал ничего подобного, то убить его можно было чем угодно. Особого профессионализма не требуется. Зато он нужен, чтобы замести следы.

Итак, все трое члены одного жюри. Случайность? Совпадение? Вряд ли… Значит, надо искать мотивы в деле Краузе. Но следует помнить еще об одной версии. Предположим, истинный убийца пытается пустить следствие по ложному пути, а следовательно… Да, надо бы все-таки выяснить, кто же прислал это сообщение. Впрочем, это уже рутина. Пусть этим занимается полиция. Забавно, что сообщение отправили ему, а не в полицию. Репутация! Ладно, пусть в полицию звонит Лотар, все равно надо ему сообщить о новых поворотах дела.

Дело Краузе?.. Бруно пытался ухватиться за свои смутные воспоминания, но это была информация, не связанная ни с его жизнью, ни с его увлечением, так, промелькнула когда-то, видимо, в новостных потоках. Он легко нашел в Интернете сведенья о профессоре Питере Краузе, известном психиатре, который специализировался на проблемах, связанных с посттравматическими неврозами.

Из анонимного письма можно было понять, что у профессора были серьезные неприятности. Был ли он обвиняемым или пострадавшим? Бруно склонялся к первому варианту. Ведь делу обычно присваивают имя активной стороны, а ею, как правило, оказывается обвиняемый. И он оказался прав. В электронных архивах центральных газет имелись публикации, рассказывающие об этом процессе, но они не содержали особых подробностей. Профессора обвиняли в том, что, выбирая методику лечения для некой Патриции Слоу, он провел без согласия больной и ее мужа сеанс гипноза, после которого пациентка потеряла память. Жюри присяжных, а в нем Бруно и вправду обнаружил и Вольфганга Шмида, и Генри Голдсмита, и Теда Густавсона, признало Краузе невиновным. Но Бруно этим не удовлетворился. Интуиция подсказывала ему, что имелось нечто, не попавшее в газеты, но повлиявшее на ход последующих событий. Именно к этому и хотел привлечь внимание Райновски неизвестный отправитель письма.

Бруно нуждался в ком-то, знающем все подробности этого давнего дела. Лучшими свидетелями, кроме самого Краузе, были адвокат профессора и муж госпожи Слоу, отставной полковник Джим Слоу. Найти адвоката в Сент-Ривере несложно. Просто заглянуть в справочник. В прессе упоминалось имя Фрэда Пэтмана. Бруно подумал, что солидный возраст господина Пэтмана может создать сложности. Возможно, старик отошел от дел и уехал в Европу, например. Или его здоровье помешает, если не встрече с ним, то уж точно получению внятных ответов на те вопросы, которые необходимо было бы ему задать. Но все опасения оказались напрасными.

* * *

Бруно слегка опоздал. Он не учел, что в это время дороги в центре Сент-Ривера перегружены.

Фрэд Пэтман оказался высоким и очень худым, однако производил впечатление еще крепкого и энергичного. Он с интересом рассматривал своего гостя, приветствуя его рукопожатием и искренней улыбкой.

– Хотите что-нибудь выпить? – спросил адвокат.

– Спасибо, мы вернемся к вашему предложению после разговора, – с едва заметной усмешкой ответил Бруно.

– Тогда спрашивайте.

– Я надеюсь, что вы прекрасно помните дело Питера Краузе, ведь вы защищали профессора и выиграли этот процесс?

– Да, это был любопытный случай, не назвал бы его сложным, но во многом была неопределенность. Почему вдруг у вас возник интерес к этой старой проблеме? Там не было ничего такого, что могло бы потребовать дополнительного расследования. Все решалось в зале суда, если вы меня понимаете.

– Да, прекрасно понимаю. Мой интерес связан с другими событиями, произошедшими совсем недавно, и мне нужно понять, существует ли связь между убийством в Тотридже и вердиктом, вынесенным жюри присяжных по делу Краузе. Насколько я понимаю, процесс проходил там же, по месту жительства истца, так?

– Да, а могу я узнать, о каком убийстве идет речь?

– Убит Вольфганг Шмид, он был членом того самого жюри.

– Но такое случается, что заставило вас думать…

– Я и не думал поначалу, но пропали еще два человека, входившие в жюри присяжных, оправдавшее Питера Краузе.

– Вот как? Тогда понятно. Был лишь один человек, который мог быть недовольным решением суда. Но он даже не подавал апелляций. Все было предельно ясно. Впрочем…

– Что?

– Видите ли, прецедентов такого рода очень немного, если бы присяжные решили по-другому, нам с моим подзащитным пришлось бы согласиться и с этим. Все решалось в ходе процесса, это была борьба скорее психологическая, чем юридическая. Аргументы оставались в сфере этики и элементарной логики.

– В чем конкретно обвиняли господина Краузе? Он лечил госпожу Слоу в связи с неврозом?

– Да, у этой дамы был давний и очень запущенный невроз. Питер рассказывал, что она несколько раз пыталась покончить с собой. Он опробовал новую методику, но результат оказался неожиданным, для него в первую очередь. Обвинение утверждало, что в результате проведенного сеанса гипноза состояние здоровья Патриции Слоу значительно ухудшилось, она потеряла память.

– А это было не так?

– Не совсем так. Главным в моей линии защиты было утверждение, что ухудшение состояния больной произошло после проведенного лечения, но это вовсе не значит, что вследствие этого. Мы объяснили суду, что времени на согласование было очень мало, пациентка перестала есть и пить, отказывалась принимать лекарства, у нее были такие

психозы, которые могли закончиться фатально. Но все это происходило в стенах больницы, муж не верил, хотя свидетелей было предостаточно.

– А после проведенного лечения?

– В этом-то все и дело, Патриция стала совсем другой, понимаете, это другая женщина, но она вполне здорова, если не знать…

– Что конкретно она забыла?

– Она забыла, что выходила замуж за Джима Слоу, она его вообще не узнала, и детей тоже.

Бруно вскочил с места и заметался по кабинету.

– Сядьте, сядьте, молодой человек, – взмолился адвокат. – Не надо так волноваться. У меня и без того кружится голова.

– Ох, извините, господин адвокат. – Райновски вернулся на свое место. – Но это же полная семейная катастрофа! Вы понимаете? Как с этим можно жить? Я просто никогда не слышал о таком. Неужели это возможно?

– Как видите. Во всем остальном, приятная женщина. Раньше она была действительно невыносимой, это признавали все, кто был знаком с семейством Слоу.

– Да, странно. Краузе как-то объяснял случившееся?

– Конечно, он что-то пытался мне втолковать, но я не очень понял, слишком все это сложно для меня, вам бы лучше его расспросить. Его методика была действительно как следует не отработана. Именно этот аспект проблемы имел некоторые последствия.

– Какие?

– Хотя вина доктора Краузе не была доказана, он все же пострадал: многие пациенты отказались от его услуг, он потерял место в центре Бергмана, где работал много лет.

– Да, репутация в его профессии имеет вполне ощутимую цену. Захочет ли он говорить со мной?

– Кстати, у меня есть некоторые материалы этого процесса в электронном виде, ничего секретного, все это было в газетах, но, возможно, вам пригодится. Если вы мне дадите адрес, я вам все пришлю.

– Буду вам очень признателен, – сказал Бруно, записав адрес на листке, выдернутом из блокнота, всегда лежавшего наготове во внутреннем кармане его пиджака, - и у меня еще одна просьба к вам. Адрес господина Краузе у меня есть, но будет ли профессор откровенен с посторонним? В этом деле все так запутано, что любая полуправда может увести совсем не туда.

– Вы хотите, чтобы я помог вам с ним встретиться? Нет ничего проще. Я позвоню ему и попрошу принять вас, а вы можете сослаться на меня, когда будете договариваться о встрече.

– Спасибо. Это именно то, о чем я хотел вас попросить.

Уже стоя в дверях, Райновски неожиданно спросил:

– Как по-вашему, господин Пэтман, мог ли муж Патриции совершить убийство?

– Я вам отвечу как старый адвокат. Любой может совершить убийство. В смысле, я хочу сказать, что любого человека можно довести до аффекта… Вы меня понимаете. Но сначала поговорите со Слоу. Возможно, он сам ответит на ваш вопрос.

В эту ночь Бруно Райновски не сомкнул глаз: слишком близко к сердцу он принял трагедию семьи Слоу. Он попытался представить себя на месте полковника. Определенно, после такого решения суда он, как говорится, взял бы закон в свои руки… Бруно решил, что как ни любопытно ему поговорить с профессором Краузе, но лучше сначала навестить Джима Слоу. И надо быть предельно осторожным и не спугнуть полковника, ведь он пока единственный, у кого нашелся мотив убить Вольфганга Шмида.

Николь. Да, поворот сюжета в лучших детективных традициях.

Мэриэл. Опасность таких поворотов, если говорить именно о сюжете, состоит в том, что трудно сохранить уровень интриги, не изменяя при этом законам логики.

Николь. Это справедливо. Но, возможно, автор что-то еще держит в рукаве?

Мэриэл. Возможно. Ты не считаешь, что для чисто литературного замысла слишком много действующих лиц?

Николь. А сколько вариантов возможного развития сюжета! Тебе не кажется эта история фантастической? Лично я впервые слышу о подобном случае. Как женщина может забыть своих детей и их отца, оставаясь при этом в твердой памяти по отношению к остальному?

Мэриэл. Возможно, в этом вопросе автор немного лукавит или утрирует… Мне тоже неизвестны такие случаи, разве что в каком-нибудь бразильском сериале, но это не в счет. Если это окажется важным, то мы сможем заглянуть в Интернет.

Мэриэл положила рукопись на стол, и я взялась за ее край, чтобы притянуть к себе.

– Секунду, дорогая… – задумчиво произнесла Мэриэл, положив руку на страницы.

Молчание длилось с минуту, а затем Мэриэл позвала Ари. Тот не замедлил вплыть в кабинет.

– Профессор Питер Краузе, – сказала Мэриэл.

– Психиатр. Светило с мировым именем.

– Отлично, а дело профессора Питера Краузе?

– Дело профессора Питера Краузе? – удивленно повторил Ари. – Что вы имеете в виду?

– Суд по делу профессора Питера Краузе, – разъяснила Мэриэл Адамс.

– Такого суда не было.

– Спасибо, Ари. – Настала очередь удивляться Мэриэл. – Но…

Ари, уже приблизившийся к двери, замер, ожидая продолжения, но так и не дождался.

Я любовалась Мэриэл: больно хорошо у нее получалось разыгрывать недоумение…

Глава седьмая
Джим Слоу

Бруно легко нашел адрес и телефон полковника Джима Слоу. Сайт телефонной компании знал почти все почти обо всех. Но неудача поджидала его впереди. Три дня он названивал Слоу, но трубку никто не брал. И тогда Бруно решился нанести визит полковнику без приглашения. Тем более что тот проживал в Сент-Ривере.

Двухэтажный особняк с колоннами, если допустить, что он давно не переходил из рук в руки, сам по себе мог порассказать много интересного о своих владельцах. Когда-то они были богатыми и уважаемыми людьми, но последние десятилетия их дела идут неважно. Им не по карману даже косметический ремонт здания, которое, судя по висящим клочьями обрывкам ссохшейся краски, буквально лезло из кожи вон, чтобы сохранить былой уют для своих обитателей. А те уже давно не в состоянии оплачивать садовника – разросшийся малинник душил все живое в палисаднике, милуя лишь пару древних эвкалиптов, облезлых, как и дом, стыдливо прячущийся в их жидкой тени.

Бруно постоял с полминуты перед калиткой, успокаивая дыхание, а затем решительно надавил на кнопку переговорного устройства. Почти сразу откликнулся приятный женский голос:

– Кто вы?

– Меня зовут Эллери Квин, писатель. Мне надо поговорить с полковником Слоу.

Сквозь непрерывный треск до Бруно донеслись приглушенные голоса, а затем грубый мужской голос спросил:

– Что вам угодно?

– Мне нужно поговорить с вами, – сказал Райновски, догадавшись, что это и есть полковник.

– Это вы без конца звонили последние дни?

– Да, это я.

Опять треск и приглушенные голоса. Затем снова женский голос:

– Пройдите.

Замок издал характерное жужжание, и Райновски толкнул калитку. Узкая тропинка привела его к дому. Дверь приоткрылась, и из-за нее просунулась хорошенькая белокурая головка и с плохо скрываемым любопытством уставилась на него.

– Проходите, мистер Квин, – сказала девушка.

Бруно улыбнулся ей и вошел в дом, внутри которого царил полумрак. Сделав по инерции пару шагов вперед, он чуть не уткнулся в грудь высокому старику с кавалерийскими усами и голым черепом. Слоу был укутан в темно-зеленый махровый халат, из-под которого ниспадали светлые парусиновые брюки. Несмотря на домашнюю одежду, выправка выдавала полковника. Но самым примечательным в его внешности были густые кустистые брови, постоянно находящиеся в движении. Бруно показалось, что полковник строит рожицы. Старик красноречиво взглянул на часы и сказал сердитым тоном:

– Я уделю вам немного времени… четверть часа… не более. Но вы должны пообещать, что никогда больше не попытаетесь вернуться сюда снова и не станете досаждать мне и моей жене.

– Обещаю, – коротко сказал Бруно.

– Тогда садитесь, – полковник кивнул на диван, – и рассказывайте в чем дело.

Бруно присел на краешек дивана, а полковник взял стул, поставил его перед Бруно спинкой вперед и уселся, словно оседлал коня.

– Итак, мистер…

– Мистер Квин, Эллери Квин. Я бы хотел поговорить с вами об истории, связанной с профессором Краузе.

Услышав это имя, полковник соскочил с седла и принялся расхаживать взад-вперед.

– Почему вы решили, что я стану обсуждать это с вами? Как вы вообще набрались наглости произносить это имя в моем доме?

– Видите ли, я писатель. – Бруно придерживался заготовленной легенды. Он не сомневался, что полковник никогда не слышал об Эллери Квине. Хорошо, что Пэтман предупредил его. – Я собираю материал о различных малоисследованных явлениях в психиатрии и обо всем, что может иметь к этому отношение. Я натолкнулся в старых газетах на статьи о вашем процессе против профессора Краузе и решил побеседовать со всеми фигурантами этого дела.

– Вы должны поклясться, что близко не подойдете к Патриции. Или я убью вас! – Брови Слоу грозно сошлись.

– Клянусь, – послушно сказал Бруно, и брови полковника изобразили сомнение.

– Вы уже разговаривали с этим… – полковник долго подбирал слово, но так и не нашел подходящего.

– Нет. Только с его адвокатом. Помимо этого я ознакомился с судебными протоколами.

– К сожалению, мой адвокат оказался не столь ушлым, как этот престарелый хлыщ. Придушил бы его собственными руками!

Райновски решил не выяснять, какому адвокату грозит смертная казнь, и правильно сделал: скорее всего, не поздоровилось бы обоим.

– Мистер Слоу, мне кажется, что нам обоим будет проще, если вы просто расскажете эту историю.

Это был правильный ход – полковник сразу успокоился, и его речь утратила воинственность, приобретя даже некоторое изящество.

– Не думаю, что смогу сказать больше, чем на суде. Вкратце история выглядит так. Все началось еще тогда, когда я действительно был полковником. – Поймав вопросительный взгляд Бруно, Слоу продолжил: – Полковником армии Венесуэлы. У Патриции появились признаки депрессии. Все ей не нравилось. Угодить ей было невозможно. Часами она могла сидеть у окна и тупо смотреть на улицу. Я думал, что это связано с беременностью, но и когда на свет появился Терри, мало что изменилось. Надо признать, что я не мог уделить ей тогда достаточно внимания. К власти пришел Уго Чавес, и стало ясно, что в

моей военной карьере поставлена точка. Хуже того, удержаться в армии мне было не так просто. Все-таки я был включен в военную делегацию в Мексику… Не важно, это к делу не относится. Короче, это помогло мне перебраться сюда. Я надеялся, что смена обстановки, безмятежность, царящая в Сент-Ривере, восстановят нервную систему Патриции, но этого не произошло. У нее начались припадки. Из-за любых бытовых пустяков она могла выйти из себя и начать крушить все, что подворачивалось под руку. Самое ужасное, что порой доставалось и Оливии с Терри, и это несмотря на их преданность матери… А как-то раз она пыталась покончить с собой, но не смогла как следует перерезать себе вены: потеряла сознание при виде крови. Это было первый раз. А во второй раз она, видимо, насмотревшись идиотских сериалов, проглотила пригоршню таблеток снотворного, но ее смогли откачать.

– И тогда вы решили обратиться к профессору.

– Нет. Мне рекомендовали центр Бергмана, а к этому… к профессору мы попали случайно. Он мне сразу не понравился. Премерзкая улыбочка. Глазки бегают. Сразу видно – себе на уме. Действовал по принципу: «Хороший врач всегда найдет у пациента болезнь по карману». Сказал, что случай необычный и Патрицию надо оставить в клинике для наблюдения.

– И вы согласились?

– А что было делать? Ей предоставили отдельную палату, хороший уход. Можете себе представить, во что это вылилось. Впрочем, здоровье Патриции было мне дороже любых денег. Профессор дважды в день беседовал с ней. Я навещал ее через день, иногда прихватывал с собой Оливию или Терри. Раз в неделю профессор беседовал со мной, успокаивал, говорил, хитрая лиса, что скоро он сможет поставить точный диагноз и тогда займется лечением. Так прошел месяц, а потом… потом я пришел к Патриции, принес цветы. Это был как раз день святого Валентина. Патриция выглядела необычно, была взбудораженной… и не узнала меня. А когда я сказал, что я ее муж, она что есть силы стала давить на кнопку вызова сестры. Когда прибежала сестра, устроила настоящую истерику, заявила, что в клинику проник сумасшедший – это я-то. А на следующий день она не признала Оливию. Бедная девочка вышла от нее вся в слезах.

– Вы, конечно, обратились к профессору?

– Он сказал, что это временное явление и теперь Патриция пойдет на поправку. Пообещал, что скоро выпишет ее. Но ей не становилось лучше, и она не признавала ни меня, ни наших детей. Я понял, что меня водят за нос, и забрал Патрицию из больницы, надеясь, что дома память к ней вернется. Но этого не произошло. Чтобы не травмировать детей, мне пришлось отдать их в интернат. Патриция заняла отдельную комнату и днями бродит привидением по дому. Со мной почти не контактирует, но иногда я слышу, как она разговаривает сама с собой, вечно поминает какого-то скрипача по фамилии Тернер. Я наводил справки, но в Сент-Ривере есть кондитерская Тернера, дантист Тернер, даже барабанщик Тернер, но о скрипаче Тернере никто не слыхивал.

– А ее вы не спросили?

– Спросил. Она сказала: «Не вашего ума дело». Мне она теперь говорит «вы».

– И вы обратились в суд?

– Я подал жалобу в полицию. Собственно, он и не отрицал, что провел сеанс гипноза или чего там, не получив согласия ни Патриции, ни моего. Поэтому я не сомневался, что дело совершенно ясное. Ведь в результате этого сеанса пострадала психика Патриции и пострадала так, что никакие улучшения в ее состоянии не могут компенсировать нанесенный ей ущерб.

– Когда вы поняли, что не выиграете дело?

– Решение присяжных было для меня, как гром среди ясного неба…

– Вы подавали апелляцию?

– Нет. Мой адвокат отговорил меня, сославшись на какие-то юридические заковырки, в которых я мало смыслю. Но я до сих пор не уверен, что был прав, пойдя у него на поводу.

Вспомнив свою легенду, Бруно спросил:

– Простите, полковник, если мой вопрос покажется вам бестактным, как вы себя ощущаете, ведь вы фактически потеряли жену?

Брови полковника схватились за мачете. Он сделал глубокий вздох и как можно спокойней произнес:

– Вы… – Затем секунду помедлил и закричал: – Эстер, проводите господина Квина!

Появилась обладательница белокурой головки. Улыбка быстро сползла с ее милого личика.

– Слушаюсь, господин Слоу, – сказала она и выжидательно уставилась на Бруно, которому ничего не оставалось, как кивнуть полковнику и направиться к двери.

Выйдя из дома, Райновски оглянулся. Эстер вскрикнула, зажав ладошкой рот.

– Вы, вы… Я узнала вас. Вы Бруно Райновски!

Бруно приблизился к девушке.

– Тише, прошу вас. Да, я Бруно Райновски. Пожалуйста, ни слова полковнику. Я вам все объясню. – Он извлек из пиджачного кармана визитку и вручил девушке. – Пожалуйста, найдите возможность сегодня зайти ко мне. Это очень важно.

Эстер заговорщицки оглянулась и спрятала визитку в карман передника.

– Я постараюсь.

Выйдя от Слоу, Райновски задал себе лишь один вопрос: «И что, этот человек мог убить Вольфганга Шмида, а может, еще и пару других присяжных, если не убить, то организовать похищение?» Положительного ответа не нашлось. Легче было представить, что он убил профессора Краузе. Что ж, надо поспешить встретиться с профессором!

Но к разговору следовало подготовиться, поскольку предстояло непростое общение с весьма непростым собеседником.

Вернувшись домой, Райновски сразу уселся за компьютер. Письмо от Пэтмена ждало его в почтовом ящике, и к нему была прикреплена папка с материалами по делу профессора. Здесь были копии протоколов заседаний суда, были свидетельства экспертов, досудебные показания свидетелей и обвиняемого. Был и протокол заседания жюри присяжных.

Большая часть материалов практически не содержала ничего такого, что как-то могло бы изменить уже сложившееся представление Бруно о процессе профессора Краузе. Но несколько относительно новых фактов ему удалось все же извлечь. Например, он узнал, что решение присяжных не было единогласным. Вольфганг Шмид, Генри Голдсмит и Тед Густавсон голосовали одинаково, то есть, сочли обвинение необоснованным. Разумеется, так голосовали не только они. Но ясно, что существовало и другое мнение, составленное на основе тех же фактов. Аргументы этой, иной точки зрения показались Бруно вполне убедительными. Но что-то в этом протоколе его все же не устраивало. Интуиция? Возможно… Ведь это верное оружие любого детектива, а Бруно Райновски всегда причислял себя к ним, хотя ни за что не признался бы в этом вслух.

Впрочем, к протоколу можно будет вернуться и после беседы с господином Краузе.

Ближе к вечеру ему сообщили, что в торговом зале его дожидается девушка. Бруно спустился вниз.

– Простите меня, Эстер, за утреннее… недоразумение. Я должен загладить свою вину. Рядом есть уютное кафе, и мы могли бы поужинать. Что скажете?

– Спасибо, в другой раз. – Бруно не мог не отметить, как улыбка идет этой и без того миловидной девушке. – Разве что чашку кофе, у меня просто нет времени. Полковник…

Бруно заказал кофе с пирожными девушке и себе.

– Я сразу заподозрила что-то неладное, ведь я знаю, что Эллери Квин всего лишь псевдоним… Но вы мне кого-то напомнили, а кого – я поняла, лишь когда вы уходили.

– Да, это была не лучшая идея – назваться Эллери Квином. Я был уверен, что полковник не читает детективы, но я не учел, что… что у него есть очаровательная служащая…

Эстер вспыхнула. Она не знала, надо ли благодарить за столь откровенный комплимент, поэтому взглянула на часики и сказала:

– Я спешу.

– Да, извините. У меня есть к вам несколько вопросов. Если не возражаете.

Девушка молча кивнула.

– Вы давно служите у Слоу? Ох, простите, я сморозил глупость…

– Почему?

– Полагаю, что вам не больше девятнадцати…

Эстер усмехнулась.

– Да. Действительно, я работаю у них год.

– Вам конечно известна их история?

– Они какие-то странные. Миссис Слоу утверждает, что едва знакома с полковником, а тот считает ее своей женой.

– Но обратите внимание, что у них одинаковая фамилия.

– Да, но Патриция требует, чтобы ее называли Патрицией Кальдера. Полковник сказал, что это ее девичья фамилия.

– Вам что-нибудь известно о судебном процессе, который Джим Слоу затеял против профессора Краузе?

– Нет.

Бруно пришлось изложить вкратце суть дела и рассказать о смерти Вольфганга Шмида и исчезновении двух присяжных. Выслушав, Эстер снова взглянула на часы.

– Мне уже надо идти, иначе полковник убьет меня.

– Скажите, Эстер, вы поверите, если я скажу вам, что Шмида убил никто иной как Джим Слоу?

Эстер вскрикнула.

– Не может этого быть!

– Но почему? Вы только что сказали, что опасаетесь за свою жизнь!

– Да. Но мне есть, чего опасаться. А вот Шмида или еще кого он убить не мог – он просто не выходит из дома!

– Как вы можете гарантировать, что сейчас, например, полковник не разгуливает по городу?

Девушка смутилась.

– Не знаю… Порой он такой страшный…

– Убийство произошло в Тотридже. Чтобы совершить его полковнику пришлось бы исчезнуть из поля вашего зрения хотя бы часов на пять. У вас, наверное, бывают выходные?

– Конечно.

– Вспомните, пожалуйста, где вы были 17 мая?

Девушка снова вскрикнула и прижала левую ладошку ко рту. Райновски откровенно любовался ею.

– Это мой день рождения! Я рано утром уехала к родителям и вернулась лишь на следующий день… Полковник даже предлагал отпустить меня в субботу, но мне не захотелось, а он не настаивал. Неужели?.. – она вскочила и почти побежала к выходу из кафе.

– Ваша сумочка, Эстер! – окликнул ее Бруно и снял модную кожаную сумочку со спинки стула.

Эстер вернулась чтобы взять забытую вещь, но Бруно крепко держал сумку за ремешок.

– Я еще увижу вас? – спросил он.

– Если захотите, но только не оставляйте мою сумочку в залог!

Бруно хмыкнул и разжал пальцы.

Николь. Да, идея назваться Квином оказалась не слишком удачной.

Мэриэл. Это как посмотреть. Благодаря ей Бруно познакомился с очаровательной девушкой!

Николь. Может быть. Но в семье Слоу разыгралась настоящая трагедия. Только в чем вина Краузе? Он ведь хотел помочь.

Мэриэл. Мне кажется, что жизнь этой семьи была далеко не безоблачной и до вмешательства профессора, просто к той ситуации они уже как-то приспособились.

Николь. Ты считаешь, что это Слоу начал охоту на присяжных?

Мэриэл. Пока мне, как, по-видимому, и Райновски, это представляется маловероятным, скорее, он разобрался бы с Краузе.

Николь. А, может, он решил так запугать Краузе, чтобы заставить его вернуть все к прежней ситуации.

Мэриэл. Это слишком заумно. Кроме того, тебе не кажется, что, если бы Краузе мог это сделать, он бы и без всякого давления со стороны полковника обошелся. Его бы такой поворот событий избавил от многих неприятностей.

Николь. Да, конечно, но Слоу мог считать иначе.

Я не была так благодушно настроена по отношению к полковнику Слоу, как Мэриэл и Бруно, а слова моей подруги восприняла как очередной подвох. К тому же, где он был вечером 17 мая? Возможно, мы это еще узнаем. Я отдала рукопись Мэриэл.

Глава восьмая
Питер Краузе

Кабинет психиатра был больше похож на кабинет писателя. Стеллажи с книгами, большой письменный стол с прильнувшим к нему современным компьютерным столиком. Компьютер последней модели.

Несколько выпадали из стиля два больших старомодных кресла, сидеть в которых, тем не менее, было очень удобно.

– О да, вы очень молоды, друг мой, – воскликнул профессор, едва Райновски назвал себя.

– Я так не считаю, – возразил Бруно, смягчив свое заявление улыбкой.

– Ничего, это быстро проходит, – успокоил профессор. – Я вообразил, что мне предстоит встреча с ровесником старины Пэтмана, – усмехнувшись, пояснил Краузе. – Хотите что-нибудь выпить?

– Не сейчас.

– Как хотите. Так чем вас заинтересовало мое неприглядное, с точки зрения общепринятой морали, прошлое?

– Право, профессор, я не склонен оценивать с этой позиции ваши проблемы, меня интересуют факты.

– Факты, говорите? Нет более расплывчатого понятия. Ведь именно факты настолько неоднозначны, что рассказать о них непросто, вы должны понять, что я могу вам описать только то, что сам наблюдал, но с любой другой точки зрения все это может выглядеть иначе.

– Понятно, – сказал Бруно, но именно в этот момент почувствовал нечто ускользающее как раз на уровне понимания.

– Давайте поступим так: я расскажу вам то, что знаю, и если у вас останутся вопросы, вы их зададите потом, согласны?

– Да.

– Более двух лет назад меня попросили осмотреть женщину, Патрицию Слоу, после попытки суицида. Это был не мой случай. Я специализировался на посттравматических неврозах, но доктора Гриффса, консультировавшего таких пациентов как госпожа Слоу, не было не только в клинике, но и в стране, он читал лекции в Европе. Поскольку это был классический случай возрастного невроза, я согласился. Существуют методики,

препараты, думаю, вам все это известно, – Бруно кивнул, – однако я сразу почувствовал, что с женщиной не все так просто, как казалось на первый взгляд. Не вижу смысла загружать вас терминологией и теоретическими рассуждениями. Главное, что не вписывалось в обычную динамику подобных состояний, заключалось в том, что пациентка вовсе не выглядела ни истеричной, ни измученной длительной депрессией. Она прекрасно понимала, как смотрелись ее действия со стороны, и попросту не верила, что она это сделала. Патриция в беседе со мной даже намекнула, что, возможно, кто-то хотел ее убить. И, знаете, ее утверждения были достаточно логичны. Я должен рассказать вам, что представляла собой ее попытка самоубийства и что при этом происходило вокруг. Нужно заметить, что, если бы произошло худшее, полиции пришлось бы сильно потрудиться, чтобы объяснить все произошедшее убедительно и в рамках закона. Однако Патриция выжила, и это изменило ситуацию. – Краузе встал. – Давайте все же выпьем, по пятьдесят грамм, у меня есть хороший старый коньяк, настоящий французский.

Он вышел и через минуту вернулся с двумя бокалами и бутылкой, примерно на треть заполненной коньяком, насколько мог судить Бруно, действительно хорошим. Райновски не любил крепкие напитки, но промолчал, вернее кивком поблагодарил хозяина кабинета, принимая из его рук бокал.

– Так на чем я остановился? – спросил профессор, возвращаясь в свое кресло.

– Вы собирались рассказать о том, как ваша пациентка пыталась расстаться с жизнью, – напомнил Бруно.

– Да. Патриция сразу заявила, что у нее нет ни малейших причин быть недовольной своей судьбой. Муж у нее прекрасный, любит ее, заботится о ней. Дети никогда не создавали никаких проблем. В общем, все настолько хорошо, что случившееся с ней ее саму несказанно удивляет. Госпожа Слоу помнила, что в тот день, когда все случилось, она чувствовала себя немного усталой, накануне ночью было жарко, и она долго не могла уснуть, когда же, наконец, уснула, сон ее был очень тревожным, ее беспокоили неприятные сновидения, правда, вспомнить, что именно ей снилось, она не могла. Утром ей пришлось выпить таблетку от головной боли. Патриция помнила, как пошла отдохнуть после обеда, и все. Очнулась в больнице. Однако в центр Бергмана ее привезли с признаками тяжелейшего отравления, и отравилась она снотворным, которое не мог выписать ни один врач, если верить всему, что она мне рассказала. Вы знаете, что в подобных случаях назначается социальное расследование?

– Конечно.

– После всего, что я услышал, естественно, я запросил протоколы бесед социальных служащих с членами семьи Слоу.

– И вам без вопросов выдали эти материалы?

– Я обосновал свою просьбу, разумеется. Кстати, если вы хотите, чтобы я был с вами и дальше откровенным, то должны мне дать гарантии, что сказанное мною нигде не засветится.

– В качестве гарантии могу предложить только свое слово и здравый смысл.

– Исходя из того, что мне вас рекомендовал Пэтман, пожалуй, сочту эти гарантии достаточными.

– Итак, вернемся к окружению вашей пациентки. Ее близкие видели ситуацию несколько по-другому?

– Вы уже догадались?

– Предположил.

– Правильно предположили. Не только муж Патриции, но и все, с кем удалось поговорить, рассказывали, что госпожа Слоу давно страдала невротическими припадками. У нее были периоды апатии, которые сменялись бурными истериками, временами она была просто невыносима. Все началось, как считает муж, после рождения второго ребенка. Беременность протекала сложно, да и роды были тяжелыми. Такое случается, но, как правило, проходит после соответствующего лечения. Однако госпоже

Слоу становилось все хуже. Она была раздражительной, постоянно находила поводы для обид и упреков, казалось, что она просто ненавидит все, что ее окружает. Джим Слоу пытался помочь жене. Он проявлял чудеса терпения, ему удалось уговорить Патрицию обратиться к врачу. Поверьте, это было не просто. От консультации психиатра она категорически отказалась, а семейный врач назначил симптоматическое лечение, в том числе выписал снотворное. Что же произошло в тот роковой день? С утра в доме было спокойно, поскольку Патриция поздно встала и пребывала в состоянии апатии, очевидно, в результате действия лекарств, которые она приняла накануне. После обеда госпожа Слоу сказала, что чувствует усталость, и действительно отправилась в свою спальню, чтобы отдохнуть. В этом не было ничего необычного. Джим остался в столовой, он просматривал газеты. Примерно через час полковник услышал крик сына, мальчик зашел в ванную и увидел там лежащую на полу мать. Патриция была без сознания, но, к счастью, помощь подоспела вовремя. Все указывало на то, что она отравилась своим снотворным. Но тут уже есть некоторая странность, которую упомянула пациентка в нашей первой беседе. У нее не было таблеток в достаточном количестве, чтобы серьезно отравиться. Мне непонятно, почему на эту деталь никто не обратил внимания. Хотя я допускал, что над этим просто никто не задумался. Допускаю, что Патриция не точно описала ситуацию. Во всяком случае, у меня не было возможности уточнить детали, ибо вторая моя встреча с пациенткой сильно отличалась от первой. Я увидел просто другую женщину, она даже выглядела иначе. К сожалению, нашу первую встречу я никак не зафиксировал. Поэтому вы можете мне либо верить, либо нет. Тот же выбор был и у присяжных.

– В какой момент вы приняли решение попробовать свою новую методику лечения? – не удержался от вопроса Бруно. Ему уже была понятна общая картина.

– Дело в том, что медикаментозное лечение не давало никаких результатов. Больную пришлось поместить в специально оборудованную палату, она отказывалась от еды и питья, не хотела ни с кем общаться, одно лишь упоминание о семье вызывало резкое ухудшение ее состояния. Кроме меня к госпоже Слоу были приглашены и другие специалисты, на суде они подтвердили мои показания. Я, возможно, впервые в жизни решился на риск, исключительно ради спасения этой женщины. Да, если бы я догадался записать тот разговор, возможно, дело вообще не дошло бы до суда.

– Вы не могли бы мне объяснить, что за методику вы применили? В популярной форме, насколько это возможно?

– Собственно, в моей методике нет ничего революционного, со времен Фрейда психоаналитики ищут причины психических отклонений в прошлом опыте пациентов. Разница лишь в том, что я пытаюсь найти не точку сбоя, а точку гармонии. Я считаю, что можно вернуть человека в состояние той самой гармонии, но уже в новых нынешних обстоятельствах. Как и что я для этого делаю, неспециалисту уже объяснить трудно, впрочем, это пока нелегко обсуждать и с большинством специалистов.

Николь. Очень странная история. У меня такое чувство, что профессор далеко не все сказал и вполне сознательно.

Мэриэл. Трудно с тобой не согласиться, ведь на вопрос Бруно о методике он попросту не стал отвечать. Ссылка на сложность мне показалась неубедительной.

Николь. Безусловно! Он даже не произнес слова «гипноз», хотя именно об этой методике говорят все остальные.

Мэриэл. Да, и мне кажется, что разобраться в случившемся будет очень сложно, если мы не поймем, что стоит за нежеланием Краузе ответить на такой важный вопрос.

Николь. Зато идея точки гармонии кажется мне весьма интересной, ты не находишь?

Мэриэл. Да, странно только, что никто раньше до этого не додумался.

Николь. Кто-то же должен быть первым. А не кажется ли тебе, что автор пытается отвлечь наше внимание, намекая на другую детективную историю? Я имею в виду снотворное. Точнее, его количество.

Мэриэл. Возможно, но этому факту можно найти вполне рациональные объяснения, но не будем сейчас на это отвлекаться.

Не понравилось мне это. Почему Мэриэл не хочет обсудить столь явный намек автора? Впрочем, это тоже может быть «домашней заготовкой»…Что ж, продолжим, моя очередь читать.

Глава девятая
Встреча друзей и неожиданная идея

Этот сон Бруно видел не реже раза в месяц. Он играет с отцом в шахматы. Сначала жертвует слона, вскрывая позицию белого короля, затем добавляет на жертвенник коня, чтобы выманить вражеского короля в центр доски. Для защиты короля отец вынужден отозвать фигуры с ферзевого фланга, и тогда приходит в движение крайняя пешка черных: дорога в ферзи открыта! Отцу приходится отдать ферзя за две пешки, чтобы предотвратить появление нового ферзя. На доске возникает примерное материальное равновесие с нестандартным соотношением сил. Отец улыбается. Он любит такие позиции и горд за сына, не боящегося идти на жертвы. Телефонный звонок. Бруно снимает трубку. Это отца, женский голос. Отец слушает молча, затем кладет трубку, целует Бруно и обещает доиграть партию, когда вернется. Но он не вернется – по дороге в Тотридж его допотопный «бьюик» слетает со скользкой дороги и падает в пропасть. Тут обычно Бруно просыпается в холодном поту.

Но сегодня все немного не так. Телефонный звонок. Когда Бруно снимает трубку, звонок не прекращается, и Бруно осознает, что это не сон. Он ощупью находит телефон и, еще не думая просыпаться, еле слышно говорит:

– Алло.

– Привет, Пан. Чувствую, что разбудил тебя. С каких это пор ты дрыхнешь в такое время? Уже скоро восемь…

– Гарри? Ты откуда взялся? – Голос Бруно звучит бодро, но он еще ничего не соображает.

– Я же писал тебе, что Ева выходит замуж. Сегодня свадьба. А завтра Джеки, ее жених, пригласил меня прокатиться на его яхте.

– Раньше после свадьбы устраивали медовый месяц…

– Ты отстал от жизни, Пан, лет на двести. Теперь медовый месяц устраивают до свадьбы, и тянуться он может несколько лет. А свадьбу играют, когда уже совсем припрет! – Гарри разразился веселым смехом.

– О времена, о нравы!

– Короче, Пан. Послезавтра я улетаю обратно. Шеф без меня, как без головы, – он снова хохотнул. – Но я не могу вернуться в Штаты, не повидав тебя. Джеки велел прихватить с собой какую-нибудь горячую малышку, и мой выбор остановился на тебе.

– Ты неисправим, Гарри.

– И никаких отговорок! Заеду за тобой завтра утром.

* * *

– Отдать концы! – скомандовал себе Джеки.

– Как бы нам и вправду не отдать концы, – сказал Гарри, выразительно посмотрев на небо. Желтая пелена песка, ночью принесенного суховеем, плотно скрывала солнце. – Проклятье. Ты не передумала, Ева?

– Не беспокойся. Я сегодня не…

Бруно оценивающе взглянул на ее живот. Месяцев семь, решил он, хотя кто их разберет.

– Воду не забыли? – сдался Гарри.

– Два ящика минералки, думаю, хватит, – сказал Джеки и с силой оттолкнул причал. Яхта чуть качнулась и заскользила в сторону открытого моря.

Джеки перешел на корму и завозился с двигателем. Ева сидела на боковой скамеечке, скрестив руки на груди, а затем попросила Гарри помочь ей спуститься вниз.

Когда отдалились от берега метров на двести, Джеки распустил паруса, велел Бруно встать у штурвала, а сам пошел сменить Гарри.

– Как бы она и в самом деле не родила тут, – сказал Гарри, вернувшись на верхнюю палубу.

– Может, не стоит слишком удаляться от берега? – предложил Бруно. На зубах скрежетал песок.

– После обеда обещали дождь. Жара спадет. – Гарри протянул сигареты Бруно. Тот взял одну. – Старик, ты так неожиданно исчез… Столько слухов ходило… Только не говори, что тебя разочаровала физика.

Бруно поджег сигарету и дал прикурить Гарри.

– Скорее, я разочаровался в племяннице декана.

– Можешь не продолжать, – кивнул Гарри. – Это одна из версий. Мы лишь после узнали, что Алекс его племянница. Это сразу все расставило по местам. Кстати, на последнем курсе она выскочила за Джованни. Итальянская физика отброшена на десятилетия назад.

Друзья рассмеялись.

– Чем ты занимаешься? – спросил Гарри.

– Торгую компьютерами оптом и в розницу. Строю и администрирую сети. Дядюшка оставил наследство.

– Везет же некоторым, – хмыкнул Гарри. – Не могу представить тебя остепенившимся…

– Бизнес налаженный, легко обходится без моего вмешательства. Не слишком обременяет меня.

– Ну и? Скучаешь таки по энтропии?

– Наоборот. Пытаюсь ее приуменьшить. Отгадываю загадки.

– То есть?

– Слушай. Я как раз сейчас бьюсь над одной, но что-то дело плохо продвигается… Есть достаточно версий, но ни одна не ведет, куда надо.

– Версий… Ты что, частный детектив?

– Нет, но загадки мои как раз под стать. Речь пойдет об убийстве.

– Ого!

Бруно пропустил иронию мимо ушей.

– Довольно скромного пенсионера из Тотриджа, в прошлом бухгалтера «Электросервиса», убивают в парке ударом бутылки по голове. Побуждения неизвестны. Со слов жены и сына врагов у него не было. Серьезного наследства тоже. Но выяснилось, что он вел двойную жизнь. Под другим именем он владел виллой и развлекался там с женщинами. Оказалось, что он сменил имя по достижении совершеннолетия, чтобы порвать с нацистским прошлым своего отца, бежавшего из Германии и жившего в Сент-Ривере скорее всего под вымышленным именем. Встает вопрос: откуда деньги на виллу? На «Электросервисе» звезд с неба не хватал, но имел хорошую репутацию, даже разоблачил крупную аферу, чем сберег фирме приличную сумму.

Вероятно, деньги получены от отца, каким-то образом привезшего их с собой. А семейный бунт – всего лишь инсценировка, красивый миф. После смерти родителей он официально ничего существенного не получил, но кто знает, что было передано «под столом»?

– Могу ли я заключить из сказанного, что жена или сын имели определенную заинтересованность?

– Сын утверждает, что им ничего не было известно о второй ипостаси отца. И я ему верю. Ведь именно он обратился ко мне.

– Тупик?

– Почти. Тут происходят новые события. С промежутком в несколько дней исчезают двое тотриджцев… Это восемь баллов по шкале Рихтера для такого полусонного городка, ты знаешь. Невольно закрадывается мысль, что эти ребята причастны к убийству, а иначе зачем исчезать? А в довершение я получаю сообщение-подсказку, что убитый и двое исчезнувших являлись два года назад присяжными на суде по делу профессора Краузе. Прелюбопытное дело, между прочим. Профессора оправдали, и эти трое как раз голосовали против обвинения. Я побеседовал с еще двумя присяжными, не поддержавшими обвинение. Они не могут твердо обосновать свое решение и говорят, что в другой день вполне могли «опустить черный шар». Решение было неоднозначным.

– Возможно, что у истца есть мотив…

– Да, но почему он не занялся обвиняемым? Я встретился и с этим истцом. Бывший полковник, сбежавший из Венесуэлы. Много вербальной агрессии, но не производит впечатления человека, способного от слов перейти к делу. Впрочем, я сообщил в полицию о полученных мною фактах, если это действительно факты. Надеюсь, что они проверят алиби полковника во всех трех случаях, это их работа…

– А может, все обстоит с точностью до наоборот? Знаешь, в физике, да, впрочем, и в других областях познания, всегда имеет смысл вывернуть ситуацию. В твоем случае, например, почему бы не предположить, что именно убийца прислал тебе сообщение с подсказкой, чтобы направить тебя по ложному следу. Ты взял этот след и пришел в тупик. Может, надо просто отбросить эту версию и посмотреть, что останется?

– Я думал об этом, – сказал Бруно, но его уши покраснели.

– К тому же после оправдания профессора прошло более двух лет. Почему полковник не занялся местью по горячим следам?

На это ответа у Бруно не нашлось. Он приуныл.

– Не знаю чем тебе помочь еще, Пан, – сказал Гарри. – Похоже, ты сам все продумал. Конечно, иногда полезно кому-то просто рассказать о своих проблемах, и тогда вдруг под новым углом зрения вырисовывается какая-то новая деталь. Может, сегодня ночью по следам нашего разговора тебе придет в голову если не решение, то, по меньшей мере, новое направление его поиска.

– Спасибо, обнадежил. Это все, что ты можешь сказать?

– Не совсем, Пан. Я физик все-таки. Смотрю на мир чуть иначе и задаюсь вопросами, которые не посещают простых смертных. Кажется, ты застал основы теории Эверетта?

– Имя помню. Что-то там про Мультиверс.

– Ты знаешь, я не сторонник чуть что хвататься за эту теорию в обыденной жизни. Так можно зайти очень далеко… Но с другой стороны, есть один момент в твоем рассказе, требующий более пристального внимания. Я имею в виду твои беседы с присяжными. Сомнение, которым они подвергают собственное решение в жюри, вещь весьма характерная. И характеризует она склейки, происходящие при вынужденной смене точки наблюдения.

– Подожди, Гарри, не гони лошадей. О чем ты говоришь?

– Как бы это тебе объяснить… Есть такое понятие – селективная декогеренция. Кто-то силой своего воображения не просто создает новый мир, купируя при этом одну из ветвей альтерверса, но и оказывается в нем наблюдателем. В этой ветви мироздания у многих людей, в разной степени зависящих от их вовлеченности в отличия этого мира от прежнего, происходит непроизвольное изменение точки наблюдения. При этом порой они ощущают нечто необычное, и их действия не вполне адекватны или кажутся таковыми. Именно такими они фиксируются в их памяти.

- Как ты сказал? Селективная де… Ты имеешь в виду коллапс?

- Коллапс – это не просто выделение одной возможности, но и «уничтожение» всех других! А в нашем смысле речь идет о декогеренции, когда перепутанное состояние распадается на отдельно СУЩЕСТВУЮЩИЕ ветви, причем разрушающий суперпозицию наблюдатель оказывается в какой-то им самим определенной ветви. Извини, я не знаю, как это объяснить проще.

– Понятно, хотя и не очень, не до полной ясности, – задумчиво произнес Бруно, не обратив внимания на колкость. – А можно искусственно создать условия для такой селективной дек… ну, ты меня понял?

– Это было бы не просто интересно, это было бы событием, причем, не только в физике. Знать бы, что это за условия. Есть и еще одна проблема: если мы создадим иную реальность, то, скорее всего, сами окажемся именно в ней, как мы узнаем о том, что эксперимент оказался удачным?

– Да, это проблема, – рассеянно сказал Бруно. – Чтобы вызвать такое изменение реальности, наверное, требуется очень сильное воображение.

– О, да. Полагаю, что это под силу лишь людям творческих профессий. Но никто не отменял моральную ответственность за последствия.

– Вот именно! Если все же селективная декогеренция, надеюсь я верно произнес этот термин, имела место в случае с Краузе? Например, именно он создал для этого условия. Он действовал в собственных интересах, так?

– Наверное. И ключевым событием могло быть решение присяжных.

– Следовательно, если вернуть событию его наиболее вероятный сюжет, то реальность…

– Нет, есть мнение, что невозможно войти в одну и ту же воду дважды, и я считаю, что это правильно.

– Да-да, зато можно дважды сесть в одну лужу! Впрочем, к данному делу это не относится…

– Я вот еще о чем подумал, – вдруг оживился Гарри, – это ведь для Краузе вердикт присяжных был точкой отсчета, но если мы сместим интересы в сторону, например, полковника, то и момент ветвления может быть выбран иначе.

– Не думаю, что полковнику такое под силу, а вот Краузе вполне мог устроить что-нибудь подобное.

– Я не об этом. Разумеется, и тут следует искать того, кому это выгодно… Я просто подумал, что полковник мог бы попытаться тоже устроить свою селективную декогеренцию, но, разумеется, где-то раньше. И не важно, что ему это не под силу. Ведь он мог кого-нибудь для этой цели нанять.

Николь. Похоже, автор решил изменить жанру детектива, плавно перенаправив сюжет в научную фантастику.

Мэриэл. Так уж и в научную! Только потому, что появился физик?

Николь. Не только. Физик, между прочим, высказал любопытную идею.

Мэриэл. Идея, как ты сама заметила, не столь любопытная, сколь фантастическая. А вот насколько эта фантастика научна, еще разобраться надо.

Николь. Разобраться тут надо во многом, но давай сначала дочитаем. Осталось ведь немного, автор наверняка приготовил свои объяснения, по закону жанра.

Я действительно удостоверилась, что осталась лишь одна глава, и хорошо: в горле свербело, и без чашки кофе я бы уже не прочитала вслух и строчки. Но отвлекаться на кофе не хотелось. Я с радостью отдала рукопись Мэриэл, предвкушая развязку.

Глава десятая
Эстер

Разговор с Гарри привел Бруно в отчаяние. Он отчетливо сознавал, что зашел в самый тупой тупик, из которого лишь один выход – там, где вход. Гарри ничем не помог ему: ведь изложить факты можно было перед кем угодно, даже перед Эстер… Эстер! О чем бы не думал Бруно, его мысли соскальзывали к этой белокурой девушке. Думать о ней было приятно. Улыбка, постоянно игравшая на устах девушки, не могла оставить Бруно равнодушным, и он мечтал о новой встрече с ней. Но где взять повод? Да и не мог он явиться в дом Слоу. Ведь он обещал полковнику больше его не беспокоить, а у того наверняка помимо крутого нрава имелось оружие… Кто знает, что может произойти.

В свои двадцать семь Бруно Райновски уже понимал, что многие проблемы решаются сами собой, особенно если ничего не предпринимать. К сожалению, не все.

В это утро Бруно не хотелось вставать. Накануне позвонил Лотар Шмид. У него дела в столице, и он обещал заскочить в конце дня. У Бруно не было для него новостей, и он подумывал, не признать ли свое поражение. Но потом решил, что сдаться никогда не поздно.

До открытия магазина оставалась четверть часа, и Бруно усилием воли поднял себя с постели. Холодный душ лишь немного освежил его, а на завтрак времени не оставалось.

Он сварил себе кофе и с дымящейся чашкой в руках спустился в магазин. Лора уже возилась с входной дверью. Наконец ей удалось сдвинуть засов и распахнуть ее. В магазин вошла первая посетительница. Увидев ее, Бруно пролил горячий кофе на джинсы. Вместо приветствия он издал вопль, чем изрядно напугал и Лору, и Эстер. Девушки бросились к нему, но шок прошел, и он овладел собой.

– Ничего страшного, – успокоил девушек Бруно, промокая салфеткой пятно на джинсах. – Уже все прошло.

– До свадьбы заживет! – сказала Лора, не обратив никакого внимания на цвет, которым окрасилось лицо босса.

Зато это заметила Эстер. Это не замедлило сказаться на цвете ее щек, впрочем, румянец ей шел. Чтобы скрыть смущение, она сказала:

– Я хочу купить нетбук.

– У нас большой выбор, пройдите за мной, и я ознакомлю вас с последними новинками, – защебетала Лора.

Она направилась к витрине, но Эстер не сдвинулась с места. Заметив это, Лора хотела что-то сказать, но ее опередил Бруно.

– Мы только вчера получили новинку от фирмы «Асус», уверен, что вам понравится. Лора, пожалуйста, принеси со склада черный и серебряный. Вы будете первой покупательницей, – затараторил он.

– Спасибо, я не очень в этом разбираюсь. Родители подарили мне на день рождения триста долларов, чтобы я купила нетбук. Этого хватит?

– Хватит, хватит, еще останется… Располагайтесь за этим столиком, сейчас Лора принесет нетбуки, и я продемонстрирую их в действии. Замечательная вещь – маленькая, легкая и полдня без подзарядки! Я дам вам пожизненную гарантию.

– Пожизненную – это как? Пока не умрет компьютер? – засмеялась Эстер, садясь в предложенное кресло.

– Нет, пока я не умру, – серьезно сказал Бруно, но, взглянув на девушку, не выдержал и тоже рассмеялся.

Лучшего покупателя у Бруно не было никогда. Эстер не задавала лишних вопросов и не торговалась, а Бруно продал ей нетбук по себестоимости, не обращая внимания на знаки, подаваемые Лорой. Впрочем, та быстро сообразила, что это покупатель особый, и демонстративно уткнулась в бумаги.

– Спасибо, – сказала Эстер.

– Но это еще не все. Покупку следует обмыть. Иначе гарантия недействительна.

– Кофе для этой цели подойдет?

– Подойдет, если капнуть в него коньяка.

– Что ж, у меня сегодня выходной.

– У меня тоже. Покупателей больше нет, Лора справится одна, а если что – Паоло ей поможет. Подождите меня минуту, я только переоденусь.

* * *

Они уже полтора часа сидели в кафе и без умолку болтали, даже не заметив, как перешли на «ты». «Даже Эстер», – вспомнил Бруно и ухмыльнулся. А, правда? Почему бы не рассказать Эстер? В конце концов, эта история затрагивает и ее. Идея понравилась ему настолько, что он приступил к ее исполнению немедленно. Конечно, он не ожидал конкретной помощи от нее, но стоило еще раз проверить на логичность уже известные связи событий и попробовать поискать новые. Однако этот ход не слишком помог ему, а точнее, не дал ничего нового.

Эстер нравился этот забавный парень, играющий в частного детектива. Изо всех сил она пыталась воспринять его серьезно, но это ей не всегда удавалось. Ей льстило, что ее посвящают да с такими подробностями во «взрослые» дела, и она внимательно слушала, стараясь не упустить ни одну, даже мелкую, деталь. Когда пан Райновски закончил, она сказала:

– Я близко к сердцу принимаю страдания госпожи Слоу, но они ничто по сравнению со страданиями ее детей.

– Надеюсь, у нее хватает ума и такта не отторгать их?

– Да, хватает… Когда дети приезжают из интерната, первым делом они бегут к ней. Скучают без матери. Она ласкова с ними, и со стороны может показаться, что она любящая, но строгая мать. Но ей это тяжело дается. Когда дети оставляют ее, она ложится ничком на кровать и рыдает.

– А полковник?

– Полковник превратился в комок нервов. Впрочем, может, и раньше он был таким. Я этого не знаю. Пожалуй. Я думаю даже, что он мог убить. Под горячую руку.

– Лотар передал в полицию текст сообщения, полученного мной. Полиция заинтересовалась новым направлением расследования и, разумеется, главным подозреваемым назначила полковника, но ей быстро удалось установить его алиби. Оказывается, 17 мая в предположительное время убийства ему на домашний телефон звонил учитель математики из интерната и жаловался на успеваемость и поведение Терри. Они проговорили не менее двадцати минут. Телефонная компания подтвердила факт разговора. Ни единого шанса… Вот так.

– Но кто-то ведь убил этого Шмида! Может, это не связано с судом?

– Может. Но знаешь, что сказал мне Гарри?

– Гарри?

– Это мой школьный товарищ. Он таки, в отличие от некоторых, окончил Стэнфорд и занимается физикой. Пару недель назад он приезжал на свадьбу сестры, и я ему все рассказал. Как тебе.

– Но, судя по всему, он тебе не очень помог. Тоже.

– В общем, да. Но он обратил внимание на некоторую странность в поведении присяжных. Они не могли объяснить, почему голосовали за невиновность Краузе. А те, кто проголосовал против, испытывали большие сомнения…

– Полковник считает дело совершенно ясным.

– Его точка зрения понятна. Но даже адвокат Краузе оценивал шансы как «фифти-фифти». А уж он в этом понимает.

– И что?

– Гарри считает, что это могла быть склейка.

– Ты хочешь сказать, что у присяжных поехала крыша и склеились мозги?

Бруно усмехнулся. Ему пришлось вкратце изложить основы эвереттики. Неожиданно, это произвело сильное впечатление на Эстер.

– Потусторонние силы?

– Это звучит двусмысленно. Лучше скажем, влияние другого мира на наш, возникшее из-за селективной декогеренции, есть такое понятие, Гарри считает, что в принципе это влияние можно осуществить по желанию, рукотворно, так сказать. Но далеко не каждому это под силу.

– А что для этого требуется?

– Прежде всего, мощное воображение. Творческое воображение. Красочное, способное увлечь и не отпустить.

– Послушай, Бруно, а что если… – Глаза девушки увеличились. Она взяла в ладошки зардевшиеся щеки.

– Что ты задумала, Эстер?

– Ты знаешь, я отдам все, чтобы помочь Слоу… – прошептала она.

– Но как ты собираешься это сделать?

– Я собираюсь стать актрисой. Занимаюсь в театральной студии, и у меня хорошо получается… Что-что, а с воображением у меня все благополучно. И фантазии хоть отбавляй. Я бы могла попробовать…

– Стой! Если бы это было так просто…

– Почему же просто? – обиделась Эстер. – Ты же сам сказал, что не каждый сможет. А мне кажется, что я смогу!

– Нет! Ты не должна! Это очень серьезно. И опасно. Подумай об ответственности, ты можешь навредить!

– Кому?

– Хотя бы Терри и Оливии.

– Им-то как раз хуже не будет. Просто некуда хуже.

– Мне не следовало тебе это рассказывать.

– Дело сделано.

– Подумай еще раз. Я все-таки надеюсь тебя образумить.

– Подумать обещаю. Да и почитать кое-что придется.

***

Разговор всполошил Бруно, хотя он не слишком верил, что действительно существует такое серьезное явление, как эта селективная декогеренция. С одной стороны он понимал, что если такое возможно, то может происходить по нескольку раз на день. Мы этого не замечаем или замечаем, но находим банальные причины. Так что в самом этом явлении ничего страшного нет, но даже этот вывод не смог успокоить его. Тогда он решил позвонить Гарри. Гарри снял трубку сразу, словно ждал звонка.

– Я сделал глупость, – начал Бруно.

– В первый раз?

– Важно, чтоб не в последний.

– Валяй, рассказывай!

– Ты рассказывал про селективную декогеренцию, помнишь?

– Только не говори, что ты этим занялся!

– Хуже… Я рассказал Эстер. Это служанка у Слоу. Полковник… ты помнишь.

– И…

– И она загорелась… Хочет помочь им.

– Успокойся, она не сможет. Для этого надо…

– Помню, но она начинающая актриса и уверена, что у нее все получится.

– Ничего у нее не получится!

– А если…

– Вот это меня и беспокоит. Последствия могут быть непредсказуемы и трагичны. Стоит чего-то не продумать – все пойдет наперекосяк. Хотя узнаем ли мы об этом? Ты должен ее остановить!

– Я пытался, но она и слышать не хочет. Говорит, если есть хоть один шанс, она должна попробовать.

– Дави на ответственность, она потом себе не простит.

– Пытался, без пользы.

– Почему ты ей вообще рассказал?

– Не надо было этого делать.

– Зная тебя, дружище, могу предположить, что ты в нее втюрился.

– Что-то в этом есть.

– А она?

– Что она?

– Не придуривайся. Она тоже дышит неравнодушно?

– Я не уверен.

– Это твой единственный шанс. Скажи, что в результате декогеренции она может потерять тебя.

– Это… правда?

– Старый дурень! Пан или пропал! Пропал! Можешь не сомневаться – так и будет.

– Но… что-нибудь можно предпринять? Я не хочу ее терять…

– Трепаться меньше надо было!

– Слушай, Гарри…

– Ладно. Есть у меня одна идея, но учти, она не проверена на практике и вообще. Так что, строго между нами.

Бруно поклялся. Гарри изложил суть своей идеи, велел действовать незамедлительно и положил трубку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мэриэл. Расследование

Я думаю, проницательный читатель уже догадался о том, что расследование только теперь и начинается. До этого момента просто описывались события и то, как о них стало известно нам с Николь.

Когда мы дочитали рукопись, я сразу решила выяснить главный вопрос:

– Но как эта папка попала к тебе? – спросила я без обиняков.

– То есть? – Удивление Николь было неподдельным, или моей подруге лучше бросить программирование и стать профессиональной актрисой.

– Давай не будем продолжать эти игры, – несколько раздраженно предложила я.

– Давай, – согласилась Николь, – но кто кого разыгрывает?

– Ты хочешь сказать, что эту рукопись принесла сюда не ты?

– Конечно, не я. Я думала, что это игра в детектив по вашему с Ари сценарию.

И тут я почувствовала, что Николь говорит правду, продолжение розыгрыша, если бы он действительно был, в этот момент уже не имело смысла.

– Вот оно что? Мы читали это творение и подозревали друг друга в его авторстве? Забавно.

– Но тогда получается, что мы не знаем, как рукопись сюда попала, если это не проделка твоего секретаря.

– На него это не похоже, но давай уточним.

Я тут же позвала Ари, который заверил нас, что впервые увидел папку с рукописью у меня на столе.

Что ж, одной загадкой больше, одной меньше, какая разница?

Поскольку никаких соображений относительно появления упомянутой рукописи в моей конторе у нас не появилось, мы решили оставить это на потом.

– Давай лучше разберемся с теми событиями, о которых только что прочитали, – предложила я.

– Не возражаю, – согласилась Николь, – но сначала надо бы понять, зачем кто-то решил описать события, которых на самом деле не было, если верить Ари. К тому же рукопись прерывается на полуслове.

– Мы пока не можем утверждать, что все это вымысел, как минимум, профессор Краузе – вполне реальный человек. И он действительно психиатр.

– Есть только один способ убедиться в достоверности изложенных фактов – найти упомянутых в рукописи людей, если они существуют, и задать им соответствующие вопросы.

– Имеет смысл начать с главного героя.

– Бруно Райновски. Ты никогда не слышала этого имени? Не знаешь, где его магазин?

– Не помню, но это не сложно выяснить. Если речь идет о благополучном компьютерном бизнесе, адрес можно найти в любом справочнике, уж не говоря об Интернете.

– Но только в том случае, если в названии магазина упомянута фамилия его владельца, и эта фамилия именно Райновски.

– В рукописи вроде сказано, что все обстоит именно так, следовательно, эти факты можно проверить, не выходя из дома.

Очень скоро мы выяснили, что магазин пана Райновски существует и находится на улице Ризотти рядом с Музеем искусств.

Пан Райновски

Мы решили не звонить господину Райновски, чтобы договориться о встрече. Что мы бы ему сказали? Он бы принял нас за сумасшедших и швырнул трубку. К тому же не верилось, скорее всего, на каком-то подсознательном уровне, что такой человек существует не только на страницах загадочной рукописи. Поэтому мы отправились на улицу Ризотти и там легко нашли нужный магазин.

Несколько солидных покупателей держали в плотном кольце высокого молодого человека в джинсах и черной футболке, что-то с увлечением им объяснявшего. Косичка и серьга в левом ухе не оставляли сомнений, что перед нами сам Бруно Райновски.

Мы подождали несколько минут, пока Бруно не направил покупателей к кассе. Он сразу обратил внимание на нас.

– Вам помочь? – привычно спросил Райновски.

– Нам хотелось бы поговорить с вами, – ответила Николь, – но не о компьютерах.

– Не о компьютерах… – машинально повторил Бруно и взглянул на меня. – Неужели? О боже… Госпожа Адамс?

С этого момента он пожирал меня глазами, словно перед ним мисс Вселенная. Я порадовалась, что Дэвида нет с нами. С другой стороны, мне бы хотелось посмотреть на реакцию моего мужа…

– Вы правы.

Бруно, от удивления потеряв дар речи, жестом пригласил нас подняться по лестнице на второй этаж. Как мы уже знали, именно там он и принимал клиентов, приносивших ему свои загадки и тайны.

Квартира, как я и представляла себе, оказалась крошечной. Гостиная совмещала функции и приемной, и кабинета. Да и вечера пан Райновски, наверное, часто тоже проводит здесь.

– Хотите что-нибудь выпить? – спросил нас Бруно, когда мы расположились у маленького чайного столика в низких, но удобных креслах.

– Если можно, стакан воды, – попросила Николь, но Бруно по-прежнему игнорировал ее.

– Да, – поддержала я подругу, – если можно. Сегодня жарковато.

Только тогда Бруно метнулся к холодильнику, вынул бутылку минеральной воды и налил в три высоких стакана.

– Кстати, меня зовут Николь Федона-Нуар, – сказала Николь, пытаясь исправить мою оплошность, но Бруно как будто не слышал ее.

Наконец, мы приступили к нашему разговору, который, по крайней мере, сначала был весьма странен.

– Скажите, вам не знаком этот предмет? – спросила я, положив на столик папку с рукописью.

– Ну, я вижу, что это старая папка для бумаг, я что-то еще должен в ней увидеть?

– Вы уверены, что видите ее впервые? – спросила Николь.

Бруно отвлекся от папки и посмотрел на меня.

– Я не слишком понимаю, милые барышни, смысл ваших вопросов, но почти уверен, что не видел ранее этой папки. Почти, потому что если я видел когда-то этот предмет мельком, мог, конечно, и не запомнить сей факт. К тому же не вижу ничего примечательного в этом предмете. Обыкновенная канцелярская папка.

– Нет, нет, – усмехнулась я, – мы подозревали, что эта папка некогда принадлежала вам.

– В таком случае – категорическое «нет». Папка не моя и никогда моей быть не могла. Возможно, что внутри нее… А можно ли мне поинтересоваться, какая связь существует между мною и содержимым этой папки? Ведь такая связь есть?

– Да, вы правы. В ней находится рукопись, повествующая о нескольких эпизодах из вашей жизни. Попросту говоря, речь идет об одном из ваших расследований. Мы не ошибаемся? Разгадывать тайны – это ваше хобби?

– Нет, не ошибаетесь. – Было заметно, что мой вопрос доставил ему удовольствие. – Время от времени я действительно занимаюсь поиском ответов на вопросы, которые кажутся мне интересными. О каком случае идет речь в этой рукописи?

– Вы помните дело Вольфганга Шмида?

– Что?! Этого просто не может быть!

Бруно вскочил и заметался по гостиной – мы уже знали об этой его привычке.

– Чего?

– Никто не мог описать это дело, понимаете? Оно не закончено! Я занимаюсь им сейчас, у меня даже не все факты по нему собраны! Неужели здесь, в этой папке…

– Мы сделали для вас копию рукописи, – сообщила я, – и вы сможете ее прочитать, но решения загадки там нет, создается впечатление, что у этого повествования попросту отсутствует финал. Он или не написан, или сознательно утаен именно от нас, – это предположение возникло у меня во время нашего странного разговора.

– Какой финал? Ведь дело не закончено. Пожалуй, мне действительно стоит прочитать…

– Да, – неожиданно прервала господина Райновски Николь, – но пока, до того как прочитаете, вы можете ответить на вопросы не литературные, а связанные с конкретными людьми? У нас есть подозрения, что в этом тексте все имена названы точно, без изменений.

– Но я могу и не знать этих имен.

– Однако тут описана часть вашей жизни, – напомнила я.

– Ну, если… Хорошо, спрашивайте.

– Итак, как минимум, убитого точно звали Шмид?

– Убитого? Откуда вы взяли, что он убит?

Уже было успокоившийся Бруно вновь замелькал перед глазами.

– А у вас другие сведения?

– Ко мне обратился сын Вольфганга Шмида.

– Лотар?

– Именно. Лотар Шмид. Его отец не вернулся с прогулки. Для такого маленького провинциального городка как Тотридж – это чрезвычайное событие. Полиция искала его несколько дней. Были проверены все возможные, и даже не очень возможные варианты. Но человек исчез бесследно.

– Известно ли вам его второе имя?

– Какое еще второе имя?

– Гюнтер Пфлегер.

– Это имя я слышу впервые. Хотя, – Бруно замолчал, словно какая-то мысль остановила его, – что-то знакомое.

– Может, вы читали об этом человеке в газете, или в сети? – догадалась Николь.

– Точно! Тело Пфлегера было обнаружено в национальном парке, писали, что его убил какой-то ненормальный. Ударил бутылкой по голове.

– Что ж, это совпадает с версией автора рукописи, – заметила я.

– Да, но вы сказали о втором имени Шмида!

– В газетах не было фотографии убитого?

– Нет, зачем? При нем было удостоверение, да и его опознала женщина, экономка.

– Не мешало бы показать его фото Лотару, но это никому не пришло в голову.

– Разумеется. Какая связь? Если бы речь шла о неопознанном трупе, тогда другое дело.

– Понятно, что об остальных именах будет смысл говорить только после того, как вы прочтете текст из этой папки.

– Вам удалось меня заинтриговать и порядком запутать. Вы оставите мне свои координаты?

Я протянула Бруно свою визитную карточку.

– А вы не разыгрываете меня?

– Мы тоже об этом думали, пока читали текст. – Я бросила взгляд на Николь, и та понимающе улыбнулась. – Думаю, что нам с вами предстоит очень непростое и, безусловно, интересное расследование.

Следствие начинается

Когда мы выходили из магазина пана Райновски, мы понимали, что расстались с Бруно ненадолго. Бросить такое расследование мы не сможем и не захотим.

Нашему новому знакомому предстояло поработать с рукописью и узнать, если не о себе, то о ком-то очень похожем, много интересного. Вопрос об авторстве пришлось отложить.

– Давай пройдемся пешком, – предложила я.

– Почему бы и нет? – согласилась Николь. – При ходьбе лучше думается.

– А, может, эту рукопись написал убийца? – вслух подумала я. – Кто еще мог знать о двойной жизни Шмида?

– Ты опираешься не на факты, а на сюжет, – заметила Николь. – К тому же такое уже бывало. Например, роман Пьера Гамарра «Убийце – Гонкуровская премия»… И вообще… Мы пока не можем утверждать, что Шмид убит. Кроме того, мы не знаем, является ли он еще и Гюнтером Пфлегером. Нас могли направить и по ложному следу. Но зачем?

– У меня есть предложение, даже два. Пойти в управление к комиссару Катлеру и позвонить Дэвиду. Это позволит нам многое прояснить, не выходя из кабинета на седьмом этаже.

– Нам надо было бы сделать еще пару копий.

– Что нам мешает это сделать тоже там?

– Не уверена, что наши загадки понравятся комиссару.

– Посмотрим, мы почти пришли. Только бы Эрик Катлер был на месте.

Комиссара не оказалось в управлении. Как сказал нам дежурный офицер, ждать его не имело смысла, поскольку он участвовал в заседании судебной палаты, которое могло продлиться еще пару часов, а то и больше. Телефон Эрика Катлера был отключен, и я оставила ему сообщение на автоответчике.

После этого позвонила Дэвиду, с ним мы договорились встретиться у меня в конторе.

Ари сообщил мне с порога, что на завтра назначил встречу с солидным клиентом. Мне показалось, или в его голосе действительно прозвучал едва сдерживаемый восторг. Неужели опять какая-нибудь знаменитость?

– Как имя этого господина? – поинтересовалась я.

– Госпожи, – поправил меня Ари.

– Ну и?

– Анжела Паркер! – Ари все же не удалось произнести это имя без торжества и обожания.

– Вот как? – Мне удалось выглядеть неосведомленной, в меру, конечно. – На какое время ты записал визит госпожи Паркер?

– На час дня.

– Отлично. Она не упомянула, какая проблема привела ее к нам?

– Она просила, чтобы о ее визите знало как можно меньше людей.

– Надеюсь, ты об этом не забудешь, – не удержалась я от шпильки.

Ари обязательно бы высказал мне свою обиду, но не стал этого делать при Николь. К тому же появился Дэвид.

***

– Так что же, милые мои леди, у вас опять приключилось? – сияя своей самой неотразимой улыбкой, спросил мой муж.

Мы разместились в моем маленьком кабинете вокруг письменного стола.

– Не уверена, что это у нас что-то приключилось, – серьезно ответила Николь.

– Да, – поддержала ее я, – и вообще, было ли?

Нам таки удалось сбить с лица Дэвида маску шутливого превосходства, любопытство в нем пересилило желание произвести впечатление на гостью.

Можно было бы еще немного подурачиться, но мы рассчитывали на помощь журналиста Дэвида Сомса. Поэтому вкратце рассказали ему о рукописи, ее содержании и о том, что нам уже удалось выяснить. Разумеется, предполагалось, что копию обсуждаемого текста Дэвид изучит потом самым тщательным образом.

– Единственное, что я могу вам сразу сказать, – заявил Дэвид, когда я закончила свой рассказ, – процесс над профессором Краузе – бред полнейший. Нет человека более ответственного и честного в своей профессии. Я несколько дней назад познакомился с ним лично.

– Ты обращался к психиатру? – удивилась я.

– Нет, это он, доктор Краузе, обратился ко мне.

– Он, к тебе? – удивились мы с Николь нестройным дуэтом.

– Да, он просил меня, чтобы я помог ему встретиться с моей женой.

– Но почему бы ему не обратиться прямо ко мне? – спросила я. – Номер моего телефона есть в справочнике. Я не настолько пока знаменита, чтобы ко мне трудно было попасть на прием.

– Вот именно, дорогая, – спокойно ответил на мое замечание Дэвид. – Ты не настолько еще знаменита, чтобы известный профессор сразу подумал именно о тебе, едва ему понадобились услуги частного детектива.

– Но он как раз и…

– Нет, нет, – не дал мне договорить мой муж, – все значительно проще. Господин Краузе учился в колледже с отцом моего шефа.

– Понятно, – произнесла я, хотя понимала тогда далеко не все, да и несколько не так, как выяснилось позднее.

Пытаясь все же уложить в перегревшейся голове полученную информацию, я задумалась и потому вздрогнула, когда прозвучал знакомый голос:

– Я вижу, все уже в сборе, ждали старика комиссара?

– Кокетничаете? – неожиданно игриво спросила Николь.

– Самую малость, – засмеялся Эрик Катлер, – рассказывайте, что у вас тут приключилось? Или мы собрались отметить прибытие госпожи Нуар?

– Пока это событие – главное, – важно произнесла я, – но боюсь, что сопутствующие происшествия заставят нас серьезно подумать, да и поработать.

– Что-то вы, коллега, сегодня витиевато изъясняетесь, – усмехнулся комиссар, устраиваясь в свободном кресле у моего стола, – так что тут у вас все же происходит?

– Давайте я вам все расскажу, – предложила Николь.

Это было очень кстати. Пока Николь коротко, но точно описывала комиссару Катлеру события от момента появления рукописи и до нашего визита к пану Райновски, я продолжила размышления.

У меня, как мне казалось, несколько минут назад мелькнула какая-то дельная мысль, и я пыталась к ней вернуться.

– Послушай, а когда профессор Краузе обратился к тебе? Сегодня ведь? Так? – уточнила я у Дэвида, едва Николь закончила свой рассказ.

– Ну, да. Если бы это было вчера, ты бы уже об этом знала.

– Ты думаешь, что это как-то связано с рукописью? – высказала догадку Николь.

– Очень сложно не заметить совпадение по времени этих двух фактов. Но я не думаю, что проблема профессора связана с событиями, описанными неизвестным автором.

– Узнать, насколько справедливы твои рассуждения, ты сможешь очень просто и очень скоро. Думаю, тебе стоит позвонить доктору Краузе прямо сейчас, – заметил Дэвид.

Мы еще около часа разговаривали, шутили, вспоминали наши прошлые встречи и даже выпили по паре чашечек кофе.

Но был вечер, поэтому ничего важного, связанного с запутанной историей, о которой я тут пытаюсь рассказать, сказано больше в этот день не было.

Комиссару удалось уговорить Николь именно этот вечер провести у них с Инесс. А мы с Дэвидом отправились домой, предварительно позвонив профессору и договорившись о встрече следующим утром.

Николь. В гостях у Катлеров

Убедившись, что адрес верен, я отпустила такси. На мой звонок откликнулась собака. Ее густой бас огласил окрестности, и все вокруг были оповещены о прибытии столь важной персоны. Псу вторил тяжелый скрежет, явно исходящий от металлической цепи. Наконец послышались шаги, и тявканье сменилось повизгиванием.

– Спокойно, Боб, это свои, – донеслось из-за ограды. Боб умолк.

Калитка отворилась, и Инесс сказала:

– Проходите и не бойтесь, Боб боится больше вашего.

Она держала пса за ошейник. Боб взглянул на меня исподлобья и красноречиво облизнулся.

– Перестань! – скомандовала Инесс, и Боб сделал вид, что ничего не произошло.

Дождавшись, когда я сделала несколько шагов по тропинке, ведущей к входу в дом, Инесс отпустила собаку. Боб благодарно тявкнул и поплелся по направлению к будке, волоча за собой тяжелую цепь.

Я прошла в гостиную и уставилась на огромный стол, за которым свободно могла разместиться дюжина обедающих. Он был полностью заставлен яствами, если не брать в

расчет три пустые тарелки, поджидающие едоков. Огромному ананасу, украшающему геометрический центр стола, упасть было некуда.

– Я должна извиниться. Эрик стал таким рассеянным последнее время, – сказала Инесс, заметив мое оцепенение. – Сообщил о вашем приходе лишь полчаса назад. У меня не было времени приготовить настоящий обед.

– Ну что вы, Инесс, вы явно преувеличиваете, – сказала я и чуть не добавила, что это не имеет значения, но вовремя схватила себя за язык. Большую бестактность по отношению к Инесс придумать было сложно.

– Эрик еще на работе, но будет с минуты на минуту.

В подтверждение ее слов с улицы донесся шум мотора, хлопанье дверцы и радостные взвизги Боба.

– Добрый вечер, Николь! Надеюсь, не заставил себя долго ждать, – приветствовал меня комиссар и, чмокнув Инесс, водрузил возле ананаса пузатую бутыль, которую принес с собой. – Черносмородиновый ликер, любимое пойло Эркюля Пуаро.

Утка с яблоками была превосходной, да простит меня свекровь. Я забыла про диету, зато вспомнила рекомендацию даже при самой жесткой диете устраивать себе денечки, когда можно есть все. Правда, при этом вряд ли стоит обедать у Инесс…

Комиссар Катлер развлекал меня разговором о политике.

– Ваш афроамериканский президент не чужд социалистических идей, но надеюсь, что раньше настанет конец света, чем в Америке победит социализм. За кого вы голосовали, Николь?

– Раньше я голосовала за того, за кого голосовал Генри Тамон. А теперь я прислушиваюсь к мнению Максимилиана. Я не очень разбираюсь в политике.

– А как же кризис? Вы заметили его?

– Конечно. Не успели мы купить дом, как цены на недвижимость резко поползли вниз. Впрочем, подобное происходит со мной постоянно. Поэтому я не играю на бирже.

– Боитесь, что из-за вас рухнут акции выбранной вами фирмы?

– Хуже. Ведь я бы вложилась в индекс, а значит, рухнула бы вся биржа.

– Да… Уж лучше воздержитесь.

– Увы, мой редкий финансовый дар пропадает втуне.

– Извиняюсь?

– Я бы вполне могла преуспевать в качестве финансового советника. Спросите у меня и сделайте наоборот!

– Вы преувеличиваете, ни за что не поверю! – вмешалась Инесс.

– Пример с домом – лучшее доказательство.

– А как же Максимилиан?

– Он послушался меня. Я забыла его предупредить.

– Это ужасно, – притворно сказал Эрик. – Неужели весь этот кризис с недвижимостью из-за вас?

За шутливой беседой мы добрались до ананаса. Я не забывала хвалить все, что побывало в моей тарелке, и вполне искренне. Лишь калифорнийский салат показался мне чуть пересоленным. Ананас оказался бесподобным. Я не сомневалась, что он появился на столе из-за меня – ведь в Сент-Ривере это вполне заурядный фрукт.

Покончив с ананасом, мы с комиссаром перешли на веранду, а Инесс занялась кофе.

– Вы уже прочитали рукопись? – спросила я.

– Что вы, дорогая. Такая запарка. Мой помощник сейчас в Штатах на переподготовке, так что дел невпроворот.

– Мне кажется, что она может пролить свет на дело об исчезновении Вольфганга Шмида.

– Простите?

– Пенсионер, пропавший в Тотридже…

– Ах да. Но ведь полнейшая загадка – кто ее написал, зачем и как она оказалась у Мэриэл Адамс.

– Конечно. И нам бы хотелось прояснить эти вопросы. Но для начала нам бы хотелось понять, что в ней правда, а что – выдумка. То, что в ней есть выдумка, мы уже знаем. Взять дело профессора Краузе…

– А правда? Есть ли в ней правда?

– Есть, причем, как ни странно, названа своими именами. Я имею в виду Бруно Райновски.

Комиссар поморщился.

– Вы имеете в виду этого доморощенного детектива? – Тут до комиссара дошло, что по отношению ко мне можно сказать то же самое… Он продолжил: – Талантливый малый, но порой чересчур самоуверенный, – попробовал он загладить бестактность.

– Возможно. Но вдруг…

– Знаете, Николь, мне пришла в голову одна мысль… Если бы этой рукописью меня одарил кто-нибудь другой, а не Мэриэл, то я бы этот подарок отверг. Вы меня понимаете? – Я кивнула. – Но Мэриэл… Возможно, вы помните, что наши взаимоотношения с полицейским участком Тотриджа… как бы это сказать… имеют историю. Представьте себе, в каком положении я окажусь, если предполагаемая связь этого Шмида с…

– Гюнтером Пфлегером, – помогла я.

– Да. Спасибо. А если это не так?

– Да, конечно… И все же… – не сдавалась я.

– Так я подумал: а что если вам отправиться в Тотридж?

– Вы хотите, чтобы я обратилась в полицию Тотриджа и попросила сделать эксгумацию тела Пфлегера, чтобы…

– Нет, конечно, нет. Вам надо обратиться к родственникам пропавшего Шмида, взять у них его фотографию и побывать у домработницы Пфлегера. Как ее?

– Лаура Криспи.

– Вот именно. Их адреса я сообщу вам завтра утром, они наверняка есть в справочнике.

– Мне нравится ваша идея, тем более что завтра Мэриэл будет не до меня.

– Вот и замечательно. Инесс, что у нас к кофе?

На журнальном столике появилась вазочка с шоколадными конфетами.

– Бельгийский шоколад, – сказала Инесс, и мы принялись за кофе.

Эрик взял конфету, рассмотрел ее со всех сторон и положил в рот.

– Уууу… – только и сказал он.

Инесс последовала его примеру.

– Ай! – вдруг вскрикнула она.

Перепуганный Эрик вскочил с места, чуть не расплескав кофе.

– Что, что такое? Зуб? – засуетился он и подбежал к жене.

– Нет, дорогой, извини, – как ни в чем не бывало, сказала она. – Просто конфеты с ликером.

– Ну и что?

– Вы будете смеяться.

– Посмотри, мы с Николь уже хохочем.

Мне было не до смеха. Вопреки сказанному я с нескрываемым удивлением наблюдала за происходящим.

– Я купила эти конфеты неделю назад. Они были с ликером.

– И сейчас они с ликером. Это действительно смешно.

– Подожди, дорогой, ты сбиваешь меня.

– Хорошо, – сказал Эрик, возвращаясь на место, – тогда объясни нам сама, что тут смешного.

– Позавчера вечером мне захотелось чего-нибудь сладкого к чаю, и я вспомнила про них. Я взяла одну, и это оказался грильяж. Я очень удивилась и съела еще одну – тоже оказался грильяж. Тогда я достала чек. Знаете, когда я расплачиваюсь кредиткой, я

всегда сохраняю эти бумажки – могут возникнуть какие-нибудь ошибки или недоразумения. Так вот, в чеке было ясно написано: «грильяж».

– Что-то здесь не так. Николь, вы уже попробовали конфеты?

– Нет, как раз собиралась.

– Надеюсь, у вас нет аллергии на шоколад? – поинтересовалась Инесс.

– Нет, – сказала я и осторожно надкусила конфету. – Ликер.

– Дорогая, только не волнуйся, – сказал Эрик, – давай все вместе посмотрим чек. Где ты его хранишь?

– Ты не найдешь. Сейчас я его принесу.

Пока Инесс искала чек, мы с комиссаром, не сговариваясь, делали вид, что увлечены кофе с бельгийскими конфетами.

– Вот, – сказала Инесс и протянула чек Эрику.

Комиссар взял чек внимательно изучил его. Потом достал из кармана очки и, надев их, изучил чек еще раз. Потом молча передал его мне.

Я сразу нашла то, что нужно, и вернула чек Инесс.

– С ликером, – прочитала Инесс и с удивлением посмотрела на нас. – Но я точно помню…

– Дорогая, ты просто переутомилась. Это может произойти с каждым. Вот я вчера искал свои тапочки…

– И где же ты их нашел? – спросила Инесс.

– А разве я сказал, что я их нашел?

Мы дружно посмеялись. Обстановка разрядилась.

– Спасибо, все было так вкусно, – поблагодарила я.

– Особенно, конфеты с ликером, – сказал Эрик. Инесс улыбнулась и погрозила ему пальцем.

– Николь, может, останетесь на ночь?

– Нет, спасибо, у меня с утра важные дела! – сказала я, бросив красноречивый взгляд на комиссара.

– Я вас отвезу, – сказал Эрик.

– Нет, что вы, ни в коем случае! Но буду благодарна, если вы вызовете такси.

Эрик не настаивал, и через пять минут, тепло попрощавшись с радушными хозяевами и с Бобом, я уже мчалась по направлению к гостинице.

Мэриэл. Профессор Краузе и его загадка

Питер Краузе пригласил нас к себе. Было очевидно, что его что-то серьезно беспокоит, но мы понимали, что в свои проблемы он не хотел бы посвящать никого постороннего. Чувствовалось, что даже согласиться на присутствие Дэвида ему было не просто. Впрочем, я могла и ошибаться.

Дом профессора найти было не сложно. В Сент-Стоуне не так много двухэтажных домов. Мы сообщили о своем прибытии еще из машины, по телефону, как и договорились. Господин Краузе предложил нам поставить наш автомобиль в гараж, а из гаража на лифте мы поднялись прямо на второй этаж, где располагался его кабинет.

Я вспомнила, как эта комната была описана в рукописи. Не знаю, так ли выглядит кабинет писателя, я бы, скорее, назвала это помещение библиотекой.

Действительно, очень много стеллажей с книгами, большой письменный стол и современный компьютер. Хозяин кабинета встретил нас у входа и предложил расположиться в двух старомодных креслах, стоящих чуть в стороне от письменного стола, сам он занял высокий и подвижный офисный стул, рядом с компьютерным столиком.

Конечно, в отличие от автора рукописи, я не могу сказать, что Питер Краузе не был похож на профессора. Это было бы неправдой. Но он, по моим представлениям, не был

похож на профессора медицины и на психиатра. Скорее, я бы подумала, что он физик или математик.

Высокий, худой, абсолютно седые волосы коротко подстрижены, лицо приятное. Очки доктор Краузе не носил, возможно, предпочитал контактные линзы. Я уже знала на момент нашей встречи, что ему за семьдесят, но выглядел он значительно моложе.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга. Наконец Краузе заговорил.

– Мне трудно было решиться на этот разговор, госпожа Сомс, – я невольно вздрогнула, и профессор это заметил, – я не правильно назвал вашу фамилию?

– Нет, все правильно, просто вы первым назвали меня именно так, большинство обращаются ко мне по имени или по-прежнему называет меня госпожой Адамс.

– Вы недавно женаты? – удивления почти не было заметно в этом вопросе.

– Недавно, – подтвердила я.

Этот совсем не относящийся к делу диалог помог нам избавиться от сложностей общения, которые так часто возникают в подобной ситуации.

– Знаете, – приступил к рассказу профессор Краузе, – я не сразу решился обратиться за помощью, но все непонятное настолько мешает сосредоточиться на каких-то важных повседневных вещах, что стоит попробовать с этим разобраться. Для вас не будет неожиданностью, если я скажу что работаю над книгой, в которой решил обобщить свой профессиональный и жизненный опыт. Моя специализация – душевные патологии, вызванные физическими травмами. Особенно меня интересуют случаи посттравматических амнезий. Великая способность человека забывать помогает пережившему травму защититься от разрушительного действия отрицательных эмоций. Но есть категория пациентов, у которых этот процесс имеет свои особенности, я говорю о людях творческих профессий. Для них эмоции часто имеют дополнительную ценность, как материал и инструмент для их работы. Вы меня понимаете?

Я кивнула, хотя не уверена, что это было замечено. Краузе продолжил свой рассказ:

– Среди эпизодов, которые я хотел описать в своей книге, было происшествие на втором шоссе, в котором два года назад серьезно пострадал один известный актер. Понятно, что мне не обязательно указывать имена своих пациентов, но иногда детали, о которых я пишу, могут выдать эти имена и без моей откровенности. Поэтому я решил обратиться к упомянутому актеру, чтобы обеспечить себе его разрешение на публикацию некоторых материалов, как минимум, согласовать с ним эти вопросы. У меня были его координаты, поскольку история его болезни еще не переведена в архив. Я позвонил своему бывшему пациенту по телефону, он был очень доброжелательно настроен, мы договорились о встрече. Все шло нормально, бывает, что подобные переговоры проходят значительно сложнее, иногда даже приводят к изменениям в моих планах, вы понимаете. А тут все начиналось до удивления гладко.

В это время открылась дверь, и симпатичная женщина лет сорока вкатила столик на колесиках, с чашечками ароматного кофе и вазочками с кексами и конфетами.

– Спасибо, Марта, – поблагодарил профессор, женщина улыбнулась и, не произнеся ни слова, вышла из кабинета.

Деловой разговор прервался на несколько минут, пока мы пили кофе, а Питер Краузе рассказывал о кулинарном таланте Марты. Кексы действительно были великолепны.

– Так вот, – продолжил свой рассказ профессор, когда с угощением было покончено, – все шло гладко, но лишь до некоторого момента.

– Он стал возражать против…

– Нет, – остановил меня Краузе, энергично взмахнув рукой, – не в этом дело, все более странно, чем можно было бы предположить. В нашей работе бывают часто обстоятельства, которые нарушают наши планы. Мне пришлось позвонить еще раз, чтобы перенести встречу. Вот тут меня и ожидал сюрприз. Этот человек, актер, утверждал, что никакой аварии не было, во всяком случае, он ничего о ней не знает, что он не был моим пациентом, и я попросту что-то перепутал. Он был так убедителен, что в

какой-то момент я ему поверил. До сих пор никогда не замечал за собой подобных казусов. Но все когда-то происходит впервые, я все же не молод.

– Вам не удалось его убедить в обратном? – вдруг спросил Дэвид.

– Нет, не удалось. Я приехал в клинику и решил еще раз просмотреть файл с историей болезни человека, с которым только что разговаривал. Представьте себе, что я почувствовал, когда не обнаружил соответствующего файла там, где он точно был всего за сутки до этого.

– Вы уверены, что его там не было, может, вы просто ошиблись, расстроившись после неудачной попытки решить проблему? – спросила я, хотя понимала некоторую двусмысленность своего вопроса.

– Я вполне могу допустить, что у меня было временное помутнение рассудка, но как психиатр я слишком хорошо знаю, что именно так это никогда не происходит.

– Может, все было гораздо проще, – предположил Дэвид, – возможно, вашему пациенту просто не хотелось обсуждать одно из самых неприятных событий его жизни, правда, исчезновение файла это не объясняет.

– Нежелание говорить о неприятном событии вполне могло иметь место, но если бы этим все и ограничилось. К сожалению, череда непонятных событий на пропаже файла с историей болезни не закончилась. Я решил, что, возможно, по ошибке положил файл после предыдущего просмотра не в ту папку, возможно, каким-то загадочным образом он оказался переименованным, в общем, техническая потеря материала имела ряд вполне приемлемых объяснений. Я решил проверить. Не себя, в своей памяти я не сомневался, но мне нужно было иметь факты, которые можно было бы предъявить, если бы я на это пошел. Я не принял еще решения, но факты хотел найти. Я вспомнил, что в ежегоднике «Стопкадр» за позапрошлый год была статья, посвященная творчеству моего пациента. Я хорошо помнил эту статью, там об аварии было сказано не много, просто она была упомянута в качестве причины отсутствия актера на каком-то фестивале. Но упоминание точно было.

Я нашел сайт ежегодника, нашел там электронную копию нужного мне выпуска и стал ее листать. Статью об актере я нашел, но это была совсем не та статья!

– Там не было ни слова об аварии, – догадалась я.

– Вот именно! – подтвердил правильность моей догадки доктор Краузе. – Ни единого слова. Что я должен был подумать? Наверное, я бы, в конце концов, пришел к выводу, что дело в моей памяти, но я решил использовать последнюю возможность все проверить. Я помнил, как выглядела страница бумажного, а не электронного «Стопкадра». В городской библиотеке мне дали этот ежегодник без проблем. И, представьте себе, там была именно та статья, которая и должна была быть, согласно моим воспоминаниям!

– Возможно, статью в электронном варианте заменили по просьбе актера? – предположила я. – В бумажном издании сделать это было просто невозможно. Зачем только?

– Этот вопрос возник и у меня, – продолжил профессор свой рассказ, – я еще раз позвонил своему пациенту. И тут меня опять поджидала очередная неожиданность.

– Он еще что-то забыл? – попытался угадать Дэвид.

– Да! – эмоционально воскликнул Питер Краузе. – Он не помнил, что мы с ним разговаривали накануне! Зато он прекрасно помнил происшествие двухлетней давности. Он горячо благодарил меня, и заверил, что я могу использовать в своей книге любые материалы, что он оформит свое согласие юридически и готов ответить на любые мои вопросы.

– Он выполнил свое обещание? – спросила я.

– Да, я вчера получил письмо от его адвоката.

– Ну, что ж, – попыталась рассуждать я, – у вашего пациента были и раньше проблемы с памятью, поэтому вы его и лечили.

– Конечно, – согласился профессор, – вы абсолютно правы, но дело в том, что у меня сомнения теперь может вызывать не его память, а моя.

Сказав это, Питер Краузе повернулся к своему компьютеру, судя по всему, открыл там какую-то страницу в сети и повернул монитор так, чтобы эту страницу увидели мы.

Да, это была статья в «Стопкадре» та самая. Краузе выделил кусочек текста:

«*К сожалению, этот фестиваль прошел без Алекса Кобеца, попавшего накануне в больницу с тяжелыми травмами, его автомобиль столкнулся с микроавтобусом на втором шоссе».*

– А файл с историей болезни? – спросил Дэвид.

– Ох… Вот видите… Я совсем забыл про него! Секундочку… – Профессор с полминуты щелкал по клавиатуре. – Вот он! Все вернулось на круги своя!

Какое-то время мы сидели молча.

– Не могли бы вы сказать более конкретно, что вас беспокоит, и какой помощи вы ждете от меня? – спросила я после несколько затянувшейся паузы.

– Конечно, – профессор улыбнулся, – я понимаю, что вы привыкли иметь дело с загадками иного рода. На первый взгляд, ничего криминального в этой истории нет. Возможно, все это объясняется каким-то, немыслимым для меня стечением обстоятельств. Но мне крайне важно понять, почему так странно повел себя Алекс, и что происходило в сети с материалами архива ежегодника «Стопкадр». Мне самому сложно найти ответы на эти вопросы.

– Что ж, я поняла. Попробую разобраться. Но результаты моего расследования могут вас разочаровать, – не знаю, почему я сказала именно так.

* * *

– И что ты обо всем этом думаешь, – спросил меня Дэвид, когда мы уже выехали на третье шоссе.

– Что я могу думать? Пока все очень непонятно. Да и рукопись…

– А при чем тут рукопись?

– Тебе не кажется странным, что доктор Краузе обратился ко мне именно после того, как на мой стол весьма загадочным образом попала рукопись, в которой он упоминается?

– Согласен, что если между этими событиями нет никакой связи, то это совпадение весьма необычное.

– Вот именно. Что ж, будем разбираться. Сегодня мне предстоит встреча с еще одной интересной клиенткой.

– Ты мне скажешь, с кем?

– Не сейчас. Она слишком озабочена секретностью своего визита ко мне. Послушаю ее историю, а потом решу.

– Ну ладно, придется подождать.

Мэриэл. Анжела Паркер

– Я не решилась бы обратиться со своей просьбой ни к одному детективу, но мне сказали, что однажды вы уже занимались чем-то подобным. Ну, возможно, не совсем.

Анжела вдруг замолчала. Наверное, она рассчитывала на какую-то мою реакцию. Но я еще не знала как вести с ней диалог и твердо решила сначала ее выслушать.

В моем кабинете, в кресле для посетителей, сидела Анжела Паркер, дизайнер одежды и владелица модного салона, самого популярного в нашей стране, да и других странах тоже. Эта женщина представлялась мне феей, способной любую золушку превратить в королеву. Однажды я видела и потому могла оценить результат ее творчества. Именно творчества. Госпожа Паркер – настоящий художник.

Я воспринимала возможную клиентку через призму того, что о ней знала, да и наверняка через призму тех легенд и слухов, которые дополняли не хуже любых модных аксессуаров ее вовсе не яркий образ.

Я знала, что ей лет пятьдесят или чуть больше. Примерно на эти годы она и выглядела.

В ее облике не было ничего броского. Легкое льняное платье светло-серого цвета. Красивые темные волосы подстрижены, но не слишком коротко, макияж едва заметен. Она выглядела ухоженной, но не шикарной.

Не дождавшись моей реплики, Анжела продолжила свой рассказ:

– Неделю назад мы начали готовить небольшое шоу совместно с театром Грегори Стайна. Нам понадобилось несколько нестандартных моделей.

– Насколько нестандартных?

– Если вы хоть немного представляете, как выглядят модели, демонстрирующие одежду, то вы должны признать, что выглядеть нестандартными в их ряду очень легко.

– Пожалуй, вы правы, – усмехнулась я.

– Среди довольно юных претенденток на участие в нашем проекте, оказалась, что меня удивило и заинтриговало, профессиональная актриса. Я просто не могла не обратить на нее внимания.

– Это была известная актриса?

– Не то чтобы очень, но весьма перспективная, можно сказать, восходящая звезда. Вам говорит что-нибудь имя Роберта Уилс?

– Нет, но меня нельзя назвать заядлой театралкой, да и кино я не часто смотрю, вот мой секретарь, скорее всего, это имя слышал, – я улыбнулась, – хотите, проверим.

– Не стоит, – Анжела тоже улыбнулась, – я вам верю.

– Именно эта актриса пришла к вам на просмотр, или как вы его называете?

– Да, вы понимаете, почему меня это удивило?

– Разумеется, понимаю. Актриса на взлете успеха…

– Да, да, да! Именно! Но интересно и то, что никто не подошел для задуманной фотосессии так, как она! Понимаете, тут было дело не только во внешности, красивых женщин очень много, привлекательность, стройность, красивые глаза и ноги – все это для меня уже давно стало обыденностью, не только для меня, ну, вы же понимаете?

– Примерно.

– У этой женщины был потрясающий взгляд, такой чистый и спокойный. Это был взгляд ребенка. Да вот посмотрите. – Анжела достала из сумочки три фотографии и разложила их передо мной на столе.

Лицо мне показалось знакомым, но в этом не было ничего удивительного. А улыбка действительно была настолько хороша, что все рассказанное обрело смысл. Впрочем, я все еще не понимала, какую роль в этом сюжете предложили мне.

– И что же с ней произошло? Что-то ведь случилось? – предположила я.

– Мы подписали с Робертой договор на очень хороших условиях, собственно, с ее стороны не было предъявлено никаких особых требований. Но если бы она захотела, мы были вполне готовы удвоить ее гонорар. Тем не менее, казалось, деньги не имели для нее решающего значения. Она выглядела просто счастливой. Первые съемки были назначены на следующий день, на десять часов утра. В это время она не пришла, но я подумала, что это мы виноваты, не надо было договариваться на столь раннее время, в смысле, для актрисы, выступающей на театральной сцене. Но ее не было и в одиннадцать, и в двенадцать. Она не пришла совсем. Я позвонила ей. И вот дальше начались странности, объяснить которые я просто не в состоянии. Когда я назвала себя, Роберта сказала, что очень рада меня слышать. Но когда я спросила, почему она не пришла, она удивилась и заявила, что впервые слышит и о нашем шоу и о договоре, который она якобы подписала.

– Но договор есть? И там, видимо, предусмотрены возможности для урегулирования всяких подобных ситуаций?

– Да, естественно, мы встретились в театре. Я показала госпоже Уилс договор. Она была потрясена, поскольку подпись не оставляла никакого сомнения, впрочем, она сказала, что подделать ее подпись несложно. Но кому и зачем это было нужно?

– Я так понимаю, что было еще что-то, что и не дает вам покоя.

– Вы совершенно правы. Роберта Уилс заявила, что готова принять участие в съемках, раз уж так получилось. А теперь посмотрите на эти снимки.

Анжела Паркер достала из своей сумочки еще три фото и положила их на моем столе рядом с теми, что я уже видела.

Не было никакого сомнения, что на всех снимках одна и та же женщина, но я понимала, что мне хотела объяснить госпожа Паркер.

– Она очень старалась, – тихо и безнадежно произнесла моя собеседница, – но детская улыбка пропала, девушка словно постарела за то короткое время, что прошло между ее первым появлением в нашей студии и вторым.

- Да, действительно очень странно, - согласилась я, - но чего вы ждете от меня?

- Думаю, что вы не удивитесь, если я скажу, что не верю ни в какую мистику, я – человек, мыслящий сугубо рационально. Эта загадка загнала меня в тупик. Я хочу понять, что произошло? Вы можете мне в этом помочь?

- Могу попробовать, но ничего определенного не обещаю. Как и вы, я не склонна искать сверхъестественные объяснения. Что здесь было? Возможно, банальная мистификация. Но и мистификации всегда имеют причины. Мне тоже интересно понять, что стоит за этими событиями.

Госпожа Паркер ушла. И вдруг мне пришло в голову, что все события последних двух дней как-то связаны, хотя на первый взгляд это ниоткуда не следовало. Ну, что общего могло быть между людьми, которые не были даже знакомы друг с другом? Известный врач, успешная бизнес-леди, детектив-любитель, моя подруга. Стоп! А почему в этот ряд я включила Николь?

Николь. Поездка в Тотридж

Я не решилась взять напрокат машину. Горная дорога из Сент-Ривера в Тотридж имеет дурную репутацию. На ее долю приходится более девяноста процентов всех тяжелых аварий в стране. И это несмотря на запрет для движения частного транспорта в темное время суток. Усугублять эту статистику мне не хотелось.

Я успела на восьмичасовой автобус и рассчитывала прибыть в Тотридж к девяти утра. Комиссар Катлер обещал к этому времени снабдить меня необходимыми адресами.

Поездка на автобусе имеет свои преимущества – можно спокойно размышлять о чем угодно, а мне было о чем. Правда, в мои планы вклинилась расплывшаяся дама, плюхнувшаяся на сидение рядом со мной. Ее локоть прочно обосновался у меня между ребер, хотя я, как могла, придвинулась к окну. Я чувствовала каждое ее движение, а она без устали ерзала на сидении. Как только автобус двинулся с места, она стала копаться в корзине, которую ранее с трудом запихала под сидение. Наконец ей удалось извлечь на свет огромный кулек с шоколадными конфетами. Я повернулась к окну и стала считать до двадцати, а потом еще до десяти. Тут послышалось чавканье, и я непроизвольно повернулась к соседке. Заметив мое движение, она сказала:

– Угощайтесь, барышня.

– Нет, спасибо, – сухо сказала я и снова повернулась к окну, делая вид, что люблю горные пейзажи больше шоколадных конфет.

Я не успела позавтракать, и у меня текли слюнки. Но я понимала, что возьми я конфету, мне бы пришлось до самого Тотриджа поддерживать светскую беседу… Впрочем, сосредоточиться на рукописи я уже не могла: шоколадные конфеты воскресили в памяти вчерашнюю историю с Инесс. Но я так и не пришла к определенному выводу.

Все это походило на шутку, только не понятно, кто же шутник. Комиссара Катлера, по крайней мере, я не могла представить в этой роли.

Моя соседка уснула, ее ровное дыхание щекотало мне ухо. Я старалась дышать в противофазе, чтобы ее локоть не проломил мне грудную клетку. Минут через десять, видимо, ей приснилось нечто страшное – она усиленно заработала локтем, наставив мне синяков. К счастью, тут позвонил комиссар, продиктовал мне адреса и заодно разбудил соседку.

Хорошенько помятая я выбралась из автобуса и взяла такси. Водитель удивился, услышав адрес: оказалось, что Лотар Шмид жил в пяти минутах ходьбы от автовокзала.

Мне открыла маленькая ухоженная женщина.

– Лотара нет дома, он уже на работе.

– Вы его жена?

– Да.

– Мне необходимо с вами поговорить.

– Пожалуйста, войдите, – в ее голосе смешались нотки испуга с любопытством, но испуг перевешивал. Ей не удавалось скрыть смущение.

Я вошла в гостиную, и меня усадили в довольно жесткое кресло. Но после поездки на автобусе я бы с удовольствием сидела и на табурете.

– Чем могу быть полезна? – спросила Софи после того, как мы представились друг другу.

Я решила действовать прямо.

– Возможно, я смогу помочь найти Вольфганга Шмида. Есть версия, что он и Гюнтер Пфлегер – одно и то же лицо.

– Как вы сказали? Гюнтер Пфлегер?

Она встала, взяла с каминной полки конверт и извлекла из него короткую записку.

– Да. Завтра вечером Лотар должен присутствовать на оглашении завещания Гюнтера Пфлегера…

– Это лишь подкрепляет мою версию. – Я использовала местоимение в первом лице, потому что мне не хотелось вдаваться в детали. – Чтобы ее проверить, мне нужны несколько фотографий пропавшего. Я хочу их показать служанке, работавшей у Пфлегера.

– Подождите. Мне кажется, что Лотар захочет присутствовать при этом. Это так неожиданно… Я позвоню ему, тем более, он лучше знает, где фотографии отца.

Я не возражала.

Через пятнадцать минут взволнованный Лотар Шмид суетился в поисках подходящих фотографий. Наконец он отобрал шесть, и мы на машине Лотара поехали на виллу Пфлегера.

Лаура Криспи, а я узнала ее по описанию из рукописи, оказалась дома и приняла нас в гостиной Пфлегера.

– Да, это господин Гюнтер Пфлегер, – тихо произнесла она, разглядывая фотографии, – у меня нет никаких сомнений.

Если говорить честно, то до последней минуты я не верила, что в рукописи действительно содержится ключ к загадке исчезновения Вольфганга Шмида. И тем большее впечатление произвело на меня доказательство истинности рукописи хотя бы в этом вопросе. Я была ошарашена настолько, что восприняла на веру и все, что Лаура Криспи рассказывала в рукописи, а потому не стала досаждать ей расспросами. Только уже уходя, стоя в дверях, я вспомнила про идею Бруно Райновски:

– Послушайте, госпожа Криспи, вы бы не могли дать объявление в газетах о поминках на сороковой день?

– Да, понимаю, сделаю это.

– Пожалуйста, в качестве контактного телефона укажите… – И я продиктовала номер телефона Мэриэл Адамс.

Лотар Шмид ужасно побледнел и как-то сник. До этой минуты он, видимо, еще хранил надежду. Я выразила ему свое сочувствие.

– Вас подвезти? – спросил он.

– На автовокзал, но только если вам по пути. Я могу взять такси.

– Я отвезу вас, а потом, – он тяжело вздохнул, – заеду к мачехе.

– Ее зовут Салли?

– Да. А потом поеду в полицию.

– Конечно, дело приняло иной оборот… – сказала я.

Народу в автобусе было немного. Я уселась посередине сидения и сделала вид, что дремлю. Как я и рассчитывала, никто не осмелился меня потревожить…

Вспоминая последние события, я сначала пожалела, что не задала Лауре десяток вопросов, но потом поняла, что и так вторглась без разрешения в расследование Бруно Райновски. А раз так, то стоит заглянуть к нему в магазин прежде, чем отправиться в контору Мэриэл.

– Я не знаю, кто написал эту рукопись, но кое-что обо мне – довольно правдиво, – сказал Бруно Райновски, пожимая мне руку. – В то же время она содержит выдумку и даже абсолютную чушь. Так, например, мой отец находится в полном здравии…

– Насколько я помню, в рукописи речь шла о сне.

– Именно так, но ведь сны не возникают на пустом месте. Частенько в них задействованы имевшие место в реальности события.

– Так или иначе, но мне только что удалось выяснить, что Вольфганг Шмид и Гюнтер Пфлегер действительно являлись одним и тем же человеком. Конечно, полиции предстоит провести все необходимые процедуры, но в их результатах можно не сомневаться.

Бруно онемел, поэтому я продолжила:

– Лаура Криспи признала в фотографиях Вольфганга Шмида своего хозяина господина Гюнтера Пфлегера.

– Боже мой, – чуть ли не шепотом произнес Бруно.

– И еще. Надеюсь, вы не будете против. Я использовала вашу идею насчет объявления в газетах.

– Это не моя идея.

– Тем более.

– Что ж. У моего расследования теперь есть новое направление…

– Удачи вам, – сказала я.

Выйдя из магазина Бруно, я позвонила Мэриэл и удостоверилась, что она меня ждет в своем офисе. По дороге к ней я позвонила комиссару Катлеру, чтобы отчитаться о проделанной работе.

Мэриэл. Факты и версии

Какая-то мысль мелькнула и пропала, отвлек сигнал телефона. Звонила Николь. Она вернулась из Тотриджа с новыми фактами и, возможно, с новыми идеями. Мы договорились, что она сразу приедет ко мне в контору, а я позабочусь о легком ужине. Кроме того, обещал подъехать и Эрик Катлер.

Да, подумала я, пора свести вместе всю информацию и устроить так называемый мозговой штурм. Вот только как это организовать? Я позвонила Дэвиду и попросила его по дороге в мою контору забежать в супер, чтобы купить бисквиты и фрукты. О том, что он заедет ко мне вечером из редакции, мы договорились еще днем, после визита в Сент-Стоун.

***

Прошел еще час, прежде чем все собрались. Спасибо Ари, что он не ушел домой, вернее, ушел лишь после того, как приготовил нам кофе.

Ни Дэвид, ни комиссар еще не успели прочитать рукопись, по их словам, они лишь бегло ознакомились с ней. Но основные факты были всем известны, поэтому мы не стали откладывать разговор, который назрел по общему мнению.

– Для начала, милые леди, - открыл обсуждение Эрик Катлер, – давайте попробуем разобраться, откуда взялась эта рукопись?

– Мы с Николь впервые увидели ее вот на этом столе, когда вошли сюда вчера утром, – сказала я, и моя подруга жестом подтвердила эти слова.

– И вы не знаете, как она сюда попала?

– Не имеем ни малейшего понятия.

– А что говорит по этому поводу Ари?

– Он утверждает, что до того момента, как мы показали ему папку с рукописью, он ее никогда не видел.

– Значит, это не он ее принес. И она не пришла по почте, и ее не принес курьер, или кто-либо еще, кого Ари мог видеть?

– Да, комиссар, именно так, – подтвердила я.

– Мог ли кто-то принести папку в ваш кабинет, не столкнувшись с Ари?

– Вы намекаете на то, что кто-то проник в мою контору тогда, когда ни моего секретаря, ни меня здесь не было? Я не спрашиваю, как, способы, безусловно, существуют. Но зачем?

– Причины такого развития событий вполне могут быть, это зависит от того, с какой целью рукопись оказалась именно здесь, вы согласны со мной? – спросил комиссар, обращаясь сразу ко всем.

– Наверное, вы правы, – решила ответить я, – но это ничего не объясняет. Боюсь, мы задались вопросом, на который пока уж точно не сможем ответить.

– Но на некоторые вопросы мы уже получили ответы.

– Вот давайте с них и начнем.

– Пожалуй, было бы полезно, чтобы вы, коллега, описали ситуацию так, как вы ее видите.

– Хорошо, – согласилась я. – Но начать все равно придется с появления в моей конторе папки, содержащей материалы, которые мы уже начали именовать рукописью, поскольку факты изложены в виде художественного произведения. Однако в отличие от автора литературного вымысла, автор нашей рукописи, как выяснилось, использовал в своем повествовании подлинные имена реально живущих людей. При этом далеко не так точен он был в описании событий. Тем не менее, некоторые события, о которых идет речь, действительно произошли, например, двойная жизнь Вольфганга Шмида и его смерть. Мало того, установить эти факты помогла именно наша загадочная рукопись. Конечно, благодаря поездке в Тотридж Николь. Давайте вернемся к мотивам, в данном случае я говорю о возможном мотиве появления упомянутой нами папки именно в моей конторе. Будем исходить из того, что человек, доставивший каким-то образом этот предмет сюда, детективное агентство выбрал не случайно. Чего можно ждать от детективного агентства? Расследования. Расследования обстоятельств, описанных в рукописи.

– Все, что ты говоришь, вполне логично, - вклинился в мои рассуждения Дэвид, - но почему неизвестный автор не захотел сделать это нормально, не прибегая к литературному творчеству?

– На этот вопрос мы можем получить ответ только от самого автора, и варианты разумных предположений существуют, разумеется.

– Например?

– Например, автор боится, что окажется в числе подозреваемых. Или не располагает средствами, позволяющими ему нанять частного детектива, а обращение в полицию

считает для себя рискованным, или бессмысленным, извините комиссар, я всего лишь пытаюсь найти мотивы для человека, о котором ничего не знаю.

– Я вас понимаю, коллега, и знаю, что есть достаточно много людей, не доверяющих полиции, – согласился со мной Эрик Катлер.

– Для того чтобы понять происходящее, нам придется включиться в расследование, и только ради самого расследования. Клиента у нас нет. А у полиции Сент-Ривера нет заявителя.

– Так что же мы предпримем? – спросила Николь.

– Я предлагаю, – перешла я от рассуждений к делу, – во-первых, включить в нашу небольшую команду Бруно Райновски. Никто не возражает?

– Никто, – уверенно ответила за всех Николь.

– Отлично, во-вторых, можно ли как-то связаться с полицейским участком в Тотридже, чтобы иметь представление о тех фактах, которые установлены официальным следствием? – вопрос мой был обращен к комиссару.

– Теперь это можно устроить, – ответил он, – но там расследуют только смерть Шмида-Пфлегера.

– На сегодня пока нет оснований считать, что еще какие-то факты имели место, – невольно вздохнув, заметила я. – Думаю, что нам стоит собраться завтра, во второй половине дня, в полном составе, чтобы наметить план дальнейших действий.

Мэриэл. Некриминальные загадки и попытка их разгадать

На следующее утро я взялась за расследование обстоятельств, озадачивших Питера Краузе. Более странного дела еще не было в моей практике. Я не стала бы о нем писать вообще, но оно нам понадобилось в качестве факта, объясняющего, точнее иллюстрирующего одну интересную теорию, но не будем забегать вперед.

Чтобы найти объяснения событий, так озадачивших профессора Краузе, мне нужно было самой хотя бы представить, пусть гипотетически, возможные причины случившегося. Скорее всего, эти самые причины были как-то связаны с последними событиями вокруг Алекса Кобеца, довольно известного актера, жизнь которого протекает практически на виду у множества людей. С одной стороны, это как будто упрощало мою задачу, но с другой – я понимала, что здесь что-то не так, простая логика могла не сработать. Это, если задуматься о мотивах. Тогда, может, лучше начать с возможностей?

Итак, я решила проверить факты, изложенные профессором, опираясь на показания людей, которые могли бы, при необходимости, или желании, повлиять на эти самые факты. Например, кто-то занимался в журнале «Стопкадр» его электронной версией, то есть, мог вносить изменения в тексты. Мне пришлось обратиться к комиссару, чтобы он помог мне встретиться с одним из редакторов ежегодника. Это весьма закрытая среда, но и там с пониманием относятся к представителям закона.

В редакции «Стопкадра» меня проводили в кабинет заместителя главного редактора Тамары Рус. Тамара, миниатюрная блондинка лет сорока, встретила меня приветливо, но мне показалось, что взгляд ее был несколько настороженным.

– Мне звонил комиссар из полицейского управления Сент-Ривера, – откровенно заявила моя собеседница, едва мы покончили с формальностями. – Он просил помочь вам. Так о какой помощи шла речь? Извините, но у меня мало свободного времени.

– Я не собираюсь злоупотреблять вашей отзывчивостью. Ничего такого… Меня интересует электронная копия ежегодника «Стопкадр».

– С ней что-то не так?

– Возможно, но нет уверенности. Я хочу знать, мог ли кто-то внести изменения в статьи, опубликованные в выпуске двухлетней давности?

– Теоретически это вполне осуществимо, но зачем?

– Это уже другой вопрос, сначала я бы хотела знать, имел ли место этот факт. Это можно проверить?

– Проверить не проблема, но, если это кто-то действительно сделал, то он легко мог ликвидировать следы своих манипуляций, только, хоть убейте, не могу даже предположить, зачем? Я думаю, что вам лучше поговорить с Джимми Горвадом, он занимается всеми электронными ресурсами нашего издательства и, в том числе, электронной копией ежегодника. Вас устроит такой вариант?

– Конечно, спасибо.

Джимми вполне соответствовал моим представлениям о программистах. Не буду даже пытаться его описывать, настолько все в его внешности было предсказуемо. Реакция на мой вопрос тоже не удивила.

– Зачем мне это могло понадобиться? – пожал плечами Горвад.

– Значит, вы этого не делали, – все же уточнила я.

– Конечно, нет, – подтвердил мой собеседник.

– А мог ли это сделать кто-то другой?

– Разве что хакер. Человек, умеющий подбираться к запароленной информации, – не задумываясь, ответил Джимми.

– Вы бы заметили, если бы такое случилось?

– Вряд ли. Если бы кто-то из пользователей, посетителей сайта, мне сказал, или написал, я мог бы проверить, но сам… Нет. Если хотите, мы проверим это прямо сейчас, о какой статье идет речь?

– Что ж, можно и проверить, для очистки совести, – согласилась я. – Это позапрошлогодний «Стопкадр», статья об Алексе Кобеце.

– И что там может быть не так?

– Нужно проверить, упоминается ли в этой статье об аварии, в которую попал Алекс. Статья небольшая, упоминание должно быть в самом конце текста.

Я не слишком удивилась, когда увидела, что никаких изменений в материале нет. Но это не подорвало моего доверия к профессору Краузе. Я ему продолжала верить, поэтому спросила:

– Скажите Джимми, а мог ли хакер, изменивший информацию на сайте, через какое-то время вернуться к исходной версии?

– Почему нет? Но исходная версия могла появиться и без всяких действий с его стороны, например, если после внесенных изменений, был сбой в работе сервера. Восстанавливаясь, система могла использовать тот вариант статьи, который был до того, как поработал с ней хакер.

– А можно выяснить, был ли такой сбой в определенный промежуток времени?

– Без проблем. Когда?

– В пределах последних трех дней.

О чем говорила полученная мною информация? К каким выводам она вела? Да и значил ли что-нибудь тот факт, что именно в тот день, когда доктор Краузе столкнулся с чудесами памяти своего бывшего пациента, на сервере, где хранилась электронная копия ежегодника «Стопкадр», был странный сбой, после которого пришлось восстанавливать часть текстов. Правда, восстановление было в автоматическом режиме и никого особо не напрягло, да и не удивило.

Я почувствовала себя в тупике. Расследование привело к появлению фактов, которые ни о чем не свидетельствовали.

Следовало сменить направление. Возможно, разговор с Алексом Кобецем что-то прояснит.

По моей просьбе Питер Краузе позвонил актеру и попросил его ответить на несколько вопросов, которые от имени доктора задаст госпожа Адамс. Профессор не стал упоминать о моей профессии. Понятно, что вмешательство детектива было бы трудно объяснить. К счастью, Алекс и не спросил ни о чем.

Господин Кобец встретился со мной в отеле Корона, там он жил уже пару недель, участвуя в подготовке новой программы на телевидении.

Конечно, я видела актера на экране, хотя редко посещаю кинотеатры, а по телевизору смотрю только старые, некогда любимые фильмы по каналу «Ретро-видео». Но, как минимум, фильм «Призрак замка Орвик», в котором Алекс сыграл роль молодого герцога, я видела.

Без грима мой собеседник совсем не был похож ни на героя, ни на кинозвезду. Среднего роста, худощавый, даже, скорее, слишком худой, чтобы его фигуру можно было назвать спортивной, он оказался замечательным и остроумным собеседником. Наш разговор доставил мне море удовольствия, но ничего не объяснил по существу. Да, Алекс не любит вспоминать неприятные моменты своей жизни, в том числе, ту аварию. Он очень благодарен доктору Краузе и считает его первоклассным специалистом. Возможно, он что-то и забыл, но никак не профессора. Да, он говорил с ним по телефону. Один раз, это абсолютно точно. А до разговора он получил письмо по электронной почте. Да, письмо сохранилось, и он может его переслать.

Я вдруг четко поняла, что все, что смогу еще узнать, только будет множить варианты события, связанного с книгой профессора Краузе. И варианты эти будут, хоть и очень незначительно, отличаться друг от друга.

В моем весьма рационально настроенном сознании стали мелькать просто фантастические предположения.

Но, вернувшись домой, я составила отчет для клиента, в котором все, что он мне поведал, и выясненные мною факты расположила в единственно возможном, как мне показалось, порядке. Однако в цепочку пришлось включить и некоторые предположения. Таким предположением являлся факт, что профессор разговаривал по телефону не с тем человеком, просто совпало имя, Алекс, ведь фамилию в разговоре профессор не уточнял, будучи уверенным, что говорит со своим пациентом. Эта накладка совпала с проблемами сервера, на котором хранятся электронные архивы «Стопкадра». Мог иметь место и сбой в компьютере доктора, да и положить файл не в ту папку он тоже мог. Ведь он не догадался проверить наличие истории болезни Кобеца в файлах своего рабочего, то есть расположенного в клинике, компьютера. Теперь же вся информация оказалась там, где и положено, и была в полном соответствии с памятью доктора и мои здравым смыслом.

Мэриэл. Тайна Роберты Уилс, или еще одна неудача?

Роберта Уилс легко согласилась встретиться со мной. Это был короткий разговор, который привел меня к мысли о том, что и в деле Анжелы Паркер я потерпела неудачу.

Да, именно неудачу, так как вместо четкого ответа на поставленный вопрос предложила своей клиентке лишь сомнительную версию. Но события, которые произошли уже после моего разговора с Робертой, так обрадовали госпожу Паркер, что она приняла мою версию событий в качестве истины.

Я предположила, что у Роберты Уилс был эмоциональный срыв, связанный со сложностью ее работы в театре, которую ей пришлось совмещать с участием в съемках фильма. Сценарий ей не нравился, но она не решилась отказаться от роли, поскольку была еще не слишком уверена в себе и своих перспективах. Она случайно забрела на просмотр кандидаток для фотосессии в проекте Анжелы. Подписала договор, практически думая о своем, не придавая значения всему, что происходило вокруг. По ее словам в тот день она решила расслабиться, хотя до этого никогда не употребляла крепкие алкогольные напитки. Наутро она скверно себя чувствовала, возможно, поэтому забыла о договоре, который подписала накануне. Да и, явившись в павильон для участия в проекте Анжелы Паркер, она еще не очень пришла в себя.

После разговора со мной, госпожа Уилс попросила Анжелу дать ей еще один шанс. Та согласилась, будучи заинтригованной и зная о нашей беседе.

Роберта позвонила мне уже после съемок. Она рассказала, что с ней произошло нечто невероятное: она вдруг на какое-то время совершенно выпала из своей жизни и судьбы, она не думала ни о театральной роли, ни о неудачных съемках, ни о пошлом сценарии, она обо всем этом просто забыла. Ей жутко понравилась роль начинающей фотомодели, которую, если верить Анжеле Паркер, она сыграла с блеском.

Николь. Генри Тамон на проводе

Я вернулась в гостиницу чуть живая. Поездка в Тотридж сильно утомила меня. То ли на меня подействовал так перепад давления, то ли непривычная поездка в автобусе отняла все силы.

Я решила пораньше лечь спать, и даже забралась в постель, но сомкнуть глаз не могла. Теперь, когда мы убедились, что рукопись содержит и правдивую информацию, следовало отнестись к ней с еще большей серьезностью. Но загадочность ее появления и, главное, ее назначение не давали мне покоя. Как же мне хотелось, чтобы рядом был Генри Тамон, мой дражайший босс, с его непоколебимой логикой и неверием в чудеса. Я подумала, что стоит позвонить ему, но дурацкое самолюбие заставило меня искать для этого подходящий предлог. Просто позвонить и попросить помощи я не могла…

Повод нашелся – я вспомнила, что сегодня день рождения его жены, а значит, я могу позвонить, чтобы поздравить ее, а может, и поговорить с Генри.

Китти удивилась моему звонку, но была польщена моим вниманием. Я же мучилась от стыда, зная истинную цену своему вниманию. Генри, разумеется, был дома.

– Я вас не отвлекаю? – спросила я, когда он взял трубку.

– Нет, гости ожидаются в субботу. Лучше скажите, как у вас дела? – в его голосе чувствовалась тревога. – Надеюсь, ничего не случилось?

– Со мной ничего. Но вообще-то…

– Давайте сделаем так: я перезвоню вам из кабинета – это выйдет дешевле, и телевизор не будет мешать, а то Китти смотрит вечернее ток-шоу.

– Спасибо, Генри.

Когда Генри перезвонил, я довольно подробно пересказала ему текст рукописи, упомянула о странном ее происхождении и, конечно, о своем визите к Катлерам и поездке в Тотридж. Отдельные фрагменты, которые считала наиболее важными, я зачитывала вслух. Генри слушал меня, не перебивая и лишь иногда издавая звуки, свидетельствующие о его полном внимании.

Когда я закончила, Генри с минуту помолчал, а затем спросил:

– У вас не сложилось впечатления, что рукопись обрывается? Я даже не имею в виду, что сюжет не замкнут, просто вдруг повествование кончается и все.

– Сложилось, и это еще одна загадка… Но, полагаю, если разгадать остальные, то и этот вопрос прояснится.

– Я должен подумать, Николь. Вы правильно поступили, что позвонили мне. – Я покраснела. – Когда утром я могу вам перезвонить? В девять не будет рано?

– Не будет. Спокойной ночи, Генри.

***

Разделив груз проблем с Генри, я спала сном младенца, даже без сновидений...

Меня разбудил звонок телефона. Взглянув на настенные часы, я поняла, что это Генри – было ровно девять.

– Вам удобно разговаривать? – спросил он вместо приветствия.

– Да, я еще в постели. Если честно, ваш звонок меня разбудил.

– Завидую. Мне удалось отключиться лишь на полчаса.

– Мне стыдно… Генри, мне не следовало…

– Следовало, еще как следовало. Думаю, что мне кое-что удалось. Давайте я вам все изложу, а потом, если повезет, попробую уснуть.

– Конечно, Генри. Только одну секундочку…

Я встала с постели, надела халат, сдвинула подушки повыше и села на кровать, прислонившись к ним. В лежачем положении я боялась заснуть…

– Разумеется, это лишь версия, ее предстоит подтвердить или отбросить, но это уже ваше дело. Но версия непротиворечивая. Итак, то, что вы называете рукописью. Я, как вам известно, ее не читал, но полагаюсь на ваш подробный пересказ и важные цитаты. Разумеется, это не сухое перечисление имевших место событий, но и не художественное произведение – много отрывочной информации, не стройный и не замкнутый сюжет, некоторые герои описаны излишне подробно, а о других мы узнаем лишь крохи. Даже появляется ощущение, что автор просто извлекает из своей памяти то, что удается извлечь. И если вам показалось, что это не слишком удачный детективчик, то дело лишь в том, что события в рукописи крутятся вокруг расследования убийства… – Я поразилась, как Генри глубоко проанализировал рукопись. Меня всегда потрясала его способность запоминать! Я знаю, что у незрячих происходит компенсация, но память Генри феноменальна, даже для человека, лишенного зрения. Он держал в памяти все, что слышал, а спустя годы мог воспроизвести услышанное, в точности подражая голосу и сохраняя интонации. – Если автор среди действующих лиц, то следует предположить, что это Бруно Райновски. Это очевидно, ведь в рукописи содержатся различные детали, которые могут быть известны лишь ему. К примеру, сон об отце. Кстати, по-моему, ему не следовало его записывать, он изрядно рисковал здоровьем своего отца. Впрочем, все это при одном условии: рукопись содержит достоверную информацию и не является вымыслом.

Помните, что профессор Краузе сказал Бруно Райновски? Так вот, рукопись описывает события, как они выглядят с точки зрения автора, но с любой другой точки зрения они могут выглядеть иначе.

– Но ведь не было никакого суда над Краузе! – прервала я монолог Генри.

– Секундочку, Николь. Не торопитесь. До этого мы еще дойдем. Я хочу сказать, что моя версия держится на предположении, что автор специально не вносил в рукопись вымысел, и что в этом смысле ему можно доверять, насколько можно доверять любому автору… А если так, то давайте вспомним кульминацию. Бруно в панике – он опасается, что Эстер займется этой селек… не запомнил, но вы поняли. Заметьте, что я принимаю эту теорию всерьез! Еще пару лет назад я не решился бы произнести эти слова вслух, опасаясь обструкции, да они и не пришли бы мне в голову! Но вернемся… Бруно обращается к Гарри за помощью. Кстати, советую вам сделать то же самое!

– Зачем?

– Секундочку, сейчас поймете. Гарри – физик. Он честно делится с Бруно главной проблемой эвереттики. Как доказать, что мир устроен именно так, как она его описывает? Ведь в результате того самого трудно произносимого явления мы оказываемся в иной реальности, но ничего не знаем о предыдущей. Наша память меняется… Не сомневаюсь, что Гарри озабочен поисками эксперимента, который бы позволил получить какой-нибудь практический результат, а тут Бруно со своими проблемами… Итак, мы имеем рукопись, неизвестно зачем написанную, и имеем идею Гарри, которую автор от нас утаил, но… рукопись на этом обрывается! Мы в шаге от истины. Хотите сделать этот шаг сами?

– Если обрыв рукописи связан с идеей Гарри, то следует предположить… то есть, можно предположить, что… Гарри велел… посоветовал Бруно записать все события… Но для чего?

– Вы умница, Николь! Именно так. Гарри полагает, что артефакт может зафиксировать память о текущей реальности, и если то, что попытается вызвать Эстер, приведет к катастрофическим результатам, то это позволит хоть что-то исправить…

– Но как?

– Хороший вопрос, но с ним лучше к Гарри. В конце концов, это всего лишь моя догадка.

– Допустим. Итак, по совету Гарри Бруно фиксирует на бумаге главные события последних недель. Но как рукопись попала к Мэриэл?

– Логично предположить, что, написав эту рукопись, Бруно должен был передать ее человеку, чья память в результате предполагаемого изменения реальности не претерпит существенных изменений. То есть человеку, не участвующему в описанных событиях. Но этот человек должен отнестись к рукописи серьезно и исследовать ее. Трудно представить лучшую кандидатуру…

– Да. Насчет Мэриэл нет сомнений. Но КАК?

– А разве Инесс вам не рассказала как?

– Инесс? При чем тут Инесс? – Моя голова пошла кругом.

– Шоколадные конфеты с ликером. Грильяж. А потом снова с ликером. Уж если я рассуждаю о физических экспериментах, то от меня уже можно ожидать чего угодно! В эвереттике это называется склейкой. Версия? Представьте себе, что у Эстер все получилось и произошло это до того, как Бруно отправил рукопись Мэриэл Адамс. Ведь он не мог не думать об этом. Наверняка он представлял себе ее, листающей его писанину. Это хороший импульс для склейки, так что вот такой грильяж… Кстати, ряд несоответствий рукописи нашей реальности указывают на то, что эта селективная штука произошла! Суд над Краузе, квитанция из химчистки в кармане Гюнтера Пфлегера, смерть отца Бруно, если я вас правильно понял, она подразумевалась – все это упомянуто в рукописи, но не имеет отношения к нашей реальности.

– Теперь понятно.

– Николь, найдите телефон семейства Слоу и выясните, как чувствует себя мадам!

– Интересная мысль. Почему мы этого еще не сделали? Но…

– Что но?

– Кто же убил Вольфганга Шмида?

– Ах да… Если честно, то у меня не было времени об этом подумать… В любом случае сейчас я должен отправиться спать.

– Ох, простите, Генри. Спокойной ночи, то есть...

В трубке послышались гудки. Действительно, почему мы до сих пор не заинтересовались семейством Слоу? Я заглянула в свою копию рукописи, чтобы вспомнить, как зовут госпожу Слоу, а затем набрала телефон справочной службы, попросив соединить меня с Патрицией Слоу. Девушка управилась за несколько секунд.

– Патриция Слоу слушает, – раздался в трубке спокойный приятный голос.

Я хотела дать отбой, так как мне все стало ясно, но в последний момент передумала:

– Скажите, госпожа Слоу, у вас работает девушка по имени Эстер?

– Нет. Но кто вы и почему спрашиваете?

Я извинилась и повесила трубку.

Мэриэл. Полный сбор

– Кажется, я первый, коллега? – сказал Эрик Катлер, входя в мой кабинет.

– Я не думаю, что вам придется долго скучать, комиссар, – парировала я.

В подтверждение моих слов на пороге появилась Николь. Ее движения были порывисты, а глаза сверкали. Я сразу почувствовала нечто необычное.

– Всем привет, – сказала Николь, и это прозвучало несколько громче обычного и чуточку фамильярно. Она явно была чем-то возбуждена.

Кажется, и от внимания комиссара не укрылось состояние Николь. Он заметил:

– Как вы себя чувствуете, Николь? Надеюсь, поездка в Тотридж не слишком утомила вас?

– Спасибо, комиссар, все в порядке. Я разговаривала с Генри, он просил всем передать привет.

– Мне кажется, что у тебя есть, что передать нам кроме привета… – бросила я пробный камень и попала.

– Да, но давайте дождемся Дэвида и Бруно Райновски.

– А я уже здесь, – сказал, входя, Бруно. – Добрый вечер! Как поживаете, господин комиссар?

– Рад вас видеть, – сухо сказал Катлер, пожимая руку Бруно.

– А где все? – войдя в кабинет, спросил Дэвид Сомс.

– Ты опоздал с этим вопросом минуты на три… – сказала я под общий смех. – Итак, господа, все в сборе, давайте приступим. Пожалуйста, все садитесь. Кресел хватит всем – Ари об этом позаботился. Мне не терпится выслушать Николь. Как мне кажется, она хочет сообщить нам нечто важное. Пожалуйста, Николь.

– Вчера вечером я рассказала Генри Тамону, моему боссу, все, что имеет отношение к нашему вопросу, а сегодня утром он перезвонил мне, чтобы изложить свою версию событий, связанных с происхождением и появлением здесь рукописи. – Стало тихо. Было интересно наблюдать, как все пожирают глазами Николь, а та увлечена настолько, что не замечает ничего вокруг себя. – Вы помните, в самом конце рукописи Гарри дает Бруно Райновски указание или, если хотите, совет, суть которого автор утаивает. Так вот, Генри вполне логично предполагает, что Гарри велел Бруно описать все события, как-то связанные с его расследованием. Авторство господина Райновски является наиболее вероятным, ведь в рукописи затронуты многие моменты, известные лишь ему.

– Я протестую, – заявил Бруно Райновски.

– Протест отклоняется, – серьезно ответила Николь, – и сейчас поймете почему. Итак, вы помните, почему Гарри дал такой совет? Они опасались, что попытка Эстер произвести селективную декогеренцию может оказаться удачной, в смысле, что она сможет совершить это, и искали способ как-то противостоять ей. К тому же Бруно боялся, что в новой ветви он окажется не знакомым с Эстер.

– Я действительно не знаю, кто это! – сказал Бруно.

– Вот видите. Нет сомнения, что Эстер удалась ее с виду безумная затея. Об этом как раз и говорят отличия рукописи от нашей реальности. Мы еще не знаем, обращалась ли Патриция Слоу к профессору Краузе, но если обращалась, то ему, по-видимому, удалось вылечить ее. Так или иначе, у Патриции Слоу нет амнезии, и потому в нашей ветви мироздания не было никакого суда над профессором Краузе, не было жюри присяжных и, полагаю, не было исчезновений Голдсмита и Густавсона. Правильно, комиссар?

– Это верно, – вместо комиссара ответил Дэвид Сомс. Комиссар кивнул в знак согласия.

– А, следовательно, убийство Вольфганга Шмида никоим образом не связано с жюри. В кармане Гюнтера Пфлегера не оказалось квитанции из химчистки, что чуть не завело расследование в тупик.

– Откуда известно, что с Патрицией Слоу все в порядке? – спросила я.

– Я позвонила ей. Уже то, что она называет себя Патрицией Слоу, свидетельствует об этом. Кстати, она сообщила, что у нее нет работницы по имени Эстер. – Николь посмотрела на Бруно. Тот не выказал никакого интереса к ее словам. А может, сделал вид.

– Бруно, может, вы объясните, как рукопись оказалась на моем столе. Точнее, как вам это удалось? – спросила я.

Бруно насупился. Он понимал, что любой его ответ станет поводом для наших шуток. Его выручил Дэвид:

– Что ты пристала к человеку, неужели не ясно, что речь идет о склейках. Ведь если произошла декогеренция, то она обычно сопровождается шлейфом склеек, это как хвост у кометы. – Я даже не подозревала, что Дэвид столь осведомлен в этом вопросе. Я смотрела на него с восхищением, а он продолжал: – Иногда склейки воспринимаются

нами как мелкие недоразумения или несуразности, которые быстро проходят, то есть стираются из нашей памяти, как это обычно происходит со сновидениями. Помните, как Бруно описывал присяжных, которые не могли логически обосновать свое решение? Но, бывает, дело принимает более серьезный оборот. Так рукопись сразу же укоренилась в памяти Николь, Мэриэл, Ари. Затем с ней ознакомились Бруно Райновски, комиссар Катлер и ваш покорный слуга. Так что это всерьез и надолго.

– Вот оно что! – вскрикнул комиссар Катлер. Я никогда еще не видела его столь возбужденным. – Эта история с шоколадными конфетами, которые купила Инесс. – И он рассказал эту забавную историю.

– Это была первая склейка, на которую обратил внимание Генри Тамон, – вставила Николь. – Что же касается рукописи, то Генри предполагает, что Бруно не успел ее отправить, но его желание как бы материализовалось с помощью склейки.

– Итак, – взяла слово я, – версия Генри Тамона понятна, но как нам убедиться, что дело обстояло именно так? Выглядит это фантастически.

– Генри предложил обратиться за помощью к Гарри, тем более что, по его мнению, Гарри будет интересно узнать, к чему привела его идея, – сказала Николь.

– Если он что-нибудь об этом знает… Бруно вот, совсем не в курсе дела… – сказала я. – Скажите, Бруно, Гарри действительно ваш школьный товарищ?

– Да.

– Так, может, поручим Бруно связаться с Гарри? – предложила я.

– Нет, – сказал Дэвид, и все вопросительно посмотрели на него. – Все происшедшее может послужить доказательной базой эвереттики, а не только узкой идеи Гарри. Я надеюсь уговорить своего босса командировать меня в Штаты для встречи с господином Гарольдом Бертрамом. Предвкушаю, какой материал можно сделать. Если, конечно, Бруно не будет против.

– Не будет, – легко согласился Бруно. – В данную минуту я больше озабочен расследованием убийства Вольфганга Шмида.

Мне показалось, что комиссар Катлер хотел что-то сказать, но затем передумал.

– Кстати, об убийстве Вольфганга Шмида, – сказала Николь. – Предлагаю применить метод Генри, использованный им для построения версии происхождения рукописи. А именно – не отвергать с порога факты, кажущиеся ложными. Что я имею в виду? Помните бухгалтера, который утверждал, что не присвоил деньги «Электросервиса», но отказался объяснить появление соизмеримой суммы на своем банковском счету? Кажется, его фамилия Нордвуд…

– Нордвейн. Томас Нордвейн, – поправил Бруно.

– О'кей, Нордвейн. Так вот давайте подумаем, что же это могут быть за деньги в предположении, что это не деньги «Электросервиса»?

Все послушно задумались.

– Уверена, что тут замешана женщина, – нарушила затянувшееся молчание я.

– Деньги и женщины всегда рядом, – ляпнул Дэвид. Неужели он так думает на самом деле?

– Осмелюсь сделать предположение, – сказала Николь. – Возможно, что это не единственный вариант, но… Предположим, что у Нордвейна был роман с замужней женщиной. Их отношения зашли далеко, и она собирается развестись с мужем, чтобы затем выйти за нашего бухгалтера. Не стану обвинять ее в лишних грехах: пусть на семейном счету лежит некая сумма, на которую наша дама претендует по праву. Но она понимает, что после объявления мужу о своих намерениях у нее могут возникнуть проблемы. Она снимает эти деньги со счета и передает Нордвейну. Арест Нордвейна нарушает их планы, и Нордвейн, по понятным причинам, отказывается впутать ее в эту историю. Помните, имя леди должно появляться в газетах лишь дважды: в связи с рождением и в связи со смертью…

– И тогда… – начал было Бруно.

– И тогда следует верить словам бухгалтера – он передал деньги Шмиду. Тогда станет ясно, откуда вилла.

– Черт, – сказал Дэвид. – А я думал, что вилла – тоже склейка!

– Если версия Николь не подтвердится, то мы вернемся к твоей, – сказала я.

– А как нам проверить эту версию? – спросил Дэвид.

– А это мы как раз поручим тебе. Если леди ворочала такими суммами, то она скорее всего принадлежала к элите. А раз так, в газетах вполне могло появиться сообщение о разводе. Причем, если леди вела честную игру, то по идее она могла отказаться от дележа имущества, впрочем, это уже зависит от наличия детей и еще ряда факторов, – во мне заговорил адвокат.

– А как же Гарри? – с надеждой спросил Дэвид.

– Ничего, ты успеешь найти нам подходящую кандидатку до отъезда в Америку.

– Тогда поручим тебе выяснить у профессора Краузе, не обращалась ли к нему за помощью госпожа Слоу, – сказал Дэвид.

– Разумеется. Это я беру на себя.

– А мне чем заняться? – спросила Николь.

– М-м-м… А ты бы могла помочь Дэвиду. Пусть он занимается газетами, а ты возьми на себя Интернет.

В отличие от Николь комиссар Катлер и Бруно Райновски ни на что не претендовали, впрочем, ясно, что и им скучать в ближайшем будущем не придется.

Мэриэл. Каролина Чандлер

– Посмотри: «Каролина и Джекоб Гувер сообщают о расторжении брака…» А вот заметка в нашей газете спустя неделю: «…Нам удалось побеседовать лишь с ее адвокатом. Каролина Гувер, в девичестве Чандлер, не выставила никаких материальных претензий мужу. Это связано с ее желанием получить развод как можно быстрее», – зачитал Дэвид.

– Когда опубликована эта заметка? – поинтересовалась я.

– Она появилась в разгар суда над Нордвейном. Прекрасная кандидатура. Джекоб Гувер фигура известная. Тогда он еще не был депутатом парламента, но командовал службой «Скорой помощи». А отец Каролины Рэй Чандлер возглавлял совет директоров Промышленного банка. Я уже выписал телефон Каролины Чандлер. Ты будешь ей звонить?

– Я склоняюсь к тому, что эту миссию следует передать в руки Бруно Райновски. Все-таки он ведет дело Шмида. Мы и так уже достаточно влезли на его территорию.

– Но он же работает бескорыстно, что называется, из любви к искусству!

– Во-первых, я не уверена, что это так. Он мог написать об этом в рукописи, потому что у него нет соответствующей лицензии, и он не имеет права принимать деньги.

– К тому же, мы живем в другой ветви мироздания, и это может стать еще одним свидетельством селективной декогеренции.

– А во-вторых, если это так, то тем более. Такие люди обычно очень болезненно переносят постороннее вмешательство. Удар по самолюбию это тебе не удар по кошельку. Ты обратил внимание, как он, бедняга, весь сжался во время нашего сборища?

– Не без твоей помощи, дорогая. Ты его заклевала.

– Признаюсь, не удержалась. Так что мне следует загладить свою вину.

– Ты думаешь, он справится?

– Если версия Николь подтвердится, мы поймем, на какие деньги построена вилла Пфлегера. А также узнаем имя врага Вольфганга Шмида. Разумеется, это еще не конец расследования, но ясное направление. Кроме того, при чем тут Бруно? В этот момент подключится полиция.

Мне действительно хотелось как-то загладить свою вину перед Бруно. Поэтому я решила, что лучше всего нанести ему визит, чтобы передать находку Дэвида. Николь, конечно, вызвалась меня сопровождать.

Я вызвала такси, заехала за Николь, и мы отправились на улицу Ризотти.

Бруно был удивлен, увидев нас в своем магазине так скоро. Посетителей в торговом зале не было, но мы помешали Райновски распекать сотрудницу.

– Я очень рад видеть вас, – сказал Бруно, но мы не сомневались, что Лора, видимо, это была она, рада видеть нас куда больше шефа.

– Дэвид раскопал в своих подшивках некую Каролину Чандлер. Она вполне подходит на роль леди, похождения которой описала нам Николь, – сказала я и вручила Бруно копию найденных статей и номер телефона госпожи Чандлер.

– Хочу напомнить, что это всего лишь возможность… – на всякий случай заявила моя подруга.

– Спасибо, – сказал Бруно. – Но может, лучше этим займется Николь? Как автор версии.

– О, нет. Вы забываете, что я иностранка, и вообще, я в отпуске!

Нам было ясно, что Бруно сопротивляется скорее из вежливости. Каково же было наше удивление, когда вечером Бруно позвонил мне и сказал, что хочет, чтобы завтра утром мы с Николь поехали с ним в Тотридж: он договорился о встрече с Каролиной Чандлер. Отказать в такой просьбе Бруно было невозможно. Видимо, он нуждался в нашем присутствии. Николь не возражала, а мне удалось освободить день, хотя Ари не отказал себе в удовольствии немного поворчать.

День выдался приятным для путешествия. Легкая облачность скрывала солнце, не позволяя ему нас поджарить. Бруно сосредоточился на дороге, а мы с Николь молча любовались горными видами, привлекая внимание друг друга жестами, когда за поворотом дороги нас поджидало очередное незабываемое зрелище, иногда в виде озерца замысловатой формы, а иногда в виде стада горных козлов, скачущих чуть ли не по вертикальным скалам…

Дом госпожи Чандлер располагался при въезде в город, в одном из самых респектабельных районов. Бруно хорошо подготовился к поездке, так что плутать нам не пришлось.

Дверь нам открыла сама госпожа Чандлер. Бруно представил нас с Николь. Хозяйка была в подчеркнуто строгом деловом костюме, никаких украшений и излишеств, минимум косметики. Ее продолговатое лицо вкупе с фамилией свидетельствовало о предках, некогда обитавших в Альбионе. Не слишком длинные светло-рыжие волосы были хорошо уложены, что заметно молодило ее. Она ничем не выдала ни удивления, ни неудовольствия в связи с тем, что мы заявились целой командой.

– Садитесь, – предложила она, проведя нас в гостиную. – Что будете пить? Извините, я предпочла сегодня дать прислуге выходной.

– Если можно, тотриджскую минеральную, – сказала я. Быть в Тотридже и упустить такой шанс! Да и Николь будет интересно.

Через минуту стол, вокруг которого мы расположились, заполнился стопкой маленьких тарелочек, высокими стаканами, бутылками минеральной воды и большим блюдом, на котором живописно переплелись кисти зеленого, черного и красного винограда.

– Госпожа Чандлер, по телефону вы подтвердили, что знакомы с Томасом Нордвейном, – начал разговор Бруно.

– Да, – просто сказала Каролина. – Я даже собиралась выйти за него замуж. – Ее серые холодные глаза спокойно смотрели на нас.

– Скажите, деньги, которые были обнаружены на банковском счету Нордвейна, принадлежали вам?

Я удивилась прямолинейности вопросов Бруно. Я на его месте сначала дала бы госпоже Чандлер высказаться, попыталась бы создать доверительную атмосферу, а уж потом стала задавать главные вопросы. Но неожиданно для меня тактика Бруно

сработала. Госпожа Чандлер, вероятно, заранее решила, что будет откровенна до конца. Она сказала:

– Конечно, я бы не стала отвечать на этот вопрос, если бы не понимала, почему вы его задаете. Но я понимаю. Дело в том, что мне не следовало так поступать, но я была не в себе… Я была готова на все, но… Джекоб любил меня. Я не представляла себе, как он согласится на развод. Я должна была совершить нечто такое, что опустит меня в его глазах. Едва ли я могла претендовать на те деньги, что сняла с нашего счета, ну, может, на треть, но никак не больше… Мой расчет оправдался, но гнусность моего поступка от этого никуда не исчезла.

Мы слушали ее исповедь, затаив дыхание. Чувствовалось, что она уже давно расставила моральные оценки своим поступкам.

– Я отдала деньги Томасу, и он положил их на свой счет. К сожалению, я не имела возможности следить за ходом суда над ним. Если б я знала, что от происхождения этих денег что-то зависит, я бы сама пришла в суд и рассказала правду. Но я знала лишь приговор.

– Господин Нордвейн вышел из тюрьмы около двух лет назад. Извините за столь личный вопрос. Ваши отношения с ним восстановились?

– Томас очень щепетильный человек. Он по-прежнему мечтает жениться на мне, но сначала хочет вернуть мне деньги. Я не смогла отговорить его. Для меня деньги не имеют значения, для него, впрочем, тоже. Это дело чести и принципа.

– Он не делился с вами, как он собирается раздобыть деньги? Ведь речь идет о немалой сумме.

– Нет. Он просто сказал, что сначала раздобудет деньги.

– Он устроился на работу после отбытия наказания?

– Да. Он работает ночным сторожем. Ведь какое-то время он не имеет права работать бухгалтером.

– Вам знакомо имя Вольфганга Шмида?

– Конечно. Это тот самый человек, который поломал жизнь Томаса… нашу жизнь.

– Вы считаете, что обвинения, выдвинутые Томасом в адрес своего босса, справедливы?

– Я это знаю наверняка. Томасу нет никакого резона обманывать меня. Он, конечно, излишне наивный человек, доверившийся своему боссу. А тот воспользовался ситуацией и подставил своего подчиненного.

– Вам известно, что Вольфганг Шмид убит?

– Убит? Я читала в газете лишь о его исчезновении…

– Вероятно, вы не читали вчерашних газет.

– Да. Я делаю это не регулярно. Собственно, это лишь небольшое уточнение.

– Вы догадываетесь, к чему мы клоним?

– Я прекрасно понимаю, что привело вас сюда. Извините, я должна вас покинуть на минуту.

Каролина вышла из комнаты. Мы немного помолчали, а затем Николь сказала:

– Я ей верю.

– Не вопрос, – поддержала подругу я. – Но если все так, и в итоге окажется, что Нордвейн из мести убил Шмида, то это никоим образом не продвигает его к заветной цели. Скорее, отдаляет.

– В большинстве случаев убийство происходит в состоянии аффекта, так что вполне вероятно, что логика тут ни при чем, – со знанием дела сообщил Райновски.

Со стороны коридора послышались шаги, и в гостиную вошел мужчина с аккуратно зачесанными назад седыми волосами, хотя ему было лишь немного за сорок. Каролина держалась немного позади.

– Томас Нордвейн, – представился он.

Нам потребовалось с десяток секунд, чтобы прийти в себя, затем мы назвали свои имена, и Томас сел во главе стола, чтобы видеть всех. Я решила взять инициативу в свои руки:

– Господин Нордвейн, вам имеет смысл рассказать все нам, а затем отправиться в полицию. Ваше признание будет учтено судом. – Конечно, я блефовала, но особого риска не было. – Если вы это не сделаете, то это придется сделать нам, и тогда ситуация изменится.

– Что ж, вероятно, у меня просто нет иного выхода. Каролина, как я понимаю, рассказала вам все, что знала. Я же расскажу остальное. По решению суда были конфискованы деньги Каролины, ибо предполагалось, что это деньги «Электосервиса». Случайное совпадение порядка сумм привело присяжных к ошибке. Таким образом, получилось, что вилла Пфлегера была куплена на деньги Каролины.

– То есть вы знали о двойной жизни Шмида? – спросила я.

– Да, я следил за ним. Я хотел узнать, куда он дел деньги. Когда я понял, что он их потратил на виллу, я предложил ему поступить по справедливости и переписать дом на имя Каролины, то есть вернуть деньги истинной хозяйке, хотя бы в таком виде. И в этом случае я обещал оставить его в покое. Он сказал, что подумает, но откровенно тянул время. В какой-то момент он дал понять, что согласен сделать это, но при определенных условиях. Он назначил мне встречу в парке Независимости. Однако он не собирался ничего со мной обсуждать – он просто решил избавиться от меня. Он напал на меня с ножом, к счастью я был настороже. Завязалась драка, и он проткнул мне ладонь. – Нордвейн продемонстрировал нам кисть левой руки. - Я упал, и так уж получилось, что мне под руку попалась пустая бутылка. И когда Шмид нагнулся, чтобы вновь завладеть ножом, я ударил его бутылкой по голове.

– А нож? Что вы сделали с ножом? – спросил Бруно.

– Вытащив нож из раны, я выкинул его в пруд. Даже не могу объяснить, зачем. Я был в шоковом состоянии. – Нордвейн попросил стакан и, получив его от Каролины, налил себе воды. – Уверен, что нож до сих пор там.

– Скорее всего. Полиция, тем не менее, его не нашла, – сказал Бруно. – Возможно, кто-нибудь сможет подтвердить, что нож принадлежал Шмиду или Пфлегеру. Суд тогда наверняка закончится в вашу пользу.

– Один раз он уже закончился в мою пользу, – с горечью сказал Нордвейн.

Повисла тяжелая пауза. Мы обдумывали только что услышанное. Просто по-человечески Нордвейна было жалко. И тут меня осенило:

– Мне кажется, из этого положения есть выход. Правда, на это нужна добрая воля еще двух людей. Ведь есть еще два человека, которые несомненно пострадают, если будет новый суд по делу "Электросервиса", а без него нет и дела об убийстве Шмида. Это Лотар Шмид и его мачеха. Ведь разоблачение Вольфганга Шмида бросит тень на их имя. Мне кажется, что мы могли бы покончить со всем этим, заключив джентльменское соглашение. А именно: мы ничего не сообщаем в полицию. Она продолжает считать, что Шмида убили случайные хулиганы. А Салли Шмид, которой Гюнтер Пфлегер завещал виллу, тихо-мирно передаст ее госпоже Чандлер, оформив купчую.

Все молчали, пытаясь оценить мое предложение. Наконец, Бруно сказал:

– Я думаю, что это реально.

– Я думаю, что это справедливо, – сказала Николь. Каролина благодарно посмотрела на нее.

– Что ж, – сказал Томас Нордвейн, – я полагаюсь на вас. У меня все равно нет выбора.

***

Мы возвращались в Сент-Ривер вдвоем с Николь на автобусе: Бруно решил переговорить с Лотаром Шмидом безотлагательно.

– Я в шоке от твоего предложения, – прошептала Николь.

– Понимаешь, даже самый справедливый суд в мире способен на ошибку.

– Но ведь и мы способны.
– Конечно. Но не на две ошибки.

Просто мысли

То, что я сейчас попытаюсь сформулировать, важно, прежде всего, для меня самой. Речь пойдет о частном детективе. Ни о ком-то конкретном, а вообще, о профессии или, если хотите, о неком явлении. Действительно, как появилась частная детективная практика? И зачем? Да, конечно, частный детектив, как правило, проводит расследования, которые, по разным причинам, прошли мимо сыскного отдела полиции. Но это ведь вовсе не значит, что полиции не удалось бы сделать то, что удалось частному сыщику. Это даже не значит, что в полиции было некому заняться упомянутой загадкой или там никто бы не захотел этим заниматься. Нет, все гораздо интереснее и, наверное, сложнее. Чем отличается работа частного детектива от работы детектива полицейского, находящегося на службе у государства, а значит, у всех нас? Вы можете со мной не согласиться. Это всего лишь мое очень частное мнение. Но я считаю, что полицейский сыщик обязан действовать в рамках более общих законов, он должен рассматривать каждое расследуемое им преступление как явление, угрожающее обществу в целом. Частный же сыщик действует в интересах конкретного человека, клиента. Да он обязан тоже соблюдать законы, принятые там, где он живет. Он не может их нарушать. Но он, в отличие от полицейского детектива, может иногда не сделать чего-то, что может повредить его клиенту. Нет, не утаить факты и доказательства, а всего лишь утаить свои мысли, свой взгляд на эти факты.

Принимая решение не посвящать полицию в детали, полученные нами в ходе частного расследования, я не могла не думать о том, что должна буду сказать и не сказать Эрику Катлеру. Он не только комиссар полиции, он еще и наш друг. Это обстоятельство все усложнило. В моей практике уже было расследование, которое я довела до полной ясности, но умолчала не только о своем внезапном озарении, но и о признании, полученном благодаря этому озарению. Впрочем, тогда это не влияло на последствия. То есть, не могло изменить решение, принятое в суде.

Сейчас ситуация была иной. По сути Томас Нордвейн мог быть оправдан не только по обстоятельствам дела об убийстве Шмида, но и по делу об афере в "Электросервисе". Иными словами, он имел шанс восстановить свое доброе имя. Шанс был почти стопроцентный, я сама с удовольствием выступила бы в суде в качестве адвоката Нордвейна. Но нельзя никого осчастливить против воли. Томас не хотел нового суда, он не хотел ничего никому доказывать. Кроме того, наказания заслуживал именно Шмид. А он уже не был доступен для суда человеческого. И через суды трех инстанций должны были пройти Лотар и Салли, люди, по всем законам, не виновные.

Нет и не может быть идеальных законов. Я это понимаю. Но я – адвокат. И мне сложно принимать решения, пусть даже, как сказала Николь, справедливые, если они связаны с нарушением законов. И я очень боялась, что мне трудно будет обсуждать сложившуюся ситуацию с комиссаром Катлером.

Но расследованием убийства Вольфганга Шмида, занимался тотриджский полицейский детектив. Он не стал мудрить и в отчете об этом печальном происшествии возложил вину за смерть бывшего бухгалтера «Электросервиса» на неизвестное лицо или лица.

Эрика Катлера больше интересовала тайна рукописи и изложенной в ней истории. Это меня избавило от необходимости лгать. Комиссар, как мне кажется, скептически отнесся к гипотезе Николь и нашим поискам неизвестной дамы. Поэтому ни о чем нас не спросил, полагая, что, если бы мы ее нашли, то и сами бы похвастались. А раз молчим, то и говорить не о чем.

Вопросы

Лотар и Салли нашли наше предложение вполне приемлемым при сложившихся обстоятельствах. Чувствовалось, что Салли не хотелось расставаться с неожиданно свалившейся на нее собственностью, но проходить через суды и, как следствие, пересуды ей не захотелось значительно больше. Поэтому вскоре дело было улажено. В жизни Томаса Нордвейна и Каролины Чандлер намечались счастливые перемены. Лаура Криспи все так же жила на вилле, умело поддерживая там идеальный порядок, по договоренности с новой хозяйкой. Думаю, что всех это вполне устраивало.

***

Но для нашей стихийно сложившейся следственной группы работа еще предстояла. Мы не могли отмахнуться от вопросов, ответы на которые так и не были получены.

1. Кто написал рукопись, найденную на столе моего рабочего кабинета?
2. Как эта рукопись попала туда, где ее нашли?
3. Зачем ее доставили именно мне и именно в это время?
4. Почему в этом, на первый взгляд, художественном повествовании были указаны имена реально живущих людей?
5. Откуда взялись факты, не имеющие ничего общего с действительностью?
6. Если эти факты были придуманы, то кем и для чего?
7. Существует ли система, в которой можно получить непротиворечивые объяснения для ответов на все эти вопросы?

Вот такой список появился на мониторе моего домашнего компьютера.

Ни на один из этих вопросов я не могла ответить. Да, можно было строить предположения, но даже предположительно трудно было найти ответы на все вопросы сразу. Да еще так, чтобы эти ответы не противоречили друг другу. Что же касается версии Генри Тамона, то ее я отнесла в разряд абсолютно фантастических…

Поиск реальности,
Или как это все понимать.

Для обсуждения загадок, бросивших вызов нашим интеллектуальным способностям, мы собрались в доме Эрика Катлера.

Кроме нас с комиссаром, на «детективном ужине» присутствовали: хозяйка гостеприимного дома, Инесс Катлер, моя подруга Николь Федона-Нуар, владелец компьютерного магазина, он же сыщик-любитель Бруно Райновски, мой секретарь Ари (Авриэль, для официальных представлений. Я не планировала его приглашать, но он настоял, сославшись на то, что ему есть что сказать, чем изрядно удивил меня), мой муж журналист Дэвид Сомс. А также в качестве консультантов мы пригласили друга Бруно – физика Гарри Бертрама, оказавшегося в Сент-Ривере по случаю крестин племянника, мою бывшую клиентку, психоаналитика Камиллу Фортье и одного из владельцев издательства «Круиз» Алекса Гирша. Разумеется, все присутствовавшие ознакомились с содержанием рукописи, найденной на моем рабочем столе.

Не стану описывать ужин, боюсь, что даже воспоминания о тех вкусностях, которыми нас порадовала Инесс, могут помешать мне сосредоточиться на главном.

А главное, естественно, было уже после ужина. Мы расположились в просторной гостиной, правда нас оказалось все же слишком много, и пришлось принести еще диван и кресло из кабинета комиссара.

– Давайте начнем с предмета нашего исследования, с рукописи, – комиссар обошелся без вступительной речи, и это было правильно, – попробуем понять, что перед нами.

– В каком смысле? – неожиданно спросил Ари, до этого момента ничем не проявлявший интереса к происходящему, если не принимать в расчет яства, украшавшие стол.

– Стоит понять, можно ли считать эти страницы источником информации или это просто чья-то литературная проба, – объяснил Эрик Катлер и посмотрел в сторону Алекса Гирша, тем самым, предлагая именно ему попытаться ответить на заданный вопрос.

– Вы хотите, чтобы я оценил эту рукопись, как литературное произведение? – уточнил Алекс, впрочем, дожидаться ответа он не стал, а сразу перешел к делу: – Несомненно, если бы подобный текст пришел к нам в издательство, он бы мог меня заинтересовать. Есть сюжет, есть интрига, герой, антигерой, лирический фон, тайна, наконец. То есть, я хочу сказать, что в тексте, безусловно, присутствует литературный потенциал. Но и только. Это творение написано слишком непрофессионально, чтобы рассматривать его на предмет издания, в таком виде. Это написано человеком образованным, умеющим логично и последовательно описывать события. Но автор этого текста не отличается ни умением выстроить композицию, ни образностью речи, ни творческим воображением, наконец. Я не говорю уже о литературном стиле.

– Возможно, это чья-то первая попытка? – предположила Николь.

– Да, – согласился Алекс, – но почему свою первую рукопись неизвестный автор отправил не литературному агенту, не издателю, не литератору? Почему его опус оказался в детективном агентстве?

– Госпожа Адамс тоже пробует свои силы на литературном поприще, – заметил Ари, не без ехидства, как мне показалось. Интересно, именно это он собирался нам поведать?

– Тогда, почему бы автору не открыть свое имя коллеге? – ответил Гирш. – Но это еще не все и даже, пожалуй, не главное. А главным я считаю тот факт, что в рукописи упомянуты имена реальных людей. Причем, людей хоть и не безызвестных, как, например, профессор Краузе, но и не публичных. Кроме того, автор зачем-то заставил этих реальных людей принять участие в событиях, которых не было, уж простите мне мою приземленность, и не могло быть. Зачем ему понадобился столь странный и рискованный прием? Ведь профессор может подать в суд. Его в этом произведении попросту оклеветали. Ни один издатель, ни при каких условиях не стал бы издавать этот текст, даже если бы он был в литературном плане написан безукоризненно.

– Итак, – подвел итог Эрик Катлер, – вероятность того, что перед нами предполагаемый литературный шедевр, очень мала.

– Не думаю, – тут же добавил Алекс Гирш, – что автор рукописи рассчитывал на высокую оценку своего творения, он, безусловно, не глуп.

– Ну, вот, – заметила я, – мы кое-что о нем уже можем сказать. Он неглуп, неплохо образован и знаком с Бруно Райновски.

– О Бруно он мог узнать от кого-то другого, в нашем уравнении не обязательно одно неизвестное, – возразил мне Гарри.

– Теоретически существование соавтора, или даже соавторов, возможно, но я бы оценила вероятность такого расклада, как очень небольшую, – прокомментировала предположение физика Камилла Фортье. – В рукописи есть слишком личные подробности, сны, воспоминания, привычки. Там ведь все описано достаточно точно? - Камилла посмотрела на Бруно.

– Нет, – решительно возразил Райновски, – как раз сны и воспоминания мне не знакомы, что же касается привычек, так они у меня не отличаются особой оригинальностью. О событиях говорить не будем, они очень не совпадают с реальностью.

– Ну, не скажите, – вмешалась Николь, – именно благодаря описанию некоторых событий, вам удалось найти Шмида. Ведь вы не знали о его двойной жизни, пока об этом не стало известно из рукописи.

– Да, – вынужден был признать Бруно, – этот факт действительно оказался правдой и многое помог понять, но это делает еще более непонятным все остальное.

– Хорошо, давайте посмотрим, какие факты не подтвердились, – предложила я.

– Да, – согласился со мной Дэвид, – вот ты и попробуй перечислить их.

– Без проблем. – Самым главным мне видится рассказ о судебном процессе против профессора Краузе. Не было никакого суда, не было даже никакого дела. То есть, у профессора не было никогда пациентки Патриции Слоу. Семья Слоу никогда не слышала о Питере Краузе, никогда никто в этой семье не нуждался в услугах психиатра. Тогда зачем неизвестный автор все это придумал, как ему в голову пришел такой сюжет? – Я невольно посмотрела на Камиллу Фортье, словно ожидая, что именно она ответит на мой вопрос.

– Что ж, – Камилла поняла, что ей пора высказаться, – мы переходим к психологическому портрету пока неизвестного нам автора. Нужно сказать, что даже если вся история доктора Краузе придумана, то у ее автора все равно есть некий опыт, позволявший ему сочинить такой сюжет.

– Может, он коллега профессора? – предположила Николь.

– Или пациент, – предположила Инесс Катлер.

– Возможно и то, и другое, – усмехнулась Камилла, – но в этом случае непонятен мотив. Допустим, история должностного преступления известного психиатра всего лишь была упаковкой, в которой автор хотел доставить нам факты из жизни Вольфганга Шмида, каким-то образом ставшие ему известными. Но почему бы тогда не дать своим героям вымышленные имена?

– Может, он сделал это, чтобы показать, что в его опусе есть нечто реальное? – предположил Дэвид.

– Если главной была информация о Шмиде-Пфлегере, то упаковка более чем странная, – заметил комиссар.

– На мой взгляд, дело обстоит наоборот, – сказала госпожа Фортье. – Мне кажется, что для автора главной сюжетной линией была все же история с Патрицией Слоу.

– Но какой в этом смысл? – удивленно воскликнул Ари, но на его реплику никто не обратил внимания.

– Давайте разберемся, – вмешалась я. – Мы не нашли подтверждений тому, что история имела место, но мы не знаем, все ли изложенные факты ложны.

– Во всяком случае, в прессе ничего не было, – заметил Дэвид.

– Но события могли просто не дойти до того момента, который стал бы интересен журналистам, – ответила я.

– Да, – подхватила мою мысль Николь, – можно, например, представить, что профессор все же лечил Патрицию, на какой-то стадии лечения допустил ошибку, но ему удалось ликвидировать последствия этой ошибки и договориться с супругами Слоу о сохранении в тайне и его оплошности, и ее последствий. Понятно, что обе стороны в этом случае легко бы поняли друг друга.

– Интересная и вполне логичная версия, – поддержал Николь Бруно.

– Есть только пара-тройка вопросов, – тем не менее, возразил комиссар. – Зачем кому-то понадобилось описывать так хорошо закончившийся конфликт, доведя его в своих фантазиях до суда присяжных? И при чем здесь господин Райновски, ведь нетрудно заметить, что все крутится вокруг него? Зачем нужно было выдумывать факты его биографии? Откуда взялась Эстер? И куда она потом подевалась? Какую роль во всем этом играл присутствующий здесь господин Бертрам? Кстати, а прогулка на яхте имела место? – спросил Эрик Катлер, обратившись к физику.

– Она намечалась, - ответил Гарри, - но подвела погода. Мы не решились выйти в море. А с Паном мы виделись только в аэропорту, успели лишь перекинуться несколькими фразами и договориться о более продолжительной встрече в будущем. Ничего особенного Бруно о себе не рассказывал, немного о своих компьютерных успехах, немного о хобби, но ничего конкретного. И уж точно не посвящал меня ни в одно из своих расследований.

– Ну, допустим, о расследовании мы все же немного поговорили, – поправил друга Бруно, – но не слишком углублялись.

– Возможно, – не стал спорить Гарри, – просто не осталось в памяти.

– Тогда как вам понравилась та версия, которую озвучил в обсуждаемой нами рукописи человек по имени Гарри, физик и друг Бруно Райновски? – спросила я.

– Это не объяснишь в двух словах. – Гарри посмотрел на меня, а потом обвел взглядом присутствующих, словно спрашивая, нужно ли продолжать.

– Мы готовы выслушать вас, нам это крайне интересно, - ответил за всех Эрик Катлер. Никто не возразил, все притихли, наверное, именно в этот момент мы подошли к самой необычной части нашего и без того весьма странного расследования.

– Хорошо, – Гарри встал и сделал несколько шагов по комнате, затем остановился за спинкой кресла, в котором только что сидел, – я попробую изложить свои мысли о высказанной в рукописи гипотезе. Сложность в том, что, осмелюсь предположить, кроме Бруно никто из вас не интересовался, наверняка, никакими физическими теориями с тех пор, как окончил среднюю школу. Поэтому мне придется рассказать о некоторых общих моментах, на первый взгляд к делу не относящихся. Но думаю, что популярную литературу по эвереттике вы, как минимум, просмотрели?

На эту реплику каждый из нас отреагировал по-своему, в основном, жестами, подтверждающими предположение господина физика.

– Поэтому, – продолжил свои рассуждения Гарри, – я не стану останавливаться на общеизвестных фактах и на спорности их интерпретации. Эвереттика сегодня очень далеко ушла от первоначального тезиса, высказанного и прекрасно теоретически обоснованного Хью Эвереттом. Ведь американский теоретик решал для себя очень абстрактную проблему математическими методами. Сегодня появилось несколько гипотез, так или иначе использующих работу Эверетта, но, строго говоря, мало уже с ней непосредственно связанных. В данном случае в нашей загадочной рукописи высказывается одно из самых смелых предположений. И это предположение связано не только с физикой и математикой, вернее даже, не столько с ними, сколько с психологией и психиатрией. Как бы каждый из нас не относился к тому, что мы все прочитали, я предлагаю вам в качестве мысленного эксперимента принять все, что описано в рукописи, как изложение фактов. Но фактов, принадлежащих иной реальности, а если уж следовать постулатам используемой гипотезы, то иному пучку реальностей, который для удобства в дальнейших наших рассуждениях мы будем называть просто реальностью. Итак, исходим из того, что существует реальность, изображенная в рукописи неизвестного автора. Надеюсь, не будет возражений против подобного предположения?

Тишину, означающую наше согласие, нарушил грохот, произведенный падением стула – Ари резко вскочил с места и, энергично жестикулируя, заговорил:

– Не сомневаюсь, что эта реальность действительно существовала, и она предшествовала нашей реальности. Эстер! Вы помните эту начинающую актрису? Она собиралась изменить этот мир! И разве вы не понимаете, что ей это удалось? Не даром же в нашей новой реальности полковник Слоу ничего не знает о профессоре Краузе, а Патриция Слоу вполне здоровый человек!

Я смотрела на Ари с восхищением: никогда еще не видела его столь возбужденным. Его глаза сияли вдохновением. Он немного подался вперед и своей позой выражал полную уверенность в сказанном.

– Подождите, – невозмутимо осадил его физик, – мы еще к этому вернемся. А пока позвольте мне продолжить рассуждения. В той реальности врач-психиатр совершает некое должностное преступление, которое влечет за собой трагические последствия для семьи пациентки, но суд присяжных вопреки фактам, предоставленным обвинением, оправдывает профессора с весьма странной, на мой взгляд, формулировкой. Присяжные утверждают, что доктор Краузе действовал в интересах Патриции Слоу, возможно, даже спас ей жизнь, а то, что женщина забыла некоторые важные события своей жизни, может, вовсе и не является следствием неправильного лечения, ибо прямая зависимость между этими явлениями не установлена. Заметьте, что защита, в данном случае, не опровергла ни одного факта предоставленного обвинением, но адвокат обратил внимание на

неоднозначность оценки этих фактов, и этого оказалось достаточно, чтобы получить не просто смягчение приговора, а оправдание.

– Разве такое решение суда, ну если рассматривать все в рамках предложенной реальности, было таким уж невероятным? – спросила Николь.

– Само решение, безусловно, вполне возможное и вероятное, но меня удивило, что за него проголосовало абсолютное большинство членов жюри присяжных, насколько я понял, это удивило и адвоката господина Краузе. Обстоятельства дела, и, в том числе, те, что были выявлены в процессе судебного разбирательства, вовсе не предполагали такой результат, скорее было «пятьдесят на пятьдесят».

– И к какому выводу вас привели эти размышления? – попытался извлечь конкретику Дэвид.

– О выводах я бы не стал говорить, – улыбнулся Гарри, – но эти противоречия заставили меня с большим доверием отнестись к суждениям моего персонажа, даже не знаю, как мне еще его назвать, автор, похоже, пытался изобразить меня.

– То есть, – решила уточнить я, – вы предположили или допустили, что профессор мог каким-то образом повлиять на решение присяжных?

– А можно ли повлиять на мнение двенадцати человек? Насколько я понимаю, у профессора и возможности-то такой не было? – удивленно воскликнул Ари.

– Повлиять на мнение множества людей как раз проще, чем изменить мнение одного человека, – заметила Камилла Фортье, – правда, двенадцать – число не слишком убедительное.

– Странно, а можно как-то поточнее сформулировать, чтобы проще было понять? – заинтересовалась Инесс.

– Давайте отвлечемся от нашего в значительной степени литературного источника информации и обратимся к событию, за которым, пусть и несколько опосредованно, но мы все наблюдали в нашей привычной реальности, – продолжил объяснения Гарри. – Я говорю о чемпионате мира по футболу. И даже не о самом чемпионате, а о мифе, им порожденном, об осьминоге Пауле, правильно предсказавшем результаты всех матчей, о которых его спрашивали. Вижу, что независимо от вашего отношения к футболу, о Пауле слышали все. И это один из ключевых моментов, на которые я бы хотел обратить ваше внимание.

– Вы хотите дать объяснение этому чуду? – спросила Николь.

– Если бы я считал историю с осьминогом чудом, то это бы значило, что никаких соображений, объясняющих ясновиденье Пауля у меня нет, – заметил Гарри. – Но это вовсе не чудо, впрочем, так считаю я. Но смогу ли в этом убедить вас? Посмотрим. Конечно, осьминог – существо живое, то есть обладающее свободой выбора, но его выбор предполагает всего два варианта, причем совершенно равноценные с точки зрения наблюдателя. Животное ищет пищу, а эта пища может быть добыта двумя равноценными действиями, предполагаем, что все было честно и действия на самом деле были абсолютно равноценны. В качестве наблюдателя у нас оказывается весьма интересный объект. Ибо результат выбора важен не для осьминога. Он будет сыт в любом случае. Это важно для того, кто связал выбор Пауля с событиями своего будущего. Очень старый прием гадания, та же монетка. Вначале гадающим наблюдателем мог быть один человек, кто-то же придумал эту забаву, даже если это была группа людей, то очень небольшая и достаточно однородная с точки зрения свойств наблюдателя. Скорее всего, первый акт ясновиденья был случайным, да и нет, насколько я знаю, доказательств, что это было с первой попытки. Дальше поработали журналисты, и за Паулем уже следит коллективный наблюдатель, обладающий общей памятью и достаточно предсказуемыми вариантами ожиданий. Но в число наблюдающих теперь входят не только заинтересованные в определенном результате болельщики, но и те, кому выбор осьминога безразличен, но интересен сам факт. Что влияет на выбор наблюдателя с памятью? Заметьте, я не об осьминоге. Если мы принимаем гипотезу о многомирии, то Пауль выбирает оба аквариума, но каждый в своей вселенной, важно,

свидетелем какого из этих выборов станет наш коллективный наблюдатель. Так что же влияет именно на его выбор? Оценка вероятности, это для болельщиков, которые знают команды и их возможности, предположу, что здесь будет ожидание пятьдесят на пятьдесят, но еще есть ожидание предполагаемых эмоций. В состав коллективного наблюдателя входит уже большая группа людей, не интересующихся футболом, но с любопытством следящих за экспериментом. Думаю, что серьезное отношение к этому было не у многих, но нравилась эта пиар-игрушка большинству, и это большинство на подсознательном уровне понимало, что первая же ошибка Пауля просто разрушит мистерию. Повторяю, что это на уровне подсознательного, поскольку событие носит явно фоновый характер. Это самое большинство не заинтересованных конкретным результатом, но заинтересованных в продолжении эксперимента, и будет определять выбор пучка. Так мы с вами и оказались в той ветви нашего общего выбора вселенных, где Пауль все время угадывал. Понятно, что такой расклад возможен на сравнительно небольшом временном интервале, но это уже мое предположение, которое не проверено на практике.

– Вы хотите сказать, что с выбором присяжных было нечто подобное? – спросил комиссар.

– Не совсем, принцип…

– Но группа из двенадцати вполне определенных людей – это совсем другой вид наблюдателя, – решительно возразила Камилла Фортье.

– Вы правы, – согласился Гарри, – но я говорю о принципе, зная который можно воздействовать на мнение группы людей, вернее, воздействовать на их эмоциональный выбор. Мы уже отмечали, что некоторые члены жюри не могли объяснить на рациональном уровне, почему они проголосовали против обвинения. Кто-то в зале суда сумел повлиять на эмоциональную оценку действий профессора в определенном направлении.

– Ну, наверное, сам профессор, – предположила я.

– Нет, это невозможно. Во-первых, для массового гипноза нужны другие условия, – Гарри посмотрел на Камиллу, и она согласно кивнула, – во-вторых, все вы прекрасно знаете, что под гипнозом человек никогда не поступает так, как он ни в коем случае не поступил бы сознательно, то есть, не совершает действий, противоречащих его внутренним принципам.

Нет, я думаю, что доктор Краузе действовал по более сложной технологии. Вспомните, как он изменил личность Патриции Слоу. Простым гипнозом этого добиться невозможно.

– Но в рукописи, – опять включилась в дискуссию Камилла, – доктор все объяснил. Он воздействовал не на поступки женщины, а на ее память. Он нашел в ее прошлом момент гармонии, создал установку на сохранение этого состояния. А способы выполнения этой команды пациентка уже нашла сама, конечно, не на сознательном уровне.

– Она попросту вычистила свою память с того времени, когда чувствовала себя счастливой, – воскликнула Николь.

– Да, согласилась Камилла, – психика большинства людей склонна искать простые решения.

– Краузе не мог этого не знать, – заметила Инесс Катлер.

– Я тоже так думаю, – согласился Гарри. – Это указывает на то, что действия психиатра были преднамеренными. Значит, присяжные не могли его оправдать на рациональном уровне. Поэтому я считаю, что профессору удалось воздействовать на их эмоции.

– Но каким образом? – спросил Дэвид.

– К сожалению, в рукописи нет описания процесса, поэтому возможно лишь предположение. Единственный человек, способный выполнить то, что нужно было Краузе – это его адвокат. Краузе имел возможность воздействовать на его память, встречаясь с ним один на один. И именно адвокат был тем человеком, которого обязаны были выслушать все члены жюри присяжных.

– Вы говорите страшные вещи, – неожиданно заявил Алекс Гирш. – Так любой преступник может избежать наказания за свое преступление.

– Нет, - возразил Гарри, - вы забываете о вероятности. В случае с Краузе его виновность была не однозначна, помните, как оценивал его шансы тот же адвокат. Задача профессора была в том, чтобы увеличить вероятность оправдательного вердикта. Вернее, чтобы оказаться в той ветви мироздания, где он был именно оправдан. Я хочу, чтобы вы поняли, речь не идет об избавлении от события, которое нам не нравится, это невозможно при ненулевой вероятности этого события. Речь идет о том, чтобы создать больше возможных событий, которые нам нравятся, тем самым обеспечить себе большую вероятность желательного выбора реальности. Мы не умеем пока управлять этим процессом на сознательном уровне. Я предполагаю, что в реальности, которая описана в рукописи, профессору, а возможно и не только ему, удалось найти решение этой сложной задачи. Думаю, что и тот Гарри, который описан неизвестным автором, знал об этом больше меня.

– Вы хотите сказать, что эта девушка, Эстер, – вдруг взволнованно заговорил Ари, - действительно могла перебросить всех в другую реальность, ну, например, в нашу?

– Нет, перебросить, как вы сказали, она могла только себя, вернее создать для себя еще несколько более комфортных с точки зрения ее предпочтений ветвей собственной реальности.

– Но в этих ветвях не оказалось Бруно? – спросила Николь.

– Кто знает? У него есть шанс там тоже появиться, если он действительно правильно об этом позаботился.

– Так автор рукописи все же Бруно? – неожиданно заключил Дэвид. – Не наш, - он посмотрел в сторону встрепенувшегося Райновски, - а тот, из реальности, описанной в тексте.

– Это самое разумное предположение, – согласился Гарри.

– Но как рукопись попала к Мэриэл Адамс? И почему именно к ней? – спросил Гирш.

– Думаю, в той реальности госпожа Адамс была самым популярным частным сыщиком, – улыбнулся Гарри.

– Но как? – повторил главный вопрос Бруно.

– Возможно, это была просто склейка, – предположил физик. В той реальности папка могла прийти по почте и оказаться на том самом столе, на котором она и была найдена.

– Да, красивая теория, – усмехнулся Эрик Катлер, – но, если уж мы зашли в область предположений, то мне проще поверить в череду нелепых случайностей и совпадений.

Эпилог

До открытия магазина оставалась четверть часа, и Бруно усилием воли поднял себя с постели. Холодный душ лишь немного освежил его, а на завтрак времени не оставалось.

Он сварил себе кофе и с дымящейся чашкой в руках спустился в магазин. Лора уже возилась с входной дверью. Наконец девушке удалось сдвинуть засов и распахнуть дверь. В магазин вошла первая посетительница. Увидев ее, Бруно пролил горячий кофе на джинсы. Вместо приветствия он издал вопль, чем изрядно напугал и Лору, и незнакомку. Девушки бросились к нему, но шок прошел, и он овладел собой. Ранняя посетительница кого-то смутно ему напоминала. Но не это было главным. Бруно почувствовал, что это его судьба, если он сумеет ее не отпустить.

– Ничего страшного, – успокоил девушек Бруно, промокая салфеткой пятно на джинсах. – Уже все прошло.

– До свадьбы заживет! – сказала Лора, не обратив никакого внимания на цвет, которым окрасилось лицо босса.

Зато это заметила покупательница. Это не замедлило сказаться на цвете ее щек, впрочем, румянец ей шел. Чтобы скрыть смущение, она сказала:

– Я хочу купить нетбук.

– У нас большой выбор, пройдите за мной, и я ознакомлю вас с последними новинками, – защебетала Лора.

Она направилась к витрине, но странная покупательница не сдвинулась с места. Заметив это, Лора хотела что-то сказать, но ее опередил Бруно.

– Мы только вчера получили новинку от фирмы «Асус», уверен, что вам понравится. Лора, пожалуйста, принеси со склада черный и серебряный. Вы будете первой покупательницей, – затараторил он.

– Спасибо, я не очень в этом разбираюсь. Родители подарили мне на день рождения триста долларов, чтобы я купила нетбук. Этого хватит?

– Хватит, хватит, еще останется… Располагайтесь за этим столом, сейчас Лора принесет нетбуки, и я продемонстрирую их в действии. Замечательная вещь – маленькая, легкая и полдня без подзарядки! Я дам вам пожизненную гарантию.

– Пожизненную – это как? Пока не умрет компьютер? – засмеялась девушка, садясь в предложенное кресло.

– Нет, пока я не умру, – серьезно сказал Бруно, но, взглянув на свою собеседницу, не выдержал и тоже рассмеялся.

Лучшего покупателя у Бруно не было никогда. И Бруно продал нетбук по себестоимости, не обращая внимания на знаки, подаваемые Лорой. Впрочем, та быстро сообразила, что покупатель особый и демонстративно уткнулась в бумаги.

– Спасибо, – сказала девушка.

– Но это еще не все. Покупку следует обмыть. Иначе гарантия недействительна.

– Кофе для этой цели подойдет?

– Подойдет, если капнуть в него коньяка.

– Что ж, у меня сегодня выходной.

– У меня тоже. Покупателей больше нет, Лора справится одна, а если что – Паоло ей поможет. Подождите меня минуту, я только переоденусь.

Бруно уже повернулся в сторону лестницы, но вдруг остановился и сказал:

– Меня, между прочим, зовут Бруно.

– А меня Эстер.

Мэриэл. Ты осталась довольна отпуском, дорогая?

Николь. Еще бы…

Мэриэл. Но все-таки нам не удалось до конца разобраться с рукописью. Разгадать все загадки, связанные с ней.

Николь. А это как посмотреть. Представь себе, что ты где-нибудь в лесу повстречала пришельца и имела с ним длительный разговор. Как ты думаешь, ты сможешь потом убедить, к примеру, комиссара Катлера, что пришельцы существуют?

Мэриэл. Сомневаюсь.

Николь. Я тоже. Но сама ты на все сто останешься убежденной. Для тебя это не вопрос веры и тебе не нужны никакие доказательства. Так?

Мэриэл. Разумеется.

Николь. Разве мы не в таком же положении? Разве нам нужны доказательства истинности эвереттической теории? Ведь мы же обнаружили рукопись на твоем столе, держали ее в руках, читали.

Мэриэл. Все это так, но мы так и не выяснили, как она сюда попала и для чего была написана.

Николь. Выяснили. Просто ты не желаешь признать факты. Ведь даже Генри, человек, не верящий в чудеса, считает, что произошла склейка. А написана была для создания артефакта, позволяющего сгладить последствия искусственного изменения реальности. Я так поняла Гарри из рукописи и Гарри… «нашего».

Мэриэл. Но ведь нет доказательств.

Николь. Но существуют доказательства «от противного». Все «противное» мы рассмотрели и отвергли.

Мэриэл. Все-таки для меня это не более чем гипотеза.

Николь. Что ж, не будем спорить. Как говорил профессор Краузе, каждый видит события под своим углом зрения.

Мэриэл. Мне кажется, что за эту неделю мир существенно изменился.

Николь. Да, но еще больше изменились мы…

Послесловие к повести О.Бэйс и Л.Шифмана «Рукопись, найденная на столе»

Если бы я писал предисловие к этой повести, то, конечно, должен был бы обратить внимание читателя на совершенно необычной структуры интригующий сюжет произведения, которое ему предстоит прочитать, на лёгкость и изящество языка, на то, как авторы умеют построить ритм повествования, комфортный для массового читателя, и на многое другое, что привлечет внимание к тексту.

Но теперь это совершенно не нужно – читатель сам оценил литературные достоинства «Рукописи, найденной на столе». Эти строки читают те, кто эту «рукопись» с удовольствием прочел. (Те, чьи эстетические критерии не позволяют оценить авторское мастерство оценкой «нравится», вряд ли дошли до чтения Послесловия).

Поэтому обращу внимание только на центральную научную идею, вокруг которой авторы построили жизненное пространство своего необычного произведения.

Это идея о селективной декогеренции. Вот как она представлена в тексте: «Есть такое понятие – селективная декогеренция. Кто-то силой своего воображения не просто создает новый мир, купируя при этом одну из ветвей альтерверса, но и оказывается в нем наблюдателем. В этой ветви мироздания у многих людей, в разной степени зависящих от их вовлеченности в отличия этого мира от прежнего, происходит непроизвольное изменение точки наблюдения. При этом порой они ощущают нечто необычное, и их действия не вполне адекватны или кажутся таковыми. Именно такими они фиксируются в их памяти.

- Как ты сказал? Селективная де… Ты имеешь в виду коллапс?

- Коллапс – это не просто выделение одной возможности, но и «уничтожение» всех других! А в нашем смысле речь идет о декогеренции, когда перепутанное состояние распадается на отдельно СУЩЕСТВУЮЩИЕ ветви, причем разрушающий суперпозицию наблюдатель оказывается в какой-то им самим определенной ветви».

Проблема декогеренции – предсказания структур, образующихся при «распаде» квантовой реальности в физических взаимодействиях – является одной из интереснейших проблем эвереттики.

Вот как она представлена Д.Уоллесом, одним из ведущих специалистов в области философских основ квантовой механики: «Для любого простого выбора предпочтительного базиса, интерференция между различными способами выражения базиса жизненно необходима для динамики процессов в моем мозге (или, на самом деле, любого макроскопического объекта). Если, скажем, мы выбираем некоторую конфигурацию базиса как предпочтительную, мы можем разложить определенное состояние мозга (описывающее мой мозг в определенной конфигурации) в конфигурацию собственного состояния и предположить, что каждая конфигурация - отдельный сознательный объект. Но если каждое такое собственное состояние было бы изолировано от остальных (если, например, внешний наблюдатель определил конфигурации всех составных частей мозга), тогда каждое состояние быстро эволюционировало бы в органический суп, и, конечно, функционирующий мозг прекращал бы существование».

Здесь Уоллес обращает внимание на то, что при декогеренции невозможны варианты превращения исходной системы в сумму состояний с «простым базисом», основанным на

элементарных объектах (частицах ли, струнах ли, полях ли). Всякий простой базис неизбежно приведет не к нашему живому миру, а к миру кастрюли с «органическим супом».

Поэтому всякая декогеренция приводит к состояниям, включающим сложные объекты, в том числе – при декогеренции социальной системы – к системам разной социальной структуры, разным ветвям альтерверса.

Авторы ввели понятие *селективной* декогеренции, т.е. такой трансформации исходной системы (а системой в авторской трактовке является определенный элемент социума, выделяемый связанностью с неким кругом событий), при которой конечное ее состояние включает заранее определенные базисные элементы. В сюжете повести – это определенные варианты исходов ключевых ветвлений (например, вердикт присяжных на суде по делу Краузе).

Разумеется, для целенаправленного осуществления такого процесса необходимо «технологическое знание» - как, чем и каким образом воздействовать на исходную систему для получения нужного результата.

Ни современная наука, ни герои повести таким знанием не обладают. И, разумеется, не дело авторов детально прописывать процедуру селективной декогеренции. Но это вовсе не значит, что, не обладая знанием о механизме селективной декогеренции, нельзя ее осуществить. Подавляющее большинство водителей, поворачивая ключ включения зажигания, абсолютно ничего не знают о механизме процесса цепного окисления углеводородов, протекающего в цилиндрах двигателя автомобиля. Тем не менее, они запускают этот процесс и достигают поставленной цели – автомобиль трогается с места.

В данном случае важно, что авторами выдвинута *идея* о том, что достижение такой фантастической цели, как целенаправленное изменение структуры реальности, совместимо с физическими основами квантовой механики.

Авторы не дают читателю ключа зажигания, но указывают на то, что замок, в который нужно вставить такой ключ, *физически реален…*

Ю.А.Лебедев

АЛЕКС ЯР (США)

ПРОЕЗДНОЙ БИЛЕТ

ПОСВЯЩАЕТСЯ — ВЛАДИМИРУ МАНДРИЧЕНКО

— Нет, Саша, вы можете мне не верить, но история эта имела место... Я его хорошо знал... Всё именно так и было... именно так.

— Кого ты знал, Володя?

— И того, и другого... Вот, как вас, Саша. Знал.

(Из разговора автора с Владимиром Мандриченко — художником из Новосибирска. Примерно — июнь—июль 1988 года).

Автор, излагая историю, поведанную ему за чашкой крепкого чая, позволил себе все-таки усомниться в происшедшем. Виноват здесь, конечно, не столько сбивчивый и не очень складный рассказ В. Мандриченко, сколько сами события, рассказанные им и, якобы, происшедшие с неким Анатолием Лялиным. Однако история эта запомнилась, и желание донести ее до читателя, пересилило скептицизм автора. Автор неоднократно пытался изложить ее на бумаге, но выходило как-то не очень доходчиво, а главное — не очень достоверно. Тогда-то и пришла мысль предпочесть художественному повествованию — повествование документальное. Правда, одно дело задумать, другое осуществить. И все-таки, с помощью старых приятелей[1], автору удалось ознакомиться с документами приостановленного дела А. Лялина. Выдержки из него и предлагаются вниманию читателей. Думается, у многих из вас возникнут вопросы, и вопросы не очень простые. Понимая это, автор готов обсудить их в приватном порядке.

Автор приносит благодарность за оказанную ему помощь сотрудникам Ж-го РОВД г. Н-ска С. Завиялову, Л. Коготковой, С. Мурхину и др.

ФРАГМЕНТ МАГНИТОФОННОЙ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ ВРАЧА... ОТДЕЛЕНИЯ... Н-СКОГО ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСПАНСЕРА М. М. МАКСАКОВОЙ С ИСПЫТУЕМЫМ А. Б. ЛЯЛИНЫМ. 22.03.86 г.

— ... нет, доктор, нет. Поймите же, я говорю правду. Я действительно убил его, убил, но в прямом смысле слова это не может быть расценено как убийство... Его же не было!.. Вернее, он был, я уже рассказывай вам... Мы с вами люди, нас родили, воспитывали, мы получили образование, а он... он просто появился. Вы меня понимаете, доктор? Он появился, и в этом я виноват. Только в этом, только в этом! И уж никак не в убийстве! Вы меня понимаете?! Это не убийство... Я просто уничтожил старый проездной билет на автобус... Он стал мне вредить, он соблазнил Татьяну, он... Да что там говорить! Я вам рассказывал... Вот вы, доктор, вы же не храните старые проездные билеты на автобус?

— Не храню.

— Вы как-то странно смотрите на меня... Я не сумасшедший! Я не сумасшедший, доктор!

— Никто и не сомневается в этом... Вы находитесь в нашем диспансере по постановлению следователя.

— Он считает, что я убийца и сумасшедший. Помогите разубедить его, доктор! Вы же знаете, что я не сумасшедший... Просто устал последнее время... устал...

— Да, вы устали... Скажите, Анатолий Борисович, как все-таки получилось...

— Татьяна знает, что я не сумасшедший, знает. Она специально наговаривает, мстит, ведь она с ним... Она утверждает, и не спорьте со мной, я знаю это. Она утверждает, что Алексей настоящий мужчина, настоящий человек. Она утверждает, что я убил его из зависти. Я не убивал его, поскольку он не человек, а обыкновенный проездной билет на автобус. Проездной билет на август тысяча девятьсот восемьдесят пятого года... А как можно убить проездной билет?! Абсурд!!! Понимаете, доктор, до какого абсурда может дойти женщина?! Спутаться с проездным билетом!

— Вы не дали мне закончить...

— Этот наглец посмел еще и глумиться надо мной. Я очень устал к тому времени, понимаете, постоянное напряжение, тревога за будущее, а тут... Я не сразу решился его уничтожить, не сразу... Но он совсем обнаглел, стал измываться надо мной, унижать... Это страшно, доктор, когда какой-то проездной билет доказывает вам, что не он, а вы ничтожество... Это страшно... Но это же не убийство, доктор? Ведь правда?!

— Успокойтесь, Анатолий Борисович... Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос...

— Я просто взял ножницы и разрезал... Это было трудно... Он крепче меня, и он сопротивлялся... Подумать только, как может сопротивляться проездной билет?!

— Успокойтесь, Анатолий Борисович...

— Я же не сумасшедший!.. Не сумасшедший... Доктор, только честно, скажите — я сумасшедший?

— Анатолий Борисович...

— Я вам верю, доктор, верю... А вы ничего не замечаете во мне?

— Не понимаю.

— Ну, в физическом облике, например... Ничего странного не замечаете?

— Как вам сказать...

— Откровенно скажите, доктор, откровенно... Я почему беспокоюсь? Алексей сказал, что не он проездной билет на автобус, а я — проездной билет... использованный и никому не нужный. Он сказал, что Татьяна это знает, поэтому и предпочла его, Алексея... Он очень убедительно говорил, доктор, надо отдать ему должное. Но ведь я не проездной билет?! Скажите, доктор?

— Конечно... успокойтесь, Анатолий Борисович.

— Спасибо, доктор.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ 26.02.86 г.

...стационарную судебно-психиатрическую экспертизу, производство которой поручить врачам-психиатрам Н-ского психоневрологического диспансера.

II. На разрешение экспертов поставить следующие вопросы:

1. Страдал ли Лялин А. Б. каким-либо душевным заболеванием в момент совершения убийства Полумесяцева А. Н.? Если да, то каким именно?

2. Лишало ли это заболевание Лялина А. Б. способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими?

3. Не лишает ли это заболевание Лялина А. Б. способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими?

4. Не нуждается ли Лялин А. Б. в применении принудительных мер медицинского характера...

ИЗ ПРОТОКОЛА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ. 30.01.86 г.

...установлено:

Квартира расположена в правом крыле шестиэтажного дома на восьмом этаже. Вход в квартиру осуществляется через общий коридор кв. 96, 97, 98. Из общего коридора в кв. 99 ведет дверь деревянная одностворчатая, размерами 85х190 см, которая открывается в квартиру. Повреждений на ней нет. Дверь приоткрыта, внутренний замок двери открыт, повреждений на нем не обнаружено. При открывании дверь производит слабый скрип.

Кв. 99 состоит из одной комнаты, на полу которой лежит труп неизвестного гражданина. Труп лежит на животе вниз лицом, головой на север, ногами на юг. Ноги вытянуты *по* оси туловища, на ногах ботинки. Руки согнуты в локтевых суставах, кисти рук находятся под животом. Труп находится на расстоянии 1 м 57 см от порога комнаты... Труп мужчины лет 30-35, правильного и крепкого телосложения, длина тела 181 см. Трупное окоченение и трупные пятна отсутствуют. Волосы на голове трупа черные, густые, В области левой височной части имеется проникающая рана продолговатой формы размером... Вниз по щеке от этой раны имеется подтек жидкости бурого цвета На щеке имеется еще четыре раны, по размерам аналогичные первой. Подобные же раны и подтеки бурого цвета имеются на шее трупа, а также на его груди... На полу около головы трупа имеется подсохшая лужа бурого цвета, похожая на кровь.

Глаза трупа полуоткрыты, положение глазных щелей горизонтальное. Лицо овальное, лоб высокий, широкий, прямой. Нос большой, рот малый, губы тонкие, подбородок овальной формы, раздвоенный.

Труп одет... В процессе осмотра производилась фотосъемка... Труп отправлен в морг на судебно-медицинское вскрытие... Во время производства осмотра от участников осмотра никаких заявлений и замечаний по поводу порядка осмотра и содержания протокола не поступало...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ КВАСОВА С. Г. 02.02.86 г.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Как давно вы знакомы с Лялиным?

КВАСОВ: — С самого детства, в один детсад ходили, потом в одну школу... Кто бы мог подумать, что он способен на такое... Это тишайший человек, тишайший... Он и драться-то не умел.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Факт остается фактом. Лялин совершил убийство.

КВАСОВ: — Я понимаю, но поверить не могу... Не похоже это на Толяна. Он никогда не мог ударить, даже когда его самого били. Может, у него, действительно, крыша поехала? Не зря же вы его в психушку отправили...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Лялин помещен в психоневрологический диспансер для проведения экспертизы, она еще не окончена. Раньше вы не замечали за ним странностей, причуд?

КВАСОВ: — Ну, положим, странным-то он был всегда... Учеба, дом, учеба, дом... Никаких девочек, никаких турпоходов... Так и в школе было, так и в институте... Вы представляете, он в двадцать восемь лет, извиняюсь, девственников был!

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Он был настолько с вами откровенен?

КВАСОВ: — Да нет, Толян замкнутый очень... А тут как-то поделился сомнениями, совета спрашивал, что да как... Но тот роман быстро кончился. Переживал он!..

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Какие отношения у Лялина с Усиной?

КВАСОВ: — С Татьяной-то? Нормальные... Она его прочно охмурила, он сам мне признался... Люблю, говорит, страшно. Понятно, ведь всего вторая женщина в жизни. И женщина, многое умеющая в постели...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — С чего вы это взяли?

КВАСОВ: — Толян как-то пришел. Смурной, в переживаниях.,. Долго маялся, потом рассказал, как они с ней... ну... И стал спрашивать, не извращение ли это, разве так можно... Я его успокоил.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Хорошо... А с Полумесяцевым вы когда познакомились?

КВАСОВ: — С убитым-то?.. Где-то перед Новым годом. Я к Толяну заскочил, он меня и познакомил. Сказал, что это его друг, что живет у него... Я удивился.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Чему же вы удивились?

КВАСОВ: — Толян очень замкнутый,. всегда любил одиночество, раздражался... если кто-то всегда рядом был, а тут... Они же в однокомнатной квартире жили. Алексей совсем другой был — высокий, интересный, громогласный и самоуверенный... Не подходили они для совместного проживания. Толян-то, просто ходячий комплекс неполноценности, а тот — супермен.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Вы не заметили напряженности в их отношениях?

КВАСОВ: — ...Черт его знает... Вроде нет... Хотя Толян как-то смущался, морщился от реплик Алексея.. И смотрел на него как-то... То ли с сожалением, то ли с неприязнью... Да я не присматривался, своих дел хватает.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — А у вас не возникло мысли о... как бы это сказать... Ну, о нездоровости, что ли, отношений между Лялиным и Полумесяцевым?

КВАСОВ: — Да что вы?! Толян не гомик! Он, наверное, и не знает, что это такое! Нет-нет...

ИЗ ПРОТОКОЛА ОСМОТРА ПРЕДМЕТА 30.01.86 г.

...обязанность понятых удостоверить факт, содержание и результаты осмотра предмета, изъятого при осмотре места происшествия в квартире Лялина А. Б.

В результате осмотра установлено:

...ножницы бытовые. Лезвия ножниц покрыты за сохшей жидкостью бурого цвета, похожей на кровь...

...и помещены в полиэтиленовый пакет. Пакет опечатан сургучной печатью и оставлен для приобщения к уголовному делу в качестве вещественного доказательства...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ МОРКОВИНА Т. П. 02.02.86 г.

МОРКОВИН: — Лет пять, поди... Точно, пять. Я обменялся и въехал к Лялину в соседи. Только вот обидно! Как я ни пытался задружить с ним, все бестолку! А чего?! Он один живет, он один, когда, глядишь, и бутылек бы раздавили, или, положим, в картишки перебросились, а то, так и просто за жизнь потолковали... Так нет, нос воротил. А потом Лешку к себе жить пустил. С тем-то мы быстро скорешились. Бывало, когда Тольки дома нет, постучит, сунет четвертак — дескать, сбегай, дядя Тима, за коньячком да себе красненького сообрази... Это же другое дело, это же по-человечески.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — С Лялиным, значит, отношения были прохладные?

МОРКОВИН: — Это точно, словно зимой без отопления. Компания ему не подходила, рожей, значит, не вышел... Как приду к нему, сидит с кислой физиономией, будто сушняка забродившего врезал. Какое же удовольствие от этакого общения, я и перестал ходить...

ИЗ ОРИЕНТИРОВКИ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ В РОЗЫСК ЛЯЛИНА А. Б., СКРЫВШЕГОСЯ ИЗ Н-СКОГО ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСПАНСЕРА. 03.04.86 г.

...скрылся. Приметы Лялина А. Б.: рост 176, субтильного телосложения, плечи узкие, при ходьбе сутулится. Волосы русые, короткостриженные. Лицо худощавое, грустное. Лоб высокий, брови правильные, русые. Глаза небольшие, серые. Щурится, так как близорук, но очки не носит. Нос узкий, правильный, с небольшой горбинкой. Губы тонкие, уголки слегка опущены. Подбородок узкий. Одет в больничную байковую пижаму зеленого цвета...

ИЗ ПРОТОКОЛА ОСМОТРА ДОКУМЕНТА. 25.02.86 г.

...при дневном освещении произвел осмотр тетради общей с надписью на обложке: «Лялин А. Дневник».

Осмотром, установлено:

В тетради с надписью на обложке-: «Лялин А. Дневник», предоставленной гр-ном Квасовым С. Г., содержатся записи, произведенные шариковой авторучкой... На первом листе тетради находится запись, помеченная датой «5 декабря 1985 года» и начинающаяся словами: «Мне всегда было...». Последняя страница, имеющая записи, находится в середине тетради и начинается словами: «Я должен это сделать...»

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ УСИНОЙ Т. В. 03.02.86 г.

УСИНА: — Сам же Анатолий и познакомил. Я очень удивилась, не могла понять...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Чего же вы не могли понять?

УСИНА: — Анатолий не предупредил меня о том, что Алексей станет у него жить.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — А что-нибудь вы вообще слышали о Полумесяцеве до того момента, как Лялин вас с ним познакомил?

УСИНА: — Анатолий, как всегда, был невнятен. Упоминал про то, что друг появился, что зовут Алексей, а сам улыбался, будто виноват в чем-то... По-моему, он уже тогда заболел. Странности появились в поведении...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Полумесяцев рассказывал вам о своей жизни?

УСИНА: — Да... Он умел рассказывать. Очень интересно рассказывал о загранкомандировках, о море, он же плавал на сейнерах...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Про родственников что-нибудь говорил?

УСИНА: — Не-ет...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Вы не знаете, почему он называл Лялина «отец родной»?

УСИНА: — Это он шутил так. Анатолий любил нравоучения, вот Леша и подшучивал над ним... Анатолий сумасшедший, иначе я не могу объяснить его по ведение — живого человека... ножницами...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Как вы думаете, отчего Лялин уверял вас в том, что Полумесяцев не человек, а...

УСИНА: — Проездной билет... Думаю, Анатолий именно на этом и свихнулся... Надо же, такое придумать! Потом, позже, у него началась мания преследования, самая настоящая... Он решил, что у нас с Алексеем роман...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — И не безосновательно...

УСИНА: — Даже и если, то что?! Леша — настоящий мужчина... был...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Успокойтесь, пожалуйста.

УСИНА: — Хорошо... хорошо... Но все это так ужасно... Я не могу забыть... Пришла, а Леша лежит, мертвый... Анатолий с ножницами в руках... Жуть.

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 05.10.85 г.

Мне всегда было одиноко. Всегда. Друзья... друзьями их можно назвать с большой натяжкой, скорее это хорошие знакомые. Знакомые по детству, по институту, по службе... «Привет!», «Как дела?», «Что нового?» Дальше этого разговоры не заходят. Грустно... Всегда один. Татьяна? Но она женщина... С не1 интересно только в постели. Правда, теперь у меня есть он...

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 11.10.85 г.

...почти месяц прошел. И как это я обратил на него внимание? Старый проездной да и старый проездной! Слава богу, что не выкинул, слава богу... Когда же я впервые заговорил с ним? Не могу вспомнить. Как-то незаметно получилось, заговорил и все... Наверное, надо было выговориться. И имя это само собой пришло в голову — Алексей. Хорошее имя, звучное. Ему можно доверить все, это не Квас, этот не будет донимать вопросами...

ИЗ РАПОРТИЧКИ МЕДБРАТА КУЛТЫКОВА А А. 03.04.86 г.

...вины с себя не снимаю. Одного не пойму, как он сбежать умудрился. Разве что, кто-то из наших помог? Но этого в принципе быть не может! Вины своей не уменьшаю — сбежал подопечный. Что-то меня встревожило и пошел я в палату № 3, где этот самый Лялин А. Б. помещался. Не обнаружив его и решив, что он решил посмеяться над медперсоналом, а для этого спрятался под кровать, я предпринял попытку обнаружить его в указанном месте. Там его не было. Под кроватью, вернее, рядом с ней, лежал на полу проездной билет на автобус, переданный мною дежурному врачу...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ МУКСАКОВОЙ М. М. 03.04.86 г.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Вы считаете, что никто из медперсонала не мог помочь побегу Лялина?

МУКСАКОВА: — Да, считаю. Это исключено.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Почему вы так уверены?

МУКСАКОВА: — Я работаю с этими людьми не первый год. Это добросовестные работники, никогда не позволявшие бы себе подобного.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Каким же образом Лялину удаюсь скрыться?

МУКСАКОВА: — Не могу понять. Это практически невозможно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Как видите, возможно... На да ладно. Вы передали нам проездной билет на автобус, пригодный к использованию в августе прошлого года, Это тот самый проездной, что подобрал Култыков?

МУКСАКОВА: — Да... Не могу понять, как удалось Лялину сохранить его при себе, ведь все личные вещи у него были изъяты... Правда, проездной билет постоянно фигурировал в его бреду...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Не хотите же вы сказать, что...

МУКСАКОВА: — Лялину казалось, что он превращается в проездной билет... И Полумесяцева он называл проездным билетом...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ КВАСОВА С. Г. 25.02.86 г.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Каким образом у вас оказался дневник Лялина?

КВАСОВ: — Я его сегодня получил по почте, заказной бандеролью.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Да... Надо было сохранить упаковку...

КВАСОВ: — Виноват, не сообразил. Но я помню дату, отправки. Машинально глянул... Двадцать девятое января...

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Боже мой, в пределах одного города почта доставляет бандероль почти месяц! Вы уверены, что записи в тетради сделаны рулой Лялина?

КВАСОВ: — На сто процентов. Толяна рука, что-что, а это знаю. Списывал у него... и в школе, и в институте. Без сомнений, он писал. Только, вы знаете, я кое-что прочитал... Он бедняга, действительно, сошел с ума...

ИЗ ДНЕВНИКА А, Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 15.10.85 г.

...порядком потрепался, я же таскал его в кармане. Поэтому решил привести его в порядок. Сегодня я аккуратно прогладил Алексея через влажную промокашку, чем явно угодил ему. Потом обеспечил ему полиэтиленовую оболочку. Так надежнее, а то, не дай бог, что-нибудь на него пролью, я такой неаккуратный...

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 22.10.85 г.

...приходила Татьяна. Как всегда вывалила кучу новостей о людях, которых я не знаю, пересказала несколько сплетен... Смирило меня с ее появлением то, что она была настроена на секс. Правда, очень удивилась, что я не смог сосредоточиться, пока не убрал Алексея в ящик. Это и понятно, ведь для нее он только проездной билет на автобус...

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 21.10.85 г.

...боюсь носить его с собой, хотя мне его очень не хватает. Но дома Алексей будет целее. А если с собой носить, могут вытащить, рисковать нельзя. Ловлю себя на мысли, что сильно привязался к Алексею. Татьяна в моей жизни значит много, но Алексей дополняет мою любовь к ней. Я разобрался, что чувства мои к Татьяне больше основаны на физиологии... Разговаривать же с ней — такое мучение!

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 04.11.85 г.

...если раньше я говорил, а Алексей молчал и соглашался, то теперь это настоящая беседа. Он даже спорит со мной, проявляя при этом излишнюю горячность. Мне он представляется чуточку самоуверенным...

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 09.11.85 г.

...отругал его. Он не скромен! Пришла Татьяна, и я убрал его в ящик стола, но когда я встал, чтобы закурить, увидел его на прикроватной тумбочке! Ему, видите ли, любопытно, он, видите ли, знаком с теорией секса, а вот практики... К огромному моему сожалению, попытки мои объяснить нетактичность подобного поведения, успехом не увенчались. Он лишь ухмыльнулся: «Ханжа!»

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 28.11.85 г.

...и поэтому я материалист. Нас так учили... Но то, что произошло... По порядку, Толян, по порядку, как сказал бы Квас. Будем писать по порядку. Значит так... Пришел вечером домой, а там мужик — здоровый, черноволосый. Сидит, «Литературку» читает. Увидел меня и говорит: «Все-таки, ты не прав, Толян, причисляя Пикуля к изготовителям

развлекательного чтива. Это мастер исторического романа! Знаток эпох!» Я несколько опешил от такого нахальства и предложил мужчине покинуть мою квартиру, пока я не вызвал милицию. Он расхохотался: «Я же Алексей! Ты меня не узнал?! Вот хохма!» ...Он спит, а я пишу все это... Это Алексей!!! Я ничего не понимаю, но это Алексей! Он помнит все наши беседы, споры... Что же делать? Столько проблем сразу. Он спит на диване, а мне придется спать на полу. Завтра же купить раскладушку!.. С Татьяной получилось не очень красиво. Пришлось выкручиваться, объясняя появление Алексея. Мое заявление, что он будет жить у меня, повергло Татьяну в шоковое состояние...

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ КВАСОВА С. Г. 02.02.86 г.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: — Вам не кажется, что Лялин стал жертвой авантюриста, узнавшего о его заболевании и использовавшего это в каких-то своих целях?

КВАСОВ: — Не знаю... Да и где этот самый авантюрист мог узнать о бзике Толяна с проездным билетом...

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 16.12.85 г.

...бесполезно! Как зарегламентирована наша обыденная жизнь! Бумажки, бумаги, снова бумажки! Алексею все до лампочки, перевалил все заботы на меня, общается с нашим соседом, часто от него пахнет коньяком, деньги, что лежат в секретере, убывают... Где бы купить паспорт?.. Он не хочет со мной разговаривать! И это в то время, как мне больше всего нужна поддержка друга. Обидно.

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 21.12.85 г.

...после ухода Татьяны я спросил Алексея, о чем это они беседовали, когда я вернулся с работы. «О любви!» — хохотнул он. Это становится невыносимо! Будучи проездным билетом на автобус, он не позволял себе подобных вещей. Прошло столько времени, а я ничего не придумал с документами. Кошмар! Что же делать?

ИЗ ДНЕВНИКА А. Б. ЛЯЛИНА. ЗАПИСЬ ОТ 30.01.86 г.

...не прикасался. Не было душевных сил. Все происшедшее — ужасно. Как я устал, как я устал... Лишь бы хватило сил, осуществить задуманное!.. Он смеет утверждать, что не он, а я — проездной билет на автобус! А как нагло он повел себя, когда я застал их с Татьяной в постели! И она хороша — заниматься любовью с проездным билетом на автобус... после всего, что я для них сделал, платить мне подобным образом... Она увела его с собой и перестала приходить. Да я бы и выгнал ее, если бы посмела прийти. Он, а не я, ничтожество! Он, а не я, проездной билет! Но почему и Татьяна сказала что он прав? Не могу же я быть проездным билетом?!.. Лишь бы хватило мужества, лишь бы хватило. Он должен прийти, звонил. Ему нужен его костюм. Его костюм, купленный на мои деньги... Вот и разберемся, кто из нас проездной билет. С обнаглевшими проездными билетами на автобус поступают просто: режут, рвут, сжигают... и выкидывают... Ножницы я приготовил, хорошие ножницы...

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ДЕЛА. 20.04.86 г.

...рассмотрев материалы уголовного дела по обвинению Лялина А. Б. в преступлении, предусмотренном п. «Г» ст. 102 УК РСФСР, установил: Лялин А. Б. совершил умышленное убийство гр-на Полумесяцева А Н. с особой жестокостью...

...скрылся. Несмотря на принятые меры, Лялин А. Б. до настоящего времени не обнаружен.

…что по настоящему делу произведены все возможные в отсутствие обвиняемого следственные действия...

Постановил: производство предварительного следствия по уголовному делу приостановить и объявить розыск .обвиняемого Лялина Анатолия Борисовича.

ИЗ СОПРОВОДИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСКИ. 21.04.86 г.

Приложение: два полиэтиленовых пакета с вещественными доказательствами. За печатью № 1 — с ножницами, обнаруженными на месте происшествия. За печатью № 2 — с проездным билетом на автобу с за август прошлого года, обнаруженным в палате № 3...

Александр Свистунов (Ташкент)

Путешествие Лемюэля Гулливера в Перу и Льульалако

Я, тот самый Лемюэль Гулливер, неутомимый путешественник, сначала хирург, а затем капитан нескольких кораблей теперь решился рассказать о своем последнем путешествии. Пожалуй, я нарушу обещание, данное моим испанским друзьям, хранить в тайне наши приключения в Перу, но на склоне лет вздорному старику простят маленькую слабость – сочинение удивительных сказок.

И все-таки я настаиваю на правдивости этой истории.

По Утрехтскому мирному договору 1713 года, завершившему войну за Испанское наследство, англичанам предписывалось снабжать испанскую Америку рабами негритянского происхождения и, кроме того, мы получили право на ежегодную беспошлинную поставку в ряд испанских атлантических портов 500 тонн разнообразного товара. Из Америки привозили редкие овощи, табак, золото и слухи о несметных сокровищах. Эти слухи, подкрепленные выданным вперед двойным жалованием, заставили меня согласиться на предложение старого знакомого лорда Джона Клиппертона, отправится в Перу за золотом инков. Я даже смирился с тем, что капитаном в этот раз пойдет Клиппертон, а я стану его помощником.

В феврале 1721 года на корабле «Принц Евгений», я отправился в Перу. Подойдя к берегам города Паита, мы обнаружили два галеона. Вероятно, их команды бурно отмечали отплытие и изрядно нагрузились вином и ромом. Испанские капитаны благополучно проспали появление английского военного корабля. Мы внезапно вынырнули из тумана и первым же залпом пустили на дно “Санта-Розу”. Удар наших ядер ниже ватерлинии был ужасен. Этот несчастный галеон затонул в течение получаса и никакого сопротивления оказать уже не смог. А Клиппертон в возбуждении от удачной охоты сам возглавил абордажную команду, оставив меня за капитана. Наши храбрые моряки лихо притянули абордажными крючьями борт “Сан-Хосе” и скоро заполнили палубу испанского корабля. Через час все было кончено. Уцелевших испанцев побросали за борт, и те вплавь добирались до Паита. Я возблагодарил бога, что остался на «Принце Евгении», ненавижу кровопролитие.

Всего мы захватили товара на общую сумму 400 тысяч песо. Клиппертон и большая часть команды остались в Паита. Они взяли в заложники вице-короля Перу и надеялись получить богатый выкуп. А меня и еще четырнадцать человек, он послал на лошадях в город Куско за золотом инков. Вернее нам было поручено выяснить, много ли золота в Куско. По дороге мы захватили в плен одного индейца из племени кечуа, и поскольку его народ враждовал с инками, этот молодец охотно рассказал нам, что главные сокровища инков находятся в стране Льульалако у горы с таким же названием. Индеец любезно согласился показать нам путь.

Долго мы брели по гористой местности. Именно брели, лошадям трудно давался непрерывный подъем. Хорошо только, что вокруг росло много травы, и корм для лошадей не нужно было искать.

А вскоре начались чудеса. Вдруг, за очередным пригорком появилась великолепная дорога. Просто замечательно ровная мостовая, совсем без бугорков и ямок. Одинаковых размеров камни казались прочно замерзшей речкой.

Я несколько раз спрашивал проводника. Не испанцы ли построили в горах эту дорогу. Но тот только мотал головой и говорил что-то о предках принца Атагуальпа. А вскоре по

краям дороги стали попадаться аккуратные одноэтажные белые домики. Они выглядели одинаковыми, совершенно целыми и между тем давно брошенными. Будто люди их построили и сразу ушли, и не жили ни одного дня. Я заглядывал в окна нескольких домов. Внутри они поражали совершенной пустотой. Ни мебели, ни домашней утвари. Только голые стены.

Мы двигались по дороге уже больше недели. Нам везло, животные здесь видимо были совсем не знакомы с огнестрельным оружием и потому подпускали на расстояние выстрела. Мы добыли нескольких горных коз и одного большого горного барана. Так что с провизией также все было в порядке. Ночевали мы в брошенных домах, прямо на дощатом полу. Приходилось выламывать двери, но надеюсь, никто не посмеет предъявить нам претензии.

Лошади окрепли на горных пастбищах. Они весело бежали вперед. Нас уже радовала дорога и возможность посмотреть на чужую страну, но никто не забывал о цели путешествия.

Тем более неожиданными оказались выстрелы из мушкетов, которые как-то с утра разбудили наш отряд. Бой шел где-то впереди, выше по дороге.

Я не знал, что предпринять. Вряд ли это могли быть наши друзья. Команда Клиппертона осталась далеко внизу, в долине. А встречаться с испанцами, тем более превосходящими нас численностью, не входило в мои планы. Я и мои четырнадцать спутников выбежали из домиков на дорогу. Индеец непрерывно бормотал что-то о священном месте, к которому мы приблизились. Он уверял, что боятся нечего, их боги бесконечно добры, и они даже позволят унести нам столько золота, сколько мы сможем.

Я махнул на него рукой, видимо индеец совсем спятил. Какие боги? Какое золото? Нас за поворотом ждут испанцы с мушкетами, там в кого-то стреляют. Моя нерешительность нас и погубила. Надо было сразу со всех лошадиных ног нестись обратно вниз по дороге, но мы промедлили.

Сначала появился безоружный человек. Он бежал, неуклюже раскачиваясь из стороны в сторону, потому что обхватил голову руками и бешено орал что-то непонятное. Мы не пытались его задержать. Затем показался строй испанцев, человек пятьдесят, все с оружием. Они ровными рядами шагали в нашу сторону, перезаряжали на ходу мушкеты, оборачивались, производили залп в невидимого врага, затем вновь отступали вниз по дороге.

Это были истинные наследники Писарро. Храбрость их вызывала уважение. Мы все еще никуда не двигались, и испанцы вскоре добрались до моего небольшого отряда. Один из испанцев, видимо командир, подошел ко мне и на ломаном английском языке попросил помощи. Он сказал, что враг у нас общий, что мы должны объединится и попробовать дать отпор, что победить мы не сумеем, но хотя бы успеем спуститься с горы.

Я не стал его слушать. Мы оседлали лошадей и попытались убраться отсюда как можно быстрее. Но лошади превратились в упрямых ослов, которых невозможно было сдвинуть с места. Ни кнут, ни шпоры не помогли. Лошади только громко ржали от обиды и боли и упирались всеми копытами. Казалось, страх парализовал их. Пришлось присоединиться к испанцам.

Сначала я не испугался, так как не знал, с кем придется сражаться, но дикий рев, донесшийся из-за поворота дороги, заставил меня поежится, и пожалеть о предпринятом путешествии. Лучше бы я остался в Англии, подумалось мне. И вот они показались эти звери. Испанцы и англичане вместе вскинули ружья и выстрелили. Я даже не вытащил пистолеты, так как смотрел на чудовищ во все глаза. Появился железный монстр величиной с небольшой дом. Он был похожи на огромный сундук, футов двенадцать высотой, а передвигалось это громадное вместилище всякого барахла на восьми каучуковых колесах футов по пять в диаметре, по четыре с каждой стороны. На передней, скошенной стенке этого сундука, был нарисован рот, и стеклянным блеском отсвечивали два круглых глаза-окошка. Наш доблестный залп не причинил монстру никакого вреда.

Непрерывно ревя, он продолжал катиться на толпу. Испанцы сохраняли хладнокровие, англичане же от удивления и страха смешали строй, и, разрядив ружья, побросали их и сломя голову принялись удирать вниз по дороге. Мне показалось, что один из испанцев презрительно усмехнулся, и чтобы показать свое геройство бросился со шпагой на чудовище. Он попытался уколоть каучуковые колеса. Бесполезно. К нашему ужасу мы убедились, что рот был не нарисованный. Монстр слизнул храбреца с дороги в один момент. За первым чудовищем показались еще несколько. После этого мы побежали.

Давно я не бегал так быстро, но отстал одним из первых. Остальные были помоложе и побыстрее. Я попробовал подняться вверх по скале, подальше от железных монстров, но силы меня уже оставили и карабкаться по отвесной стене я не мог. Я стоял и покорно ждал, когда приблизиться этот огромный сундук. Вдруг поднялся бешеный ветер. Чудовище всосало меня.

Опять я не успел испугаться, наверное, устал очень. Меня приняли в объятия мягкие руки или щупальца, вероятно каучуковые и быстро содрали всю одежду, вплоть до последнего лоскутка. А затем я оказался на дороге, в набедренной повязке из листьев хинного дерева, сжимая в руках суковатую дубину. Откуда она взялась?

Я тут же бросил бесполезную дубинку и теперь стоял, думал и замерзал понемногу. Когда я основательно продрог, раздался страшный скрежет. Это очередной железный зверь, не желая на меня наехать, резко остановился в нескольких дюймах. Я понял, что большого зла эти железные сундуки нам причинить не желают. Поэтому я принял просительную позу и отчетливо заговорил. Я попросил не бросать меня здесь в горах на холоде, дабы я не превратился в кусок замороженного мяса. А если только есть немного сострадания у неведомого железного создания, доставить меня вниз, в долину, в тепло.

Ответ прозвучал прямо у меня в голове. Будто эти мысли родились там. Залезай ко мне на спину, сказало чудище, там тепло. Опять непонятно как, я оказался наверху. Здесь у монстра, в задней части был небольшой балкончик, пол которого, то есть спина его, была теплой.

Мне сразу стало веселее, и я принялся болтать как бы сам с собой. Зачем вы меня раздели, кто вы, чего вы хотите? Монстр мне рассказал, что они ловцы человеков. Они выполняют волю создателей. Тысячу лет они, ловцы, дремали глубоко в вулкане Льульалако, пока создатели не разбудили их.

Их создатели своеобразный народ. Они были и нашими предками, можно сказать прародителями человечества. Поскольку они бессмертны, единственным развлечением для них является непрерывное улучшение их мира. Приходиться делать очень много расчетов. И используют они при этом людей. Когда мы занимаемся повседневными делами: собираем урожай, пасем овец, развлекаемся на охоте, головы наши не заняты собственными мыслями и мозг наш свободен. Незаметно для нас, мы производим много скучных расчетов наших создателей. Складываем, умножаем, делим. И незаметно для нас эти расчеты собирают другие машины – ловцы цифр и передают великим предкам. А где они прячутся, спросил я, почему я никогда не видел этих ловцов цифр. Там, ответил монстр, высоко, высоко за облаками летают они, как маленькие звезды вокруг Земли. Они же дают задачки людям для расчетов. И вот, пояснил собеседник, существуют два течения, типа известных мне вигов и тори, которые понимают, как надо улучшать расчеты совершенно по-разному. Одни думают, что люди должны быстрее развиваться и быстрее считать. Но при быстром развитии у людей появляются слишком много своих расчетов, мешающих незаметным. Поэтому другое течение считает, что не нужно человеку самому развиваться пусть лучше для предков считают, Каждый раз в непрерывных дебатах в их так называемом парламенте принимается очередное решение. Недавно одержали верх “тори” и решили, что стоит, всю технократию и все технологии у человечества изъять и пусть люди не отвлекаются на собственные никчемные научные изыскания, а освободят мозг для вычислений создателей.

Для этого посланы ловцы человеков, отобрать одежду и все личное имущество у людей. За ними следуют еще более мощные и большие преобразователи, которые ломают дома и дороги, проглатывают все железо, разводят сады, сажают деревья, а также плавают и уничтожают корабли и все, что создано человеческими руками.

Но ведь это нечестно, воскликнул я. На что мне было сказано, что это не его механическое дело, главное для него выполнить задание. Он может мне посочувствовать, но не больше. И еще, он сказал, что довести все человечество до природного детства, им поручено всего за год по нашему исчислению.

Я впал в полную растерянность и долго переживал эти удивительные новости. Мне было тепло на горячей спине железного зверя, но я подумал о народах севера, которые не смогут голыми противостоять морозам. Что же теперь, человечество сузиться только до тех племен, которые живут на экваторе? А моя бедная Англия, что будет с ней? Даже если часть моих соплеменников на юге Британии смогут выжить, оторванные от материка они одичают. А мне тогда нужно остаться в Перу. Да и не смогу я вернуться в Англию. Корабли то они тоже уничтожат.

Внезапно мой механический монстр остановился. Слезай, приехали, сказал он. Мне не хотелось покидать тепленькое место, и я ждал объяснений. Мне разъяснили, что “виги” только что смогли отозвать решение о лишении человечества его технологии. Дебаты о дальнейшей судьбе людей продолжаются, а пока их железным помощникам необходимо немедленно вернуться в жерло вулкана. Но как, возмутился я, ты меня оставишь на верную смерть, в горах, без одежды? Я очень сочувствую, ответил этот сундук, мой эмоциональный блок буквально рыдает от горя, было бы у меня человеческое сердце, оно бы разорвалось. Но моя механическая часть действует совершенно независимо. И она в любом случае вернется в Льульалако, а замерзшего человечка оставит на дороге. Я понял, что уговоры бесполезны. Все механическое и железное, действительно не может быть сочувственным к человеческой беде.

На прощание я поинтересовался не без язвительности, когда ждать очередного пришествия умных сундуков? Когда парламент наших предков примет очередное решение? Совершенно серьезно железный зверь мне ответил, что, судя по настроению и желанию поспорить, очередного решения нужно ожидать примерно через тысячу лет.

Я двинулся босиком по камням в долину. Мне показалось, что я много часов, промерзший и грязный спускался по дороге, пока к счастью не догнал испанцев. Они смогли разжечь костер и грелись. Удалось отогреться и мне. Люди были злые и голодные. От домиков на дороге ничего не осталось, только кучки беспорядочных скальных обломков. Каким-то чудом мы, всей голой толпой, спустились в долину, в цивилизацию. Я как врач смог поставить диагноз. Все до единого заработали воспаление легких. Но о радость! Нас встретили дома, еда, тепло, медицинская помощь. Как я радовался, когда увидел повозку, запряженную парой лошадей. Паровоз, вызвал во мне детский восторг.

Я смог добраться до Паито. Лорда Клиппертона там уже не было. Вице-король Перу вырвался из плена, привел войска и арестовал его со всей командой. Арест грозил и мне, но вступился командир испанцев, с которыми я пережил это удивительное приключение. Дон Педро был так добр ко мне, что заявил, что считает своим долгом – вернуть меня на родину к жене и детям. Он помог мне деньгами и договорился с капитаном “Санта-Луизы”.

Я покинул Паито 24 марта на испанском коммерческом корабле. Вскоре добрался до Лиссабона. Оттуда, уже на английском судне прибыл домой в Редриф. Своих спутников – четырнадцать англичан я больше никогда не встречал, а с испанцами мы договорились никому не рассказывать о нашем удивительном приключении. Мы знали, что нам никто не поверит. Объявят, пожалуй, стадом безумцев, потерявшими разум от голода и холода в перуанских Андах. Но сказки то я имею право сочинять, правда, часто задумываюсь... Что случиться с людьми? Какой сюрприз преподнесут наши предки через тысячу лет?

Змушко Александр (МИНСК)

Пернатый кот

Рапиры лазеров пронзили угольную черноту космоса. Слепяще-белые линии расчертили пространство – разделили его на секторы, вспороли бездонную пустоту вакуума, озарили вечный мрак межзвёздной ночи.

— Вот чёрт, — выругалась Джайяна. — Они уходят, уходят!

Бортовые компьютеры вели бой в автономном режиме, и ей оставалось лишь кусать ногти. Корабль содрогнулся – турели выплюнули массивные заряды, устремившиеся к пиратскому крейсеру – невероятно быстро, недоступно взгляду.

Так называемое «гипероружие» – куски металла, разогнанные до сверхзвуковой скорости, могли пробить брешь в защите даже современных звёздолетов. Но силовые поля противника погасили инерцию снарядов быстрее, нежели те успели нанести урон.

— Сейчас они активируют «атомную подушку», — хмыкнув, пробасил синий гигант – уроженец Альфа Центавра.

— Знаю, кэп, — беспомощно простонала Джайя. — И мы опять их упустим, получим нагоняй, и не видать нам ежегодной премии, как своих ушей.

— Колонисты ещё и жалобу напишут, — небрежно бросила Ксифайя – великолепно сложенная дева с четырьмя руками и фиолетовым цветом кожи – уроженка Земной Федерации, добровольно модифицировавшая своё тело методами генной инженерии.

На экране у кормы уходящего от погони корабля на миг расцвёл огненный цветок – а затем ещё один и ещё один. Серия управляемых взрывов, амортизируемых особой «подушкой», уводила звёздных флибустьеров всё дальше и дальше от погони.

— Чёрт, чёрт, чёрт, — сказала Джайя. — Может, гипернырнём?

— В радиационных поясах вблизи Юпитера? — фыркнул капитан. — На малых расстояниях фокусировка не отличается особой точностью. А если выйдем внутри газового гиганта?

— Корабль сплющит атмосферным давлением, — подсказал Макс –кентавр в индивидуально разработанном полётном кресле.

Ксифайя наклонилась и сочувствием похлопала Джайяну по плечу.

— Бесполезняк, детка. Смирись.

— Эх, плакал мой вояж на Разумное Море-54, — вздохнул четвероногий.

На мониторе впереди них вальяжно выплывал из чернильного мрака багровый гигант Юпитер; крохотными булыжниками плавали вокруг него спутники, стали видны его кольца – не такие величественные, как у Сатурна, но, тем не менее. Пиратский корабль превратился в крохотную точку, затерявшуюся среди космической пыли.

Зрелище завораживало; но перепалка, тем не менее, продолжалась.

— Ха, подумаешь, вояж, — фыркнула лиловокожая землянка. — Я-то хотела себе ещё две руки сделать, уже записалась к доктору Лейбницу на приём.

— Тебе что, четырёх мало? — возмутилась Джайя.

— Чем больше рук, — наставительно сказала помощница капитана, — тем больше возможностей.

— Ну да. Конечно…

— Так, успокойтесь, дети мои, — пробасил Перейро. — Своё мы доберём на лунах Сатурна – поработаем в эскорте. Нам уже поступил заказ от Второго Принца Локальной Монархии. Будет вам и отдых на море, и дополнительные конечности – всё, что пожелаете.

— Уррра! — взвизгнула Ксифайя и послала великану страстный воздушный поцелуй.

И даже Джайяна ощутила внезапный прилив благодарности. Всё-таки, капитан у них – что надо. Она погибала всего два раза. И оба раза – по вине случая, а вовсе не из-за просчёта начальства или неслаженной работы команды. И на этот раз у них всё будет отлично. Они подобрались к самому ТОПу галактических рейнджеров – и, если повезёт, после Выборов Посмертного Президента, им начнут давать более ответственные задания.

— Ладно, детишки, — добродушно скомандовал Перейро. — Я тут и сам справлюсь. Автоматика меня ещё ни разу не подводила. Иди-ка вы отдохните, а я пока что посажу корабль на Ио. Из кредитного резерва прикупим себе закрылки.

— Так точно, капитан, — весело отсалютовала ему Джайяна и направилась к себе в каюту.

Позади доносились голоса команды: игривый – Ксифайи и возмущённый – Максимиллиана. Кажется, раскрепощённая землянка опять пыталась пригласить его на свидание. В своей каюте, разумеется. Некоторые вещи никогда не меняются…

Джайя приложила палец к идентификатору личности и проскользнула в личную комнату. Зажёгся свет; сирианские пальмы зашелестели листьями и наклонились в своих кадках. Они знали – пришло время кормления. Девушка, улыбаясь, отсыпала им немного удобрений и улыбнулась. Она любила свою каюту – в ней было удивительно уютно.

Ложе Морфея, оборудованное по последнему слову техники – с ароматизаторами и режимами вибромассажа, встроенным будильником и аудиоплейером – призывно мерцало у стены.

— Хозяйка делает выспаться? — участливо вопросил бортовой компьютер.

У него был нежный голос с сексуальными обертонами. Сегодня он копировал Дилана – певца из Эпохи До Виртуальности. Девушка вздохнула и помотала головой.

— Спасибо, солнце. Вначале нужно ещё кое-что сделать…

Она уселась на пуфик перед плазменным экраном. Под ноги попалась кошачья миска – и возмущённо пискнула, подавая сигнал тревоги. Джайя нежно погладила её, успокаивая, и переставила на место. Кот, её любимый кот по кличке Шрёдингер. Его фото было приклеено в углу монитора – сине-зелёное создание в алых перьях, полупрозрачное в часы сна. Долгое время они были разлучены – но настал час наверстать упущенное.

Джайя одела шлемофон и выбрала опцию «Виртуальные миры». Набрала на голографической клавиатуре 2056, поставила галочку в графе «Скачок во времени» и нажала Enter.

***

Монстр с рёвом опустил свою палицу на его щит. Его рогатая морда оказалась так близко, что Фейтон поморщился от смрадного дыхания.

— Сдохни, человек, — прорычал минотавр.

Слова вырвались из его глотки с протяжным хрипом.

— Иди к чёрту в пасть, — выкрикнул паладин и резким движением оттолкнул от себя чудовище.

Над ними было опрокинуто небо – такое восхитительно зелёное, как бывает в утренние часы весны. В нём висело несколько лун – красная, синяя и золотисто-жёлтая, похожая на монету. Солнце поднималось из Поющих Гор, и луны были бледными, словно фрейлина, которую застукал с любовником король.

— Я тебя прикончу, — пообещал Фейтон, тяжело дыша.

— Держи карман шире, — фыркнуло чудовище.

Солнце нагревало скалы. И до него донеслись отрывки сказочной мелодии, которую исполняли пьезокристаллы. На этот раз горы пели нечто нежное, романтическое и возвышенное.

— Твой час настал.

Он поднял клинок и ринулся вперёд.

Его противник отбил удар щитом, и обрушил палицу – острые шипы мелькнули прямо перед глазами юноши. Минотавр пихнул его щитом – и Фейтон попятился, едва не повалившись на спину. И в этот миг монстр спотыкнулся – ему под ноги попался кубок, брошенный кем-то после праздничного вечера.

Он покачнулся – всего на мгновение – но этого мига юноше оказалось достаточно: его клинок вошёл в волосатую грудь по самую рукоятку. Тварь выпустила из руки булаву – она с гулким грохотом покатилась по полу.

— Вот ведь дерьмо, — разочарованно сказала она и повалилась на колени.

Её пышущие золотом глаза на миг встретились с глазами юноши.

— Дерьмо, ведь правда же, — со злостью просипело чудовище и опрокинулось навзничь.

Из-под громадного тела, прямо по белоснежному мрамору балкона, стала растекаться кровь. Фейтон наклонился и закрыл потухшие глаза.

— Великолепно, мой сир! — воскликнул кто-то сзади, и он обернулся.

Против воли его сердце забилось сильнее: к нему шла Она. Она была великолепна – в одеждах из тончайшего шёлка, которые не скрывали почти ничего; с густыми чёрными волосами, которые стекали по её плечам.

— Всё для вашего удовольствия, миледи, — вежливо поклонился он. — Примерно так мы и убиваем этих чудовищ в горах Отчаяния.

Девушки в туниках радостно ему рукоплескали – однако он ощутил укол совести: убивать ради развлечения он не привык. Но ведь на него смотрела Тильпиррэ! У её отца не было наследника, а земли у него были весьма обширные…

— Вы превосходно показали себя, сир, — графиня Последних Земель мягко взяла его за руку. — Не присоединитесь ли к нам на пиру?

Он почтительно поклонился.

— О, я бы с превеликим удовольствием, миледи. Но увы – меня ждут неотложные и опасные дела. Надеюсь увидеть вас на празднике Семи Роз – поверьте, я приготовил вам нечто поистине необычайное.

— О, вот оно как! — на её лице отобразилось явное удовольствие. — Что ж, тогда мы будем ждать вашего подарка, сир Фейтон, ждать с нетерпением.

— Для меня большая честь видеть вас, — он ещё раз склонился, прижав руку в латной перчатке к груди. — Прошу простить мне моё отсутствие. Подвиги не ждут.

И улыбнулся – ибо в точности знал, что никакие подвиги его не поджидали: но таковы правила ухаживания за прелестной дамой. Создать ореол таинственности, заинтриговать и заставить предвкушать своё появление – разве это не разобьёт сердце юной девы?

Сир Фейтон знал любовные уловки наперечёт.

Впрочем, его действительно ожидало одно неотложное дело.

Ему нужно было покормить кота.

За очаровательной мантикорой – летающим и зловредным котом редкого окраса его попросила присмотреть девушка из Запретного Королевства – окружённого Хищными Лесами и Коварными Болотами, куда нет хода простым смертным.

Впрочем, говорят, туда уходят все души после смерти – и он сам, воочию видел тайны этого чудесного места. Ибо, подобно зенице ока, на своей груди он сохранял волшебный амулет, способный перенести его сквозь время и пространство.

— Что ж, пора.

Сир Фейтон подошёл к перилам балкона, ещё раз взглянул на фантасмагорический восход – яростное голубое солнце окрасило небеса в цвета индиго и аквамарина – и коснулся Амулета.

***

— Брысь, — сказал он, — брысь!

И стряхнул толстого полосатого котяру с груди.

— Да покормлю я тебя, покормлю…

Звонок продолжал надрываться. Вот что его разбудило.

Он сунул ноги в тапочки, которые давно бы не помешало выкинуть в мусорное ведро – через дырку были видны носки, натянул майку – шиворот навыворот, но переодевать было лень – и отправился в вояж по направлению к коридору.

— Ну кто там… — он раздражённо распахнул двери. — О чёрт!...

Перед ним стояла Она. Не капризная графиня Последних Земель, владения которой он был не прочь присоединить к своим, а обычная девушка с седьмого этажа, по которой он страдал уже полгода. Но так и не осмелился её пригласить. Её звали Алёна.

Ну, что с него взять? Когда он влюблён без памяти.. Зарабатывает посредственно – ни квартиры, ни гравискутера у него и нет, а её приятели –сплошные диджеи и бизнесмены. Особых надежд он не питал – но и забыть её не мог.

— Привет, Славик, — сказала Алёна. — Слушай… я ведь обещала, за Шрёдингером.

— А, ну да, — растерянно сказал он, остро ощущая себя идиотом в штанах с вытянутыми коленями, майке навыворот и порванных тапках. — Слушай, я бы пригласил тебя попить кофе, но я едва вышел из игры… даже душ не принял…

— Да, я вижу, — ухмыльнулась Алёна. — Я тоже только вышла из «Крейсера «Сатурн». Слушай, ты здорово меня выручил с котом.

Она нажала кнопку лифта. В его груди что-то защемило. Всего-то два этажа, а они словно – в разных Галактиках.

— И, кстати, слушай, — повернулась она. — Я посмотрела твой рейтинг. А ты здорово играешь.

— Ты правда так думаешь? — задержал дыхание он.

— Ага. Я-то в своей игрушке вечно на шестых ролях.

Он выдохнул, и неожиданно решился.

— Слушай, а ты не хочешь попить кофе? Ну, через полчасика…

Она весело улыбнулась ему.

— Кончено, да! Ты кажется, зареген в «Городе Сальсы»? Я знаю отличную кафешку! Только перекушу, а то у меня с голодухи в виртуальности голова раскалывается…

— Да нет-нет, — сбивчиво затараторил он. — Ну, не там, а – здесь. Ну, в смысле, мы так давно друг друга знаем, а…

Она посмотрела на него, словно видела впервые. Повернула к себе мордашку кота.

— Знаешь что? — задумчиво сказала она, почёсывая Шрёдингера под подбородком. — Кажется, этот парень приглашает нас на свидание? Мы как, пойдём?

Она надавила на его мохнатый лоб, и кот протестующее мявкнул. Девушка хихикнула.

— Кажется, он говорит «да». Правда, Шрёдингер?

Кот царапнул её когтями, ртутной каплей выскользнул из объятий и демонстративно отряхнулся. А затем блаженно потянулся и наклонил голову.

— Смотри-ка, — с округлившимися глазами сказала девушка. — Он и правда кивнул, — она перевела взгляд на парня. — Ну, что ж, идём! Разве я могу отказать Шрёдингеру? Только майку переодень.

— А… ага.

Она широко улыбнулась и тыкнула его пальцем в грудь.

— Мог бы и пораньше пригласить, балбес!

А этажом ниже кот свернулся в клубочек, принял идеальную сферическую форму, ужался до размером геометрической точки и с лёгким хлопком покинул пределы материальной вселенной.

***

Существо, имя которого выражалось набором оттенков, откинулось назад в кресле из антрацита. Оно активировало меню «Свойства», и убедилось, что его

рейтинг возрос до шести пунктов. Очередное задание выполнено. Двое узконосых обезьян будут вместе. Чем ему заняться в очередной раз?

Котом ему быть надоело.

Может, попробовать себя в роли религиозного лидера?

Ох, эти виртуальные игры! Если бы не они, было бы так скучно…

АНОНС – Скоро, в последующих номерах

Александр Свистунов

ПОПАДАНЦЫ

Фантастический пародийный роман
(фрагмент)

Вот он Темучин. Великий и ужасный. В огромной Юрте собрались приближенные великого Чингисхана. Здесь были старший сын Чингиз-хана – Джучи и два уже прославившихся в Китае полководца – одноглазый Субудай-багатур и сухопарый Тохучар-нойон. Посреди юрты горит костер из корней степного кустарника, и душистый дымок поднимается к отверстию круглой крыши. На золототканых шелковых коврах стоят огромные миски с вареной бараниной и горохом. Пахло вкусно, как ни странно. Прислужники обносят кумысом и вином гостей.

Сам Чингисхан “Посланный небом”, монгол с рыжей бородой, сидит на горе войлоков и ничего не ест. Он приветствовал гостей длинной фразой.

Толмач перевел.

– Не бойтесь меня бледные чужестранцы. Мы не едим человечину. Мы скармливаем ее собакам.

Я вздрогнул. Ярославу стало дурно, думаю не от страха, от запаха.

– Я буду, добрым к вам. Мои гости это больше чем друзья. Это моя семья. Вы, можете всех своих врагов скормить моим собакам.

Толмач долго описывал, как сильно Русь уважает Чингисхана, как князья русские готовы вместе сокрушить в Индии его врагов. Вообщем союз предлагают.

Темучин послушал, внимательно посмотрел на Ярослава. Чем-то он ему понравился и говорит.

– Дарю тебе русский князь, юную, луноликую, любвеобильную, Кулан.

Ярослав не знал, что сказать. Только и прошептал несмело.

– Так ведь женат же я, великий, Темучин.

Монгол недовольно поморщился и, небрежно махнув рукой, произнес два непонятных слова.

– У великого воина должно быть много жен, – перевел толмач, – отказываться нельзя, – прошипел он в ухо Ярославу…

Главный редактор – Свистунов Александр Станиславович
alexsvs@yandex.ru
Заместитель главного редактора – Васильев Владимир Германович (*Василид 2*)
vasilievvova@yandex.ru

Все произведения опубликованы с согласия авторов.

© *Леонид Шифман*
© *Ольга Бэйс*
© *Александр Ярушкин*
© *Александр Свистунов*
© *Александр Змушко*